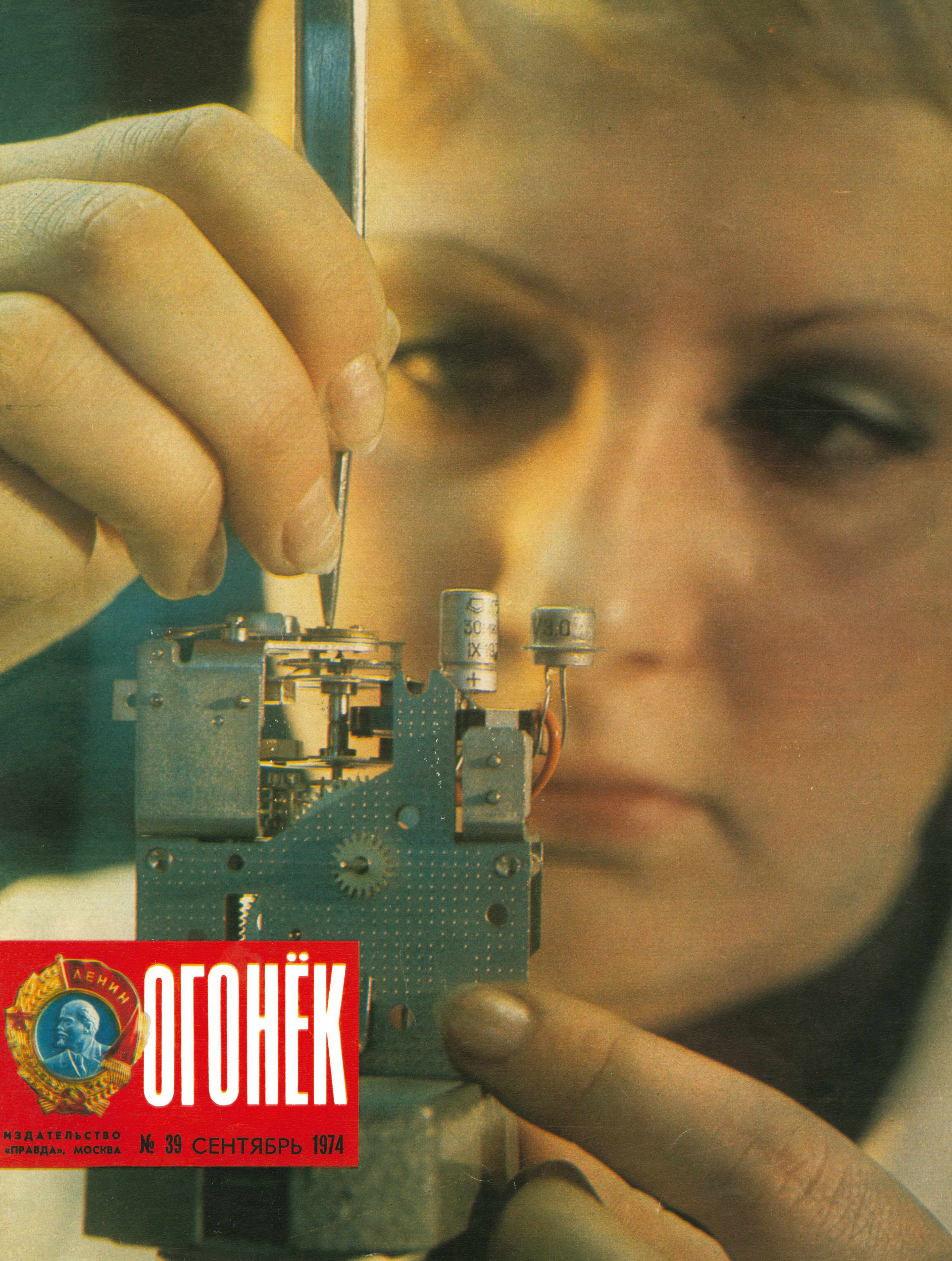

ЛЕНИН
ОГОНЁК
ИЗДАТЕЛЬСТВО
«ПРАВДА», МОСКВА
№ 39 СЕНТЯБРЬ 1974

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

ОГОНЁК

ЕЖЕНЕДЕЛЬНЫЙ ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИЙ И ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ ЖУРНАЛ

№ 39 (2464)

Основан 1 апреля 1923 года

21 СЕНТЯБРЯ 1974

Праздничный салют у обелиска Славы на горе Митридат.

Во время торжественного заседания в Керчи.

СЛАВА ГЕРОЯМ

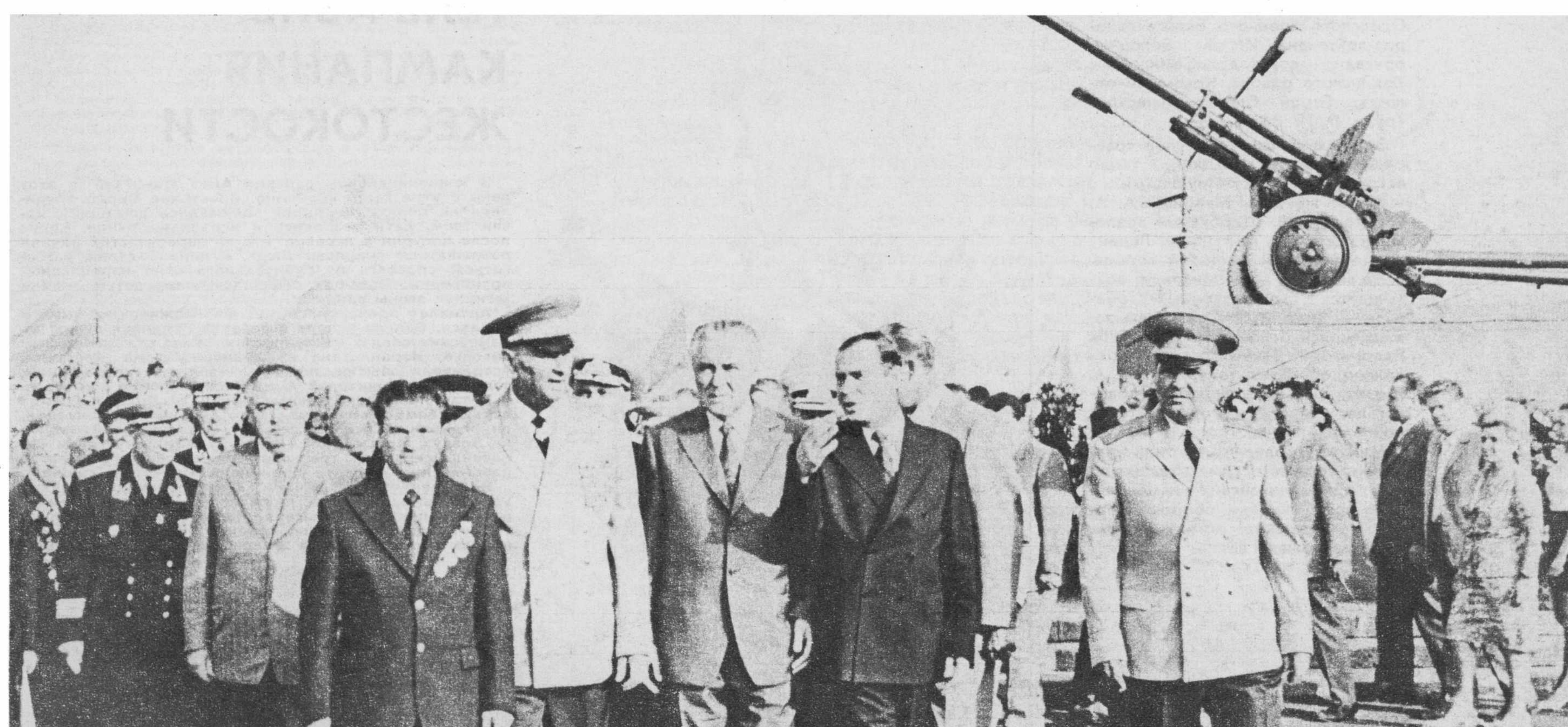
«НОВОРОССИЙСК И КЕРЧЬ ВМЕСТЕ С МОСКВОЙ, ЛЕНИНГРАДОМ, ВОЛГОГРАДОМ, СЕВАСТОПОЛЕМ, ОДЕССОЙ, КИЕВОМ, МИНСКОМ И БРЕСТСКОЙ КРЕПОСТЬЮ ВХОДЯТ В ЗАМЕЧАТЕЛЬНУЮ СЕМЬЮ ГОРОДОВ-ГЕРОЕВ. ОНИ СОСТАВЛЯЮТ НАШУ ГОРДОСТЬ И СЛАВУ, ОЛИЦЕТВОРЯЮТ БОГАТЫРСКИЙ ПОДВИГ СОВЕТСКОГО НАРОДА, РАЗГРОМИВШЕГО НЕМЕЦКО-ФАШИСТСКИХ ЗАХВАТЧИКОВ, ОТСТОЯВШЕГО ЧЕСТЬ И НЕЗАВИСИМОСТЬ СОЦИАЛИСТИЧЕСКОЙ РОДИНЫ».

Л. И. БРЕЖНЕВ. Из речи при вручении ордена Ленина и медали «Золотая Звезда» городу-герою Новороссийску.

По-особому нарядно и торжественно выглядели в эти сентябрьские дни улицы древней и вечно молодой Керчи: город алел кумачом знамен и транспарантов. Большой, светлый праздник отмечали жители Керчи. Указом Президиума Верховного Совета СССР за выдающиеся заслуги перед Родиной, массовый героизм, мужество и стойкость, проявленные трудящимися города и воинами Советской Армии, Военно-Морского Флота и авиации в годы Великой Отечественной войны, и в ознаменование 30-летия разгрома фашистских войск при освобождении Крыма городу Керчи присвоено почетное звание «Город-герой» с вручением ордена Ленина и медали «Золотая Звезда».

Товарищи А. А. Гречко и В. В. Щербицкий возложили венок к обелиску Славы.

Фото А. Награльяна.

Со всех концов страны прибыли сюда ветераны боев, многочисленные гости, среди которых — делегации городов-героев, посланцы Краснодарского края, Ростовской, Запорожской, Николаевской, Херсонской, Одесской областей.

14 сентября в городском драматическом театре имени А. С. Пушкина состоялось торжественное заседание Керченского городского комитета партии и городского Совета депутатов трудящихся, посвященное вручению городу-герою высокой награды Родины.

В президиуме — член Политбюро ЦК КПСС, министр обороны СССР Маршал Советского Союза А. А. Гречко, член Политбюро ЦК КПСС, первый секретарь ЦК Компартии Украины В. В. Щербицкий. Вместе с ними первый секретарь Крымского обкома партии Н. К. Кириченко, члены бюро Крымского обкома и Керченского горкома партии, члены исполкомов областного и городского Советов депутатов трудящихся, военачальники, руководители делегаций, прибывших на торжества, герои сражения за Керчь, знатные люди города.

Торжественное заседание открыл председатель Керченского горисполкома В. Ф. Дубов.

Под бурные аплодисменты был избран почетный президиум в составе Политбюро Центрального Комитета КПСС во главе с Генеральным секретарем ЦК КПСС товарищем Л. И. Брежневым.

Тепло встреченный собравшимися, с речью выступил товарищ А. А. Гречко.

Под бурные аплодисменты участников заседания А. А. Гречко зачитал Указ Президиума Верховного Совета СССР о присвоении Керчи почетного звания «Город-герой» и прикрепил орден Ленина и медаль «Золотая Звезда» к знамени города.

На торжественном заседании выступили также первый секретарь Керченского горкома партии С. А. Чистов, первый секретарь Киевского горкома партии А. П. Ботвин, Герой Советского Союза Н. А. Беляков, мастер судоремонтного завода Г. С. Матвиенко, заместитель председателя исполкома Моссовета А. К. Мельниченко, первый секретарь Крымского обкома партии Н. К. Кириченко, крановщица завода имени Войкова Е. Л. Удовиченко, командующий войсками Одесского военного округа генерал-лейтенант И. М. Волошин, бригадир совхоза «Семисотка», Ленинского района, Крымской области, Герой Социалистического Труда Л. И. Вялова.

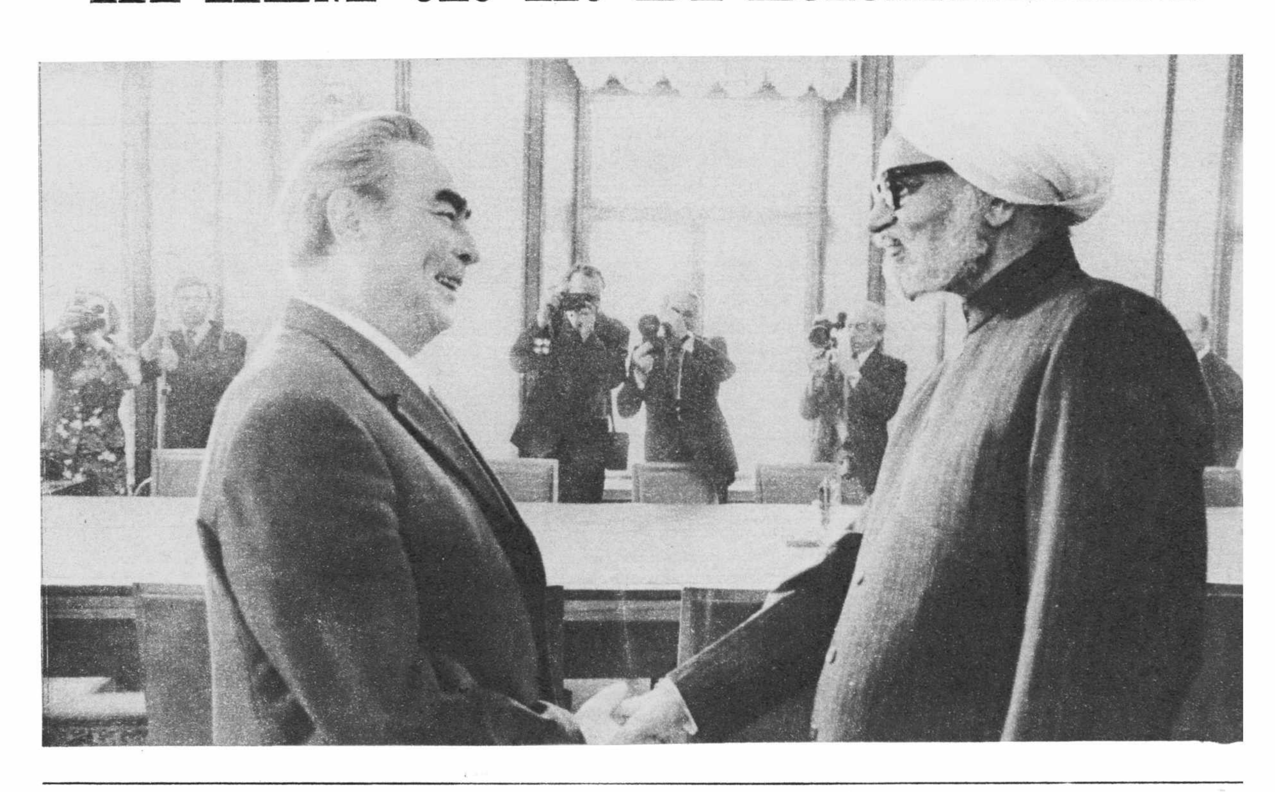
Затем с речью выступил товарищ В. В. Щербицкий, тепло встреченный присутствующими.

В этот же день товарищи А. А. Гречко и В. В. Щербицкий возложили цветы к памятнику Ленину на центральной площади города.

На вершине горы Митридат возвышается величественный обелиск — символ боевой славы защитников и освободителей Керчи. Рядом горит Вечный огонь. К подножию обелиска товарищи А. А. Гречко, В. В. Щербицкий, руководители области и города, гости возложили венки.

Минутой молчания почтили участники торжеств память защитников Аджимушкайских каменоломен, погибших при обороне Керчи. На братские могилы героев были возложены венки.

ПРИЕМ Л. И. БРЕЖНЕВЫМ

НАРОД ЧИЛИ ПОБЕДИТ!

Корреспондент журнала «Огонек» В. Дунаев встретился с лидером чилийского комсомола Гладис Марин, которой удалось вырваться из рук военной хунты.

Гладис Марин — худенькая, небольшого роста. Сколько силы, энергии в этом хрупком теле! Как много она пережила, прошла ад фашизма, но не сломлена, полна упорства продолжать борьбу за свободу Чили до полной победы справедливости.

— Трудно говорить о своих личных впечатлениях, связанных с тем или иным событием,— рассказывает Гладис Марин,— поскольку мы являемся лишь частицей той великой армии, имя которой — народ. И потому все, что я пережила, имеет так много общего с испытаниями, выпавшими на долю моих товарищей, друзей и всего нашего народа. На моей родине свирепствуют репрессии, террор. Разве можно быть безучастным к тому, что в наше время в Чили издеваются над политзаключенными, пытают детей в присутствии матерей, насилуют женщин и совсем юных девушек, вырывают ногти и подвергают людей другим чудовищным пыткам! Вот почему наш народ борется. Вот почему вся страна поднимается на борьбу.

Гладис Марин написала приветствие читателям «Огонька»:

«Посылаю мой братский, революционный привет читателям «Огонька» от имени чилийских патриотов, борющихся с фашистской хунтой. Благодаря солидарности всех народов мира родина Сальвадора Альенде и Пабло Неруды победит.

Гладис Марин».

ТЕЛЬ-АВИВ: КАМПАНИЯ ЖЕСТОКОСТИ

Страдают арабские дети.

В южноливанской деревне Айта аш-Шааб в этот день с утра было спокойно. Крестьяне мирно трудились на полях. Женщины занимались домашним хозяйством. Дети резвились и играли на улице. Вдруг после полудня в деревне и в ее окрестностях начали разрываться снаряды. Люди в панике стали разбегаться, спасаясь от губительного огня израильской артиллерии. Повсюду слышался плач детей, крики женщин, стоны раненых.

Артналет прекратился так же неожиданно, как и начался. Однако вскоре в деревне появился отряд израильских солдат численностью около ста пятидесяти человек. Израильтяне врывались в дома крестьян, устраивали обыски, переворачивая все вверх дном, допрашивали жителей о местонахождении партизан.

И так повсюду в южных районах Ливана. Гремят взрывы бомб и снарядов. Горят оливковые плантации, виноградники, посевы табака и пшеницы. Взлетают на воздух жилые дома. В мирную тишину сел и деревень врезается трескотня пулеметов и автоматов израильских солдат, проникающих через границу.

Но главными объектами для непрекращающихся ударов авиации, флота, артиллерии, вылазок коммандос Израиля стали лагеря палестинских беженцев. Гибнут дети, женщины, старики. Велики страдания народа Палестины: два миллиона человек насильст-

С. СИНГХА

По приглашению Советского правительства с 8 по 10 сентября 1974 года в Москве находился с официальным визитом министр иностранных дел Индии Сваран Сингх.

Сваран Сингх был принят Генеральным секретарем ЦК КПСС Л. И. Брежневым.

В сердечной, дружественной беседе, проходившей в духе полного взаимопонимания, в которой принял участие член Политбюро ЦК КПСС, министр иностранных дел СССР А. А. Громыко, были рассмотрены состояние и перспективы развития советско-индийских отношений, а также актуальные проблемы современного международного положения.

Л. И. Брежнев заявил о твердой и последовательной поддержке Советским Союзом политики Индии, направленной на оздоровление обстановки в Азии и во всем мире, пожелал индийскому народу и правительству, возглавляемому И. Ганди, успехов в дальнейшем развитии страны по пути мира и прогресса.

Перед началом беседы.

Фото В. Мусаэльяна (ТАСС).

венно изгнаны со своей родной земли. Израильские захватчики продолжают проводить политику террора и геноцида против этого арабского народа, лишенного родины. На оккупированных территориях на Западном берегу Иордана и в секторе Газы израильтянами в общей сложности взорвано и разрушено свыше 19 тысяч жилых домов беженцев. В израильских тюрьмах и концлагерях томится 18 тысяч палестинцев. Они подвергаются самому жестокому обращению, нечеловеческим пыткам.

Однако, несмотря на репрессии и разбой военщины Тель-Авива, палестинский народ продолжает вести мужественную борьбу за свои национальные права. Горит земля под ногами израильских агрессоров. Бойцы палестинских отрядов сопротивления уже проводят боевые операции непосредственно на оккупированных врагом территориях.

В бессильной злобе Тель-Авив усиливает кампанию жестокости против Ливана. Вдоль южной границы этого арабского государства сосредоточиваются израильские войска. Приведены в состояние повышенной боевой готовности бронетанковые и механизированные части. Прокладываются новые дороги и коммуникации к ливанской границе, строятся укрепления. В то же время проводятся массовые аресты среди арабского населения оккупированных земель.

Провокационные действия Израиля против Ливана — еще одна попытка закрепиться на захваченных территориях, чтобы в конечном итоге узаконить их оккупацию. Взрывоопасная обстановка, сложившаяся на границе между Израилем и Ливаном, неопровержимо доказывает, что ключевым моментом ближневосточного урегулирования должен быть вывод израильских войск со всех оккупированных арабских территорий и обеспечение законных прав народа Палестины.

Ю. СВЕРДЛОВ

СОВЕТСКАЯ ИНИЦИАТИВА

Николай ПАСТУХОВ

Обстановка в Восточном Средиземноморье продолжает оставаться напряженной. Недавно террористы совершили покушение на Лиссаридиса, лидера партии Единый демократический союз центра. Управлявший машиной секретарь партии по организационным вопросам Дорос Лоизу убит, а Лиссаридис и еще трое человек получили ранения. Выступая на похоронах своего боевого друга, Лиссаридис заявил, что члены подпольной террористической организации «ЭОКА-2» (она была одной из основных ударных сил греческой военной хунты, организовавшей реакционный переворот на Кипре в середине июля) ведут себя как лакеи ЦРУ и Израиля. Из-за продолжающейся подрывной деятельности на Кипре «ЭОКА-2», вынашивающей заговор против архиепископа Макариоса, президент республики до сих пор не может вернуться в Никозию. Руководители «ЭОКА-2», выступающие за энозис (присоединение Кипра к Греции), заявили, что у них имеются склады оружия и боеприпасов и они, если понадобится, начнут военные действия. Все это создает на всей территории Республики Кипр неспокойную обстановку, нарушает нормальную жизнь острова.

А, казалось бы, уже прошло достаточно времени для того, чтобы урегулировать так называемую кипрскую проблему, искусственно созданную НАТО, а теперь «решаемую» в узком семейном кругу руководителей этой военной группировки. Ни для кого уже не является секретом тот факт, что попытки урегулирования кипрского вопроса в рамках НАТО — лишь стремление продлить кровопролитие на острове и иностранное вмешательство во внутренние дела Республики Кипр.

В интервью никозийской газете «Филэлефтерос» архиепископ Макариос заявил: «Мы никогда не согласимся с тем, чтобы создавшаяся ныне фактическая обстановка на Кипре была закреплена юридически». Он назвал позицию, занятую США в кипрском вопросе, «довольно подозрительной» и заявил, что Соединенные Штаты «несут большую ответственность за сегодняшнюю трагедию кипрского народа».

В международных общественных и политических кругах обратили внимание на подлую роль, которую играют в кипрском вопросе пекинские маоисты, считающие, что этот вопрос является чисто внутренним делом НАТО. Таким образом, маоисты уже безо всякого камуфляжа выступают с чисто проимпериалистических позиций.

Пока натовцы, воодушевляемые своими разномастными почитателями, затягивают решение кипрской проблемы, растет воинственность тель-авивских экстремистов, которые снова создают взрывоопасную обстановку на Ближнем Востоке. Проволочки в решении кипрской проблемы играют на руку Израилю, который усиливает провокации против Ливана. Вслед за маневрами войск на севере страны, мобилизацией резервистов и провокационными передвижениями войск на Синайском полуострове в непосредственной близости от линии разъединения с Египтом тель-авивские милитаристы провели еще одни трехдневные маневры в южном военном округе. Глава израильского правительства Рабин на днях выступил с новым провокационным заявлением, в котором требует уступок со стороны арабов, иначе он, видите ли, не согласится ни на какой дальнейший вывод израильских войск с арабской территории. После недавней поездки Рабина в США милитаризм Израиля еще более вырос и принимает опасный характер.

Сейчас становится совершенно очевидно, что вся дипломатическая деятельность натовских кругов вокруг Кипра рассчитана на затягивание справедливого политического урегулирования в Восточном Средиземноморье. Именно поэтому руководство Североатлантического агрессивного блока столь негативно относится к советской инициативе о созыве в рамках ООН международной конференции для обсуждения кипрской проблемы. Натовцы все еще не отказались от попытки навязать угодное им соглашение по Кипру и делают все для того, чтобы воспрепятствовать обсуждению кипрской проблемы на представительном международном форуме.

Вместе с тем советская инициатива находит самую широкую поддержку в общественных и политических кругах большинства стран планеты. Президент Кипра архиепископ Макариос заявил, что он полностью поддерживает предложение Советского правительства о созыве конференции. Эта конференция, отметил Макариос, должна выработать конкретные меры по решению кипрского кризиса. Макариос заявил также, что он удовлетворен сотрудничеством с новым греческим правительством. Недавно в Афинах было опубликовано официальное заявление, в котором говорится, что Греция признала правительство Г. Клиридиса единственным законным правительством Кипра. Премьер-министр Греции Караманлис заверил Г. Клиридиса, что его страна окажет Кипру «моральную, политическую и материальную поддержку». Вместе с тем отношения между Афинами и Вашингтоном обостряются, что является прямым следствием выхода Греции из военной организации НАТО.

Правительство Греции одобрило советскую инициативу по урегулированию кипрской проблемы и выразило готовность принять участие в международной конференции. Австрийская газета «Ди Прессе» обращает внимание на тот факт, что все дипломатические усилия вокруг кипрского вопроса в последние дни «находились под воздействием предложения СССР о созыве международной конференции по Кипру».

Советская инициатива — это единственный реальный путь справедливого урегулирования на Кипре. Идею созыва международной конференции горячо одобряет прогрессивная общественность всех стран.

КОЛОНКА МЕЖДУНАРОДНОГО ПУБЛИЦИСТА

Борис СМИРНОВ,
Николай ШУМАКОВ,
фото Алексея ГОСТЕВА.
Специальные
корреспонденты «Огонька»

СОВЕСТЬ ХЛЕ

Чтобы не отрывать человека от дела, я попросил у Анатолия Татаренко, комбайнера целинного совхоза имени Ломоносова, Кустанайской области, разрешения проехать с ним на комбайне. «Давай!» — кивнул Анатолий, и я оказался у него за спиной на высоком мостике СК-4. Поехали...

Отсюда, сверху, панорама жатвы раскрывалась во всей своей бескрайности. Ни единой помехи взору — только поля вокруг, огромные поля пшеницы. Это самое первое впечатление. Потом замечаешь комбайны, темными точками ползущие у горизонта, но и они кажутся необходимой, неотъемлемой принадлежностью этого желтого хлебного простора. Наконец начинаешь различать, что желтизна неоднородна: там, где комбайны прошли, земля кажется темнее, а несжатая часть полей живет, переливается на ветру палевым цветом колосьев. И видишь, как с каждой минутой, с каждым мгновением тает под мельницей мотовил подвижная волна спелой пшеницы.

Анатолий вел комбайн какими-то хитрыми, одному ему понятными путями: то состригал кромку поля, потом разворачивался и «вгрызался» в пшеницу поперек своего же следа. Получался большой квадрат несжатой пшеницы, и теперь наш комбайн методично, аккуратно начал обстригать этот квадрат по периметру. Ага, вот в чем дело: бункер комбайна почти полон зерна, и Анатолий не хочет далеко уезжать от стоящих неподалеку грузовиков... Теперь я понимаю и то, почему мы то ускоряем, то замедляем ход: посевы не везде взошли одинаково, вот и скорость приходится приспосабливать к густоте пшеницы. Кроме того, надо следить за высотой стеблей и вовремя поднимать мотовила, надо рассчитать угол поворота так, чтобы потерять на перестроение как можно меньше времени... И все же, дорожа каждой секундой, Анатолий ни разу не поленился отъехать на несколько метров в сторону со своей «трассы», чтобы скосить несколько оставленных кем-то колосков. Вот она, совесть хлебороба...

— Устал? — спросил я, когда комбайн остановился и зерно тугим потоком стало переливаться в кузов подошедшего грузовика. Анатолий сидел, привалившись к рулю, правая рука тяжело лежала на коленях.

— Да нет, привык...

— Сколько часов спать приходится?

— Домой приезжаю к двенадцати, а в шесть — опять в поле.

СИНИЕ СТЕПИ

Лирический репортаж

* * *

Тучи в небе
Солнце погасили.
На комбайне —
Парень в полный рост.
И воспоминаньем о России
Тихо светит
Рощица берез.
Корабли —
Комбайны-ростовчане
По морю по хлебному плывут.
Здесь в суровом,
Вьюжном Казахстане
Люди очень дружные живут.
Верные товарищи-соседи,
Патриоты раннего утра:
Трояков,
Татаренко,
Беседин,
Логачев,
Агеев...
Мастера
Нынешней целинной трудной
жатвы.
У всего района впереди
Так они работают,
Что жарко
Осени в разбуженной степи.
Говоря свое земное слово,
Времени
опережая бег,
Трудятся:
Сацков,
Гудков,
Сацкова,
Бибиков,
Айкенов Бахытбек,
Галя Косолапова с любимым,
Белослуцев Толя
И Шаньгин...
Результаты дел их
Очень зримы.
Лидеры труда —
Пример другим.

БАТЯ

Герою Социалистического Труда Андрею Михайловичу Бородину, первому секретарю Кустанайского обкома КП Казахстана.

Взгляд усталых глаз
Спокойный, чистый.
Волосы —
У возраста в кольце...
И морщинки светятся лучисто
На его обветренном лице.
Все ему здесь
Близко и знакомо:
Каждая ложбинка,
Борозда...
Хлебный край —
Как стены чудо-дома —
Созидал он многие года.
Жизнь его —
Партийная работа,
С нею он,
Как говорят, на «ты».
Строгость,
Но и чуткость и забота —
Первые характера черты.
Учит: «В дело каждое
Вникайте!..» —
Славный кустанайский коммунист.
И зовут его
Любовно Батей:
И шофер,
И врач,
И тракторист...

БОРОБА

— Не снится комбайн?

— Куда там, не до снов, — усмехнулся Анатолий, — только бы голову до подушки донести...

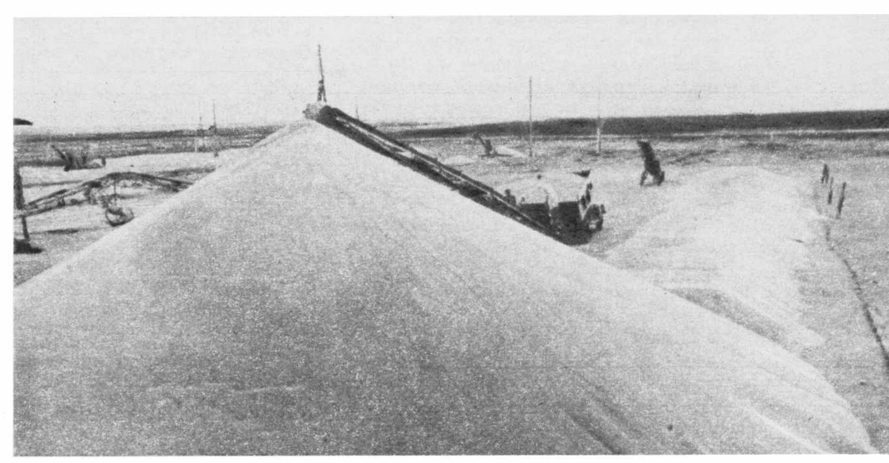
И снова плывет навстречу хлебное поле, сгибаются упругие стебли под ударами мотовильных планок. Только раз за все время, что был я на поле, Анатолий незапланированно остановил комбайн — что-то постороннее послышалось ему в грохоте двигателя. Сразу же с других машин бросились на помощь Николай Бибиков, Алексей Воронков, но Анатолий махнул комбайнерам рукой — сам, мол, справлюсь, — и через минуту жатва продолжалась. Хороший комбайнер должен знать машину как свои пять пальцев, а что такое хороший комбайнер, я уже отчетливо себе представлял.

Именной трактор К-701 подарили ленинградцы депутату Верховного Совета СССР трактористке совхоза «Харьковский», Кустанайской области, Камшат Доненбаевой.

«Семейным звеном» в шутку называют в совхозе «Харьковский» супругов-комбайнеров Галину и Василия Косолаповых.

Хлеб целины.

Комбайнер Анатолий Татаренко.

К 30-ЛЕТИЮ ОСВОБОЖДЕНИЯ СТОЛИЦЫ ЭСТОНИИ — ГОРОДА ТАЛЛИНА

ПАМЯТ

Накануне 30-летия освобождения Таллина от немецко-фашистских захватчиков корреспондент «Огонька» Олег СКУРАТОВ встретился с адмиралом В. Ф. ТРИБУЦЕМ, командовавшим в годы войны Краснознаменным Балтийским флотом, и попросил его ответить на несколько вопросов.

— Летом сорок первого года Ставка подчинила сухопутные войска, действующие под Таллином, командованию Балтфлота, приказав защищать город до последней возможности. Чем особенно запомнились вам эти трудные дни?

— Решение подчинить сухопутные войска морскому командованию было принято в критическое время... После месяца ожесточенных боев на южных границах Эстонии наш фронт оказался прорванным.

Большая часть войск нашей 8-й армии отступила за реку Нарву. Лишь 10-й стрелковый корпус оставался на таллинском направлении. Этот корпус не выходил из боя с первого дня войны и к началу августа насчитывал менее 10 тысяч штыков.

Здесь, под Таллином, враг имел огромное преимущество — на город наступали пять отборных дивизий, ранее воевавших во Франции и Польше. Наши же малочисленные войска не могли создать сплошной обороны. Батальонам приходилось занимать участки фронта в десять — двенадцать километров.

Военный совет флота направил на самые критические участки отряды морской пехоты. Моряки дрались бесстрашно. Помню, как один из таких отрядов, руководимый полковником И. Г. Костиковым, стремительно атаковал врага под городом Рапла. Матросы шли в бой, скинув бушлаты. Дрогнули гитлеровцы, не выдержав дружного штыкового удара.

Всего было создано четырнадцать отрядов из моряков-добровольцев. С кораблей по мере возможности снимались пулеметы и орудия. Все подчинялось главной задаче — остановить, задержать врага!

В это тяжкое время огромную помощь войскам оказала Таллинская партийная организация. Под ее руководством трудящиеся города вместе с моряками строили доты, рыли окопы. В короткий срок были сформированы эстонские истребительные батальоны, которые затем свели в Таллинский коммунистический стрелковый полк. Эта воинская часть героически дралась с гитлеровцами на южных подступах к городу, отражая десятки яростных атак.

Над Таллином неумолчно гремели залпы тяжелой корабельной артиллерии. Стоящий на рейде флот бил по наступающему врагу. На пределе человеческих сил сражались героические морские летчики генерала М. И. Самохина, делая в день по восемь-девять боевых вылетов.

В середине августа, когда гитлеровские танки прорывались в город по Тартускому шоссе, командованию пришлось направить в боевые порядки 10-го стрелкового корпуса и 1-й бригады морской пехоты последний артиллерийский резерв — три зенитных полка противовоздушной обороны флота.

В те дни дивизии гитлеровского вермахта уже подошли к Ленинграду и Киеву. А Балтийский флот удерживал район Таллина и прочно господствовал в море, защищая острова Моонзундского архипелага.

20 августа после многочасовой артиллерийской подготовки противник перешел в наступление по всему фронту. Тяжелое положение сложилось на юго-западном участке обороны. Здесь удар врага отражали морские пехотинцы полковника Костикова. Отряд стоял насмерть...

Враг нес огромные потери, откатывался назад. Но фашистское командование подтягивало свежие части, а у нас в резерве не было даже стрелковой роты... 21 августа в бой вступил крейсер «Киров» и береговые батареи острова Аэгна.

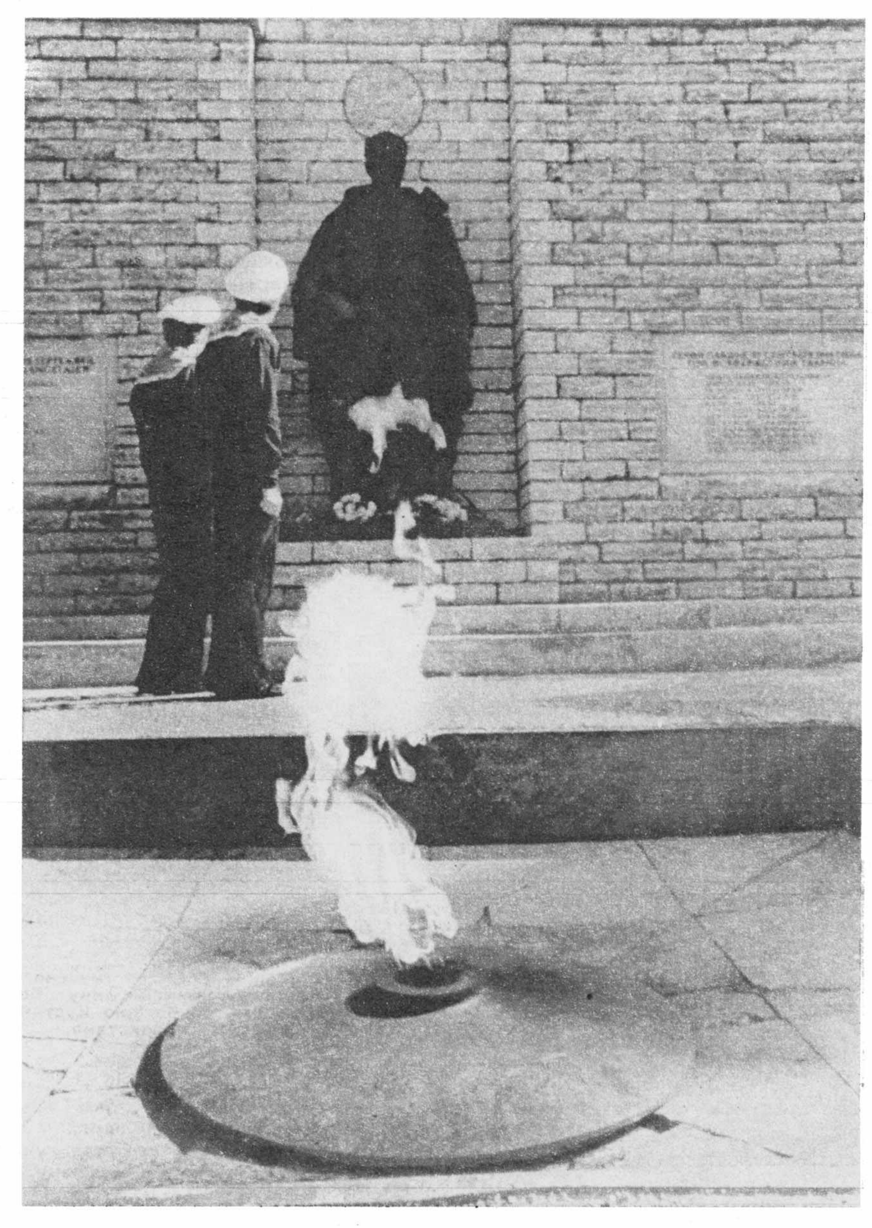
Советские солдаты и матросы бились с врагом за каждый метр. Каждый шаг врагу доставался ценой больших потерь. У памятника «Русалка» курсанты военно-морского училища девять часов отбивали ожесточенные атаки гитлеровцев.

Так сражались советские воины на каждом клочке опаленной огнем таллинской земли.

— Известно, что гитлеровцы установили минные поля в фарватерах Финского залива. Они неоднократно заявляли, что ни один корабль Балтийского флота не прорвется из Таллина в Ленинград...

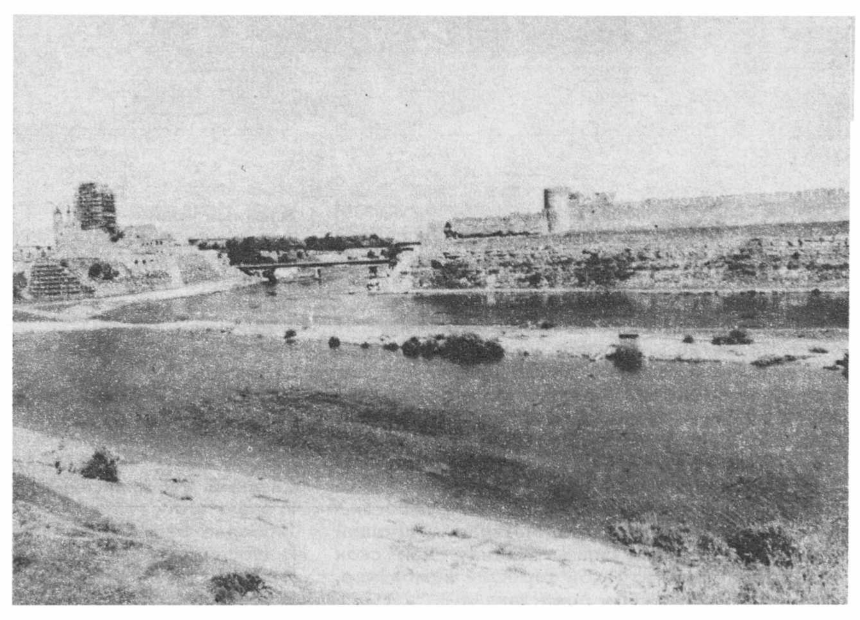
— Когда Таллин пришлось оставить, гитлеровцы действительно объявили на весь мир, что наш флот оказался в ловушке, но фашисты учитывали лишь военную сторону дела — они не взяли в расчет балтийский характер!

Флот пошел на прорыв... Трудно вспоминать и еще труднее говорить о том, какие испытания выпали на долю защитников Таллина в этом беспримерном по своему героизму пути в Кронштадт. Краснознаменный Балтийский флот с честью выполнил приказ командования — боевые корабли и закаленные в боях за Таллин войска влились в ряды защитников Ленинграда. А когда пришло время, балтийцы вернулись на памятный берег Эстонии.

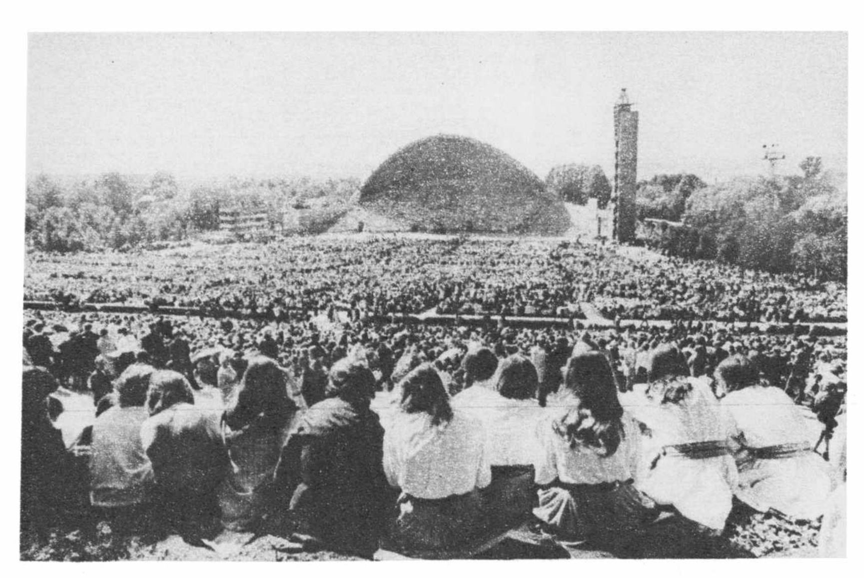

Вечная слава героям!

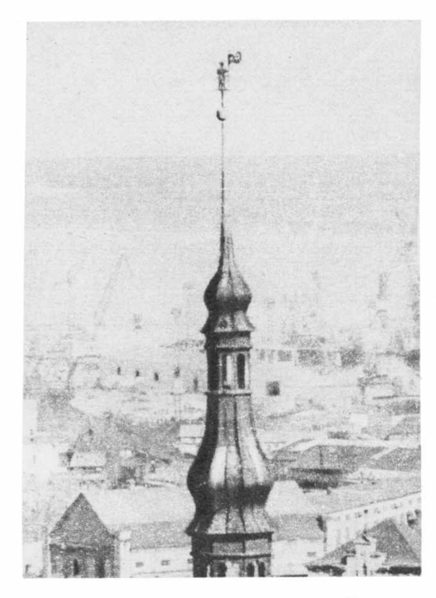
Древние крепости Нарвы... Здесь воины Ленинградского фронта вели жесточайшие бои с врагом, освобождая эстонскую землю.

НЫЙ БЕРЕГ

Любимый праздник таллинцев — праздник песни на Певческом поле.

«Старый Тоомас» — древний символ города Таллина.

Парад победителей... Школьники вручают цветы бывшему воину 8-го Эстонского корпуса Герою Советского Союза Арнольду Мери.

Новая гостиница «Виру» в центре Таллина. Фото В. САЛЬМРЕ.

— Это было летом сорок четвертого...

— Да, 26 июля войска Ленинградского фронта освободили первый эстонский город — Нарву. А в сентябре 2-я Ударная армия генерала И. И. Федюнинского нанесла сокрушительный удар по гитлеровцам в районе города Тарту...

— Но ведь всего за несколько дней до этого 2-я Ударная армия находилась за Чудским озером. Появление ее на Тартуском участке оказалось совершенно неожиданным для немецкого командования. Как это произошло?

— Внезапность рождалась исключительно смелым маневром войск Ленинградского фронта. Помнится, еще до этой операции меня вызвали к маршалу Говорову. Прежде всего командующий фронтом спросил об обстановке на Чудском озере.

— Бригада речных кораблей и морские летчики полностью очистили озеро от вражеской флотилии,— доложил я.

— Предстоит переброска армии генерала Федюнинского на западный берег,— сказал маршал,— будем наносить удар от Тарту на Раквере, обходя с тыла нарвскую группировку противника. Сможете вы переправить через озеро целую армию со средствами усиления?

— Будет выполнено, Леонид Александрович,— заверил я командующего.

И началась небывалая переправа... За несколько дней на западный берег балтийцы перебросили 135 тысяч бойцов, свыше двух тысяч орудий и двадцать три тысячи автомашин и повозок. День и ночь спаренные тендеры переправляли тяжелые танки. Бывало, что по двадцать рейсов в сутки делали наши катера. На сон не оставалось ни единого часа.

Корабли проходили мимо Вороньего Камня, где семьсот лет назад русские дружины Александра Невского разгромили рыцарей Тевтонского ордена. Теперь моряки Балтики переправляли через Чудское озеро прославленные полки Эстонского корпуса генерала Л. А. Пэрна и Ленинградский гвардейский корпус генерала Н. П. Симоняка. Товарищи по оружию шли в бой за эстонскую землю.

17 сентября гром тысяч орудий возвестил о начале наступления. Фронт врага был прорван в первый же день... Стремительное продвижение 2-й Ударной армии поставило под угрозу окружения все гитлеровские войска на побережье Финского залива.

Буквально накануне нашего наступления командующий фашистскими войсками в Эстонии генерал Гессе отдал приказ, запрещающий любое отступление с занимаемых рубежей.

Но советские танки выглядели убедительнее высокопарных фраз гитлеровского генерала. Угроза окружения заставила Гессе поспешно отводить свои войска с Нарвского участка. Линия «Танненберг», возводившаяся гитлеровцами в течение двух лет, была оставлена без боя.

Войска 8-й армии генерала Ф. Н. Старикова начали преследование врага и за два дня продвинулись по южному побережью Финского залива на 90 километров. Вечером 20 сентября танки 8-й армии ворвались в Раквере, а на следующий день соединения быстроходных катеров Балтийского флота высадили десанты морской пехоты в Кунде и Локсе. До Таллина оставалось менее ста километров...

— Как же разворачивалось сражение на подступах к эстонской столице?

— Прорыв 2-й Ударной армии в центральные районы Эстонии полностью дезорганизовал вражескую оборону. Под Тарту гитлеровцы понесли огромные, невосполнимые потери и теперь стремились любыми средствами спасти остатки своих войск.

Стремительно продвигалась с юго-востока к Таллину 7-я стрелковая дивизия полковника К. А. Алликаса. Воины-эстонцы горели желанием поскорее очистить родную землю от ненавистных захватчиков.

И войска буквально рвались вперед. «Даешь Таллин!» — эти крылатые слова звучали в приказах, были начертаны на броне танков, на табличках дорожных указателей.

В ночь на 21 сентября полковник Алликас вел в бой передовой отряд под командованием полковника В. И. Вырка. Пехота, посаженная на автомашины, танки и самоходные орудия, устремилась по вражеским тылам. Машины мчались с зажженными фарами. Был случай, когда на перекрестке дорог немецкий регулировщик указал направление на Таллин, приняв советскую воинскую часть за свою.

Утром 22 сентября передовой отряд Эстонского корпуса сбил вражеский заслон на реке Пирита и ворвался в Таллин по Тартускому шоссе. Вскоре над древней башней «Длинный Герман» взвилось красное знамя. Его водрузил лейтенант Иоханес Лумисте.

Почти одновременно с востока в город вошли дивизии 8-й армии — подвижные отряды 117-го и 109-го стрелковых корпусов генералов В. А. Трубачева и И. П. Алферова. Город был в наших руках. А в порту еще кипел бой. Гитлеровцы, уходя, пытались подорвать электростанцию, но рабочие-таллинцы и подоспевшие моряки капитана 3-го ранга А. П. Крючкова сорвали их замысел.

Торпедные катера форсировали боновые заграждения и высадили в военную гавань батальон морской пехоты. Три года назад, в горькие дни сорок первого года, эти катера последними покидали таллинскую гавань... Балтийцы клялись вернуться сюда в числе первых. И они сдержали клятву... На головном катере младший сержант Иосиф Юрченко держал древко с развевающимся военно-морским флагом.

Балтийский флот подходил к памятному берегу, политому кровью моряков, к берегу, который советские солдаты и матросы вырвали из рук врага и возвратили Родине...

Мударис Исламгалеев.

После планерки у главного инженера.

РАДОСТЬ ПОЗНАНИЯ

Термостатное отделение особо точных станков.

Галина **КУЛИКОВСКАЯ**,
фото Г. **КОПОСОВА**,
специальные корреспонденты
«Огонька»

Герой Советского Союза Петр Климук, первым из племени космонавтов посетивший недавно Набережные Челны, воскликнул, обращаясь к молодежи:

— То, что сделали вы за три года,— восьмое чудо света!

Каким же должно быть восприятие свершенного теми, кто помнит начало семьдесят первого? Помнит предвесеннюю растревоженную степь, на которой не оставалось живого места, так переворотила, искромсала ее армада экскаваторов, бульдозеров, канавокопателей. Помнит тяжкие вздохи копров, забивавших первые сваи под многоэтажные здания... Помнит вереницы людей с чемоданчиками и рюкзаками в поселке Камгэса... Тогда наш «газик», храбро пробиваясь среди отвалов грунта, совсем чуть было не подъехал к голубеньким вагончикам, в которых размещалось начальство РИЗа — ремонтно-инструментального завода. По проекту, завод должен был подняться где-то именно здесь из этого строительного хаоса. Но тут мы как раз беспомощно и увязли в глинистом месиве, размытом дождем. Вытаскивал нас из этого кромешного ада бульдозер.

Отныне к дирекции РИЗа, с шиком разворачиваясь на асфальте, подкатывают легковые машины. Но, пожалуй, интереснее всего сюда добраться в краснобоком трамвайчике. Весело позванивая, он резво пробегает от проспекта Мусы Джалиля свои восемнадцать километров и останавливается у громадного, на полкилометра длиной монолита из бетона и стекла. Абрис его мне поразительно знаком: главный корпус ремонтно-инструментального завода — точная копия корпуса вспомогательных цехов Волжского автомобильного завода, на котором я бывала не раз. Мое мнение по этому поводу подтвердили, но, впрочем, тут же и опровергли: «На ВАЗе один корпус — и все. Тут, несколько корпусов, кроме главного. Да и начинка этого главного не та: на той же площади мощность оборудования в полтора раза выше. Количество, как говорят, перешло в качество».

Представление о современной производственной эстетике складывается еще в вестибюле. Просвечивающий насквозь подобно кристаллу, вестибюль оформлен с дворцовой щедростью: колонны, облицованные мрамором, плиты из черного полированного гранита. Широкие марши лестниц, клумбы с цветами, не хватает только фонтанов. Впрочем, фонтаны в этом корпусе есть, но на втором этаже,— букеты белоснежных фонтанчиков-умывальников в душевых.

Мы идем длинными рядами цехов — а их здесь под одной крышей двенадцать,— поворачиваем у полосатых бамперов — ограждений на перекрестках и не перестаем удивляться. Сначала порядку и чистоте. На станках и тумбочках, как на письменном столе у аккуратного секретаря, не терпящего лишней бумажки, на полу не видно даже стружек. Блестят, подобно надраенным корабельным палубам, плиты пролетов. В одном месте чернело пятно гудрона, так его при нас выжигали огнем. Огнем, чтобы и следа не осталось! Ярко-оранжевыми мазками мелькают в зеленом станочном парке тележки и электрокары. Воздух чист, в нем не чувствуется перегоревшего машинного масла и дыма. Но для некоторых приборов и такой микроклимат недостаточно хорош, им вреден был бы даже приятный летний сквознячок. Недотрог, ведущих счет долям микрона, поместили в стеклянный саркофаг центральной заводской лаборатории, которая здесь же, в ней поддерживается постоянная температура и постоянная влажность воздуха. Такие же условия созданы для координатно-расточных и доводочно-шлифовальных станков.

Что же касается всего оборудования... Представитель одной из американских фирм, побывавший здесь, назвал РИЗ международной выставкой самого совершенного станкостроения. Мелькают на табличках названия фирм и заводов, стран и городов. Две тысячи пятьсот табличек — три четверти из них советские. Одни агрегаты с длинными станинами, громадные, как катера, другие станки миниатюрны, как швейные машинки, автоматы, полуавтоматы, станки с дистанционным и программным управлением... Но что значила бы вся эта великолепная техника в самом наилучшем ее воплощении, если б не нашлось людей, овладевших ею?

ЛЕВША ИЗ НАБЕРЕЖНЫХ ЧЕЛНОВ

Альберт Петрович Болотин, главный инженер РИЗа, с гордостью подводит меня к небольшому, внешне невзрачному, ничем не привлекательному станку, обнесенному кожухом.

— Помните, когда мы спускались в цех, я обратил ваше внимание на стенд бюро информации? Рассказывал вам о новинке — электрохимическом шлифовании? Вот станок, на котором оно осуществляется, на нем мы впервые в стране освоили изготовление очень сложного инструмента.

Болотину нельзя не верить: за его плечами работа на Горьковском автомобильном заводе. Он организовывал инструментальное хозяйство на родине «Запорожцев». Кому же он поручил сей металлообрабатывающий уникум?

— Володкин моя фамилия, Николай,— представился нам молодой человек, лет двадцати пяти.

Разговорились. Родился Николай в Тульской области. Блохи не подковывал, некогда было. После школы пошел сразу в техникум. Но замысловатая деталька, которую он держал в руках, обработана с тщательностью не меньшей, чем лапки легендарной попрыгуньи. Таланта умельца тут и не требуется. Пластинку с тоненькими предлинными зубьями — «гребенку», сделал послушный чудо-станок. Тут требуются лишь знания. Володкин получил их в техникуме. Диплом, который он защищал, так и назывался: «Спроектировать электрохимическую установку для калибровки шлицевых отверстий после термообработки».

Я спрашиваю, для чего нужна «гребенка». В автомобиле, тем более в механизме грузовика, вроде не встречается такая мудреная тонкая деталька.

— В машине, конечно, нет,— улыбается Николай,—«гребенка» нужна для долбления зубьев шевера.

— А,— вспоминаю я,— теперь все ясно. А шевер нужен, чтобы обкатывать зубья шестерен коробки передач. Как же обходились, когда не было такого станка?

— Обрабатывали «гребенку» на оптико-шлифовальном станке. За целую смену одну «гребенку». А теперь за пятнадцать минут.

— Значит, в час четыре? За смену двадцать восемь «гребенок»? То есть в двадцать восемь раз быстрее?

— Правильно,— подтверждает мои расчеты главный инженер.— Соответственно снизилась и себестоимость. Вместо тридцати двух «гребенка» стоит теперь всего три рубля. Таков эффект технического прогресса.

На этом можно было бы распрощаться с современным Левшой, молодым специалистом КамАЗа. Но у меня еще к нему несколько вопросов. По какому он, например, разряду работает, сколько зарабатывает?

— Разряд пятый. Могу быть наладчиком автоматических линий. Зарабатываю в среднем двести рублей.

— Живете в молодежном общежитии?

— Двенадцатого апреля, как раз в День космонавтики, получили с женой отдельную квартиру. Приходите в гости. Шишкинский проезд, дом три, квартиру запишите,— дом-то огромный — двести тринадцатая.

Я поблагодарила. А что? Может быть, и придем. В Челнах мы не последний раз.

— Между прочим, у Володкина типичный для завода возраст и типичный уровень образования — среднее,— заметил главный инженер. У нашего коллектива есть еще одна особенность: много женщин — около сорока процентов. Для инструментальщиков это вообще не характерно. Обычно раза в три меньше женщин бывает. А знаете, чем это определяется? Высоким техническим уровнем производства, его культурой, степенью механизации работ.

САМАЯ СЧАСТЛИВАЯ

Над станком пестро: красное, желтое, белое, будто кто-то нечаянно рассыпал по цеху ромашки и маки. Недаром участок называется девичьим. Наташа Ветрова делает не бог весть что — резьбу в гайках. Но попробуйте назвать хотя бы одну простейшую машину, которая обойдется без болта и без гайки! Как техник, Наташа это прекрасно понимает, потому и относится к своему делу с величайшей ответственностью. Начальник участка про нее говорит: «Самая хорошая моя работница».

Заглянула я в большие Наташины глаза и вдруг увидела в них столько радости, восторга и озорной лукавинки, что поняла: услышу сейчас что-то очень значительное и доброе.

— Вы замужем, Наташа?

— Ага. Шестого июня была свадьба. В поселке Камгэса, в столовой, которая возле комсомольского штаба. Семьдесят пять человек пришло.

— Кто же ваш муж?

— Боря. Борис Бочкарев.

— Он кто?

— Инженер. Окончил Казанский авиационный институт. Тут, на РИЗе, избрали его секретарем заводского комитета комсомола.

— А вы что делаете в комсомоле?

— Член цехового бюро.

— Представляю, сколько нанесли вам подарков...

— Самый главный подарок — однокомнатная квартира. Уж так мы рады!

— А свадебное путешествие состоялось?

— Ага. Состоялось. Только путешествовала я одна, без мужа. Пришлось сразу же лететь на Кубу. Туристическая путевка была. Сами понимаете, Гавана, океан... До этого я никогда не видела моря, семнадцать дней, как в сказке.

— Теперь я все поняла: вы не только самая хорошая работница участка, но и, вероятно, самая счастливая. А теперь давайте спустимся на землю. У вас среднетехническое образование. Устраивает ли вас работа за станком? Нравится?

— Пока да. После окончания техникума надо поработать у станка. Но перспектива есть. Наш завод только начинает жить. Он будет в два раза больше. Специалистов понадобится много. К тому времени у меня опыт накопится. Так что все нормально. Не нравится нам вот что,— Наташа дотронулась до своей спецовки,— тяжелая, грубая, плохо сшита. А брюки какие нам давали! Широкие, короткие. На таком заводе, как наш, женщина должна быть одета в удобный, изящный комбинезон. Именно изящный!

ЕРМИЛОВУ ОТ ИСЛАМГАЛЕЕВА

Со станком завода «Красный пролетарий» я встретилась, как со старым другом. Шла, отыскивая Исламгалеева, о котором как о лучшем производственнике уже пишут местные газеты (это он со своим напарником Вагановым решил задание шести дней выполнять за пять). И вдруг увидела знакомую марку: «1К62», завод «Красный пролетарий», Москва.

Герой Социалистического Труда Виктор Васильевич Ермилов, будучи у нас в редакции, рассказывал об этом станке, о том, какие были преодолены трудности при разработке его конструкции и освоении массового выпуска, и

как он лично участвовал во всем этом. И вот прославленное детище московских станкостроителей на КамАЗе, в цехе нестандартного оборудования, самом популярном. А популярен этот цех вот почему: здесь уже впрок готовятся детали и узлы к новому автомобилю.

За станком крепкий, коренастый человек, весь ушедший в работу. По нему можно сверять часы: каждые три минуты к горке готовых деталей прибавляется еще одна. Но вот он посмотрел на синьку, перебрал резцы, задумался, видимо, над очередной операцией, как сделать ее получше.

— Как работает станок? — обратилась я к нему.

— Исключительно!—Рабочий сверкнул своими агатово-черными, жаркими глазами.— Все виды токарных работ можно на нем производить, от простейших до архимедовой спирали на торце. Есть на нашем заводе еще более совершенный станок «Красного пролетария» — «16 К20». За границу идет нарасхват. А вы откуда? Из Москвы? Передайте тогда наше камазовское спасибо краснопролетарцам.

— Обязательно передам. Как приеду, сразу же позвоню Ермилову, он трудился над созданием экспериментальных партий этих станков.

— Не тому самому Ермилову, что книгу написал? Забыл, как она называется, что-то про счастье. Слыхал я, что Ермилов — наш земляк, из Елабуги. Был, говорят, прошлой зимой у нас, на РИЗе, только я в тот день во второй смене работал.

— Именно тому самому. Книга его называется «Счастье трудных дорог». Премию получила. Только от кого «спасибо», хотелось бы знать?

— От Исламгалеева. И не только спасибо, а крепкий рабочий привет от нас, камазовцев, передайте.

— На ловца и зверь бежит. А я вас ищу. Ну, теперь придется вам рассказывать о себе. Виктор Васильевич — человек любознательный, станет расспрашивать, а я ничего и не знаю.

— Что мне рассказывать? Родился неподалеку отсюда, в селе Олуяз — Большая весна значит. А ПТУ окончил в Таджикистане десять лет назад. Попросил, чтобы послали меня в Магадан: захотелось узнать, что такое Крайний Север. Женился на Украине. Зоя моя — полтавчанка. Как видите, у меня тоже было много дорог. Все хотел разные земли посмотреть. Теперь все! Тут, в Челнах, моя окончательная пристань. Лучше нашего завода нет. Светло, просторно, легко дышится. Даже если с плохим настроением придешь, оно быстро налаживается. Работа у меня захватывающая. Во сне ее вижу. То хитрые фасонные резцы приснятся, то приспособления. Вот только подучиться надо бы мне. К некоторым станкам без высшего образования не подступишься. В учебе большой разрыв. Трудно. Решил так: похожу снова годик в десятый, чтобы лучше все вспомнить, а потом в вуз подам. Но от станка, даже если вуз окончу, не уйду. Это — мое! На всю жизнь!

* * *

Мударис Исламгалеев, Наташа Ветрова, Николай Володкин... Трое из тысяч автомобилестроителей. Вот такие они люди, вдохновенные, романтики, одержимые. Люди, смело овладевающие «выставочной» техникой автомобильного гиганта. РИЗ — его первая ласточка.

— В июле государственная комиссия подписала акт о приемке первой очереди РИЗа,— рассказывал мне главный инженер Генеральной дирекции Камского автомобильного комплекса, председатель Государственной приемочной комиссии Анатолий Максимович Плахов.— Нам было приятно дать высокую оценку героическому труду строителей и монтажников — она определена на «хорошо». Завод спланирован и построен с учетом новейших технологических норм: высокие потолки, широкие прямые проезды, светлая окраска перекрытий и стен, интерьеры. Отлично организованные рабочие места. Не забудьте упомянуть об удобном для каждого человека освещении и сложной системе устройств, обеспечивающих благоприятный микроклимат. Просторны и светлы отделенные от цехов стеклянными перегородками помещения различных служб. Великолепны бытовые помещения — гардеробы, душевые, залы отдыха. Прекрасно оборудована столовая, в которой обедают одновременно две тысячи шестьсот человек — вся смена. Такая обстановка подтягивает и дисциплинирует человека, задает определенный тон. Мне приходилось бывать на многих заводах в США, Франции, Италии, Англии, ФРГ... Должен сказать, равного нашему РИЗу не видел. Да и не станет предприниматель в капиталистических странах тратить столько средств на нужды своих работников.

Не могу не остановиться на характеристике оборудования, о котором вы уже имеете представление. Всего пять лет отделяют РИЗ от ВАЗа. Но коэффициент времени чувствуется. По своей технической оснащенности наш завод богаче, в нем более современное оборудование, более высокого класса, а некоторые агрегаты как бы шагнули на десятилетие вперед. Такое оборудование позволяет обеспечить очень большую точность обработки изделий при высокой производительности. Мы сможем получать тончайшие сверла диаметром в несколько десятых миллиметра и приспособления, узлы весом в десятки тонн. Задача РИЗа — обеспечить все заводы комплекса инструментом, оснасткой и нестандартными устройствами и механизмами. Мы надеемся, что уже сформировавшийся коллектив РИЗа справится с этой задачей.

Ремонтно-инструментальный завод — первенец КамАЗа. Недавно строители сдали нам под монтаж оборудования первые сотни тысяч квадратных метров площади на кузнечном заводе. На очереди литейный, дизельный, прессоворамный, автомобильный заводы. Огромны масштабы жилищно-бытового строительства. Каждый день на стройке осваивается 1 миллион 300 тысяч рублей. Сделано много, но предстоит построить, смонтировать еще больше. Подвиг на Каме продолжается...

* * *

Удивительны люди в Набережных Челнах. Сколько бы я ни была здесь, но все равно каждый раз еду с трепетным волнением. Знаю: ждет меня радость новых встреч, открытия и познание человека-творца.

«КАМГЭСЭНЕРГОСТРОЙ» — «ОГОНЕК»

КОНКУРС

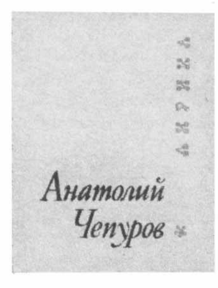
Бригадный подряд... О нем говорили бригадиры из Набережных Челнов на встрече в редакции «Огонька» (см. «Огонек» № 8 за 1974 год). Сегодня на стройке Камского автомобильного комплекса и города работают по системе хозяйственного расчета и подряда десятки бригад. Какая из них станет лучшей? Это покажут итоги конкурса, который с августа этого года решили начать редколлегия журнала «Огонек» и партком, объединенный постройком и администрация производственного объединения «Камгэсэнергострой». Бригаду-победительницу ждет переходящий кубок «Огонька» и первая премия.

Итоги конкурса будут подводиться два раза в год — в январе и июле.

НА СОВЕТЕ БРИГАДИРОВ СТРОЙКИ УТВЕРЖДЕНО ЖЮРИ:

Председатель — В. А. АЛЬФИШ, главный инженер «Камгэсэнергостроя», заместители председателя — А. В. СОФРОНОВ, главный редактор журнала «Огонек», М. Р. НАЗЫРОВ, заместитель секретаря парткома КГЭС, М. И. ИБРАГИМОВ — председатель объединенного постройкома профсоюза «Камгэсэнергостроя»; члены жюри: Г. В. КУЛИКОВСКАЯ, специальный корреспондент журнала «Огонек», Е. С. ДУНАЕВ — заместитель начальника «Камгэсэнергостроя» по экономическим вопросам, А. В. КОТВИЦКИЙ — главный инженер управления строительства города, Е. И. ПАВЛОВ — главный инженер «Автозаводстроя», А. Б. НОВОЛОДСКИЙ — бригадир «Металлургстроя», Б. Г. ЛОПАТИН — бригадир «Автозаводстроя», А. В. ЗОТОВ — бригадир управления строительства города, А. В. КАБАНОВ — начальник отдела труда и зарплаты производственного объединения, Н. Н. КОРАБЕЛЬЩИКОВ — начальник отдела института «Энергостройтруд», А. Н. БАБАЕВ — секретарь комитета комсомола, Р. Ш. ХАЛИТОВ — начальник штаба Всесоюзной ударной комсомольской стройки.

Я ЕЩЕ НЕ ВЕРНУЛСЯ С ВОЙНЫ

В ранней юности война представлялась ему красивым романтическим торжеством — ратные подвиги, штурмы крепостей, победоносные атаки... Так, наверно, было и со многими его сверстниками, имевшими в качестве жизненного опыта всего лишь неудачный, окончившийся уже на вокзале побег в сражающуюся Испанию. Это факт — факт, отмеченный в биографии лирического героя Анатолия Чепурова.

22 июня 1941 года подающий надежды юноша-поэт увидел, как и целое поколение молодых людей, войну реальную:

Но гром войны ударил,
и солдатам
Все кажется кровавым: и закат,
И волны, обагренные закатом.

В этой, настоящей войне были и подвиги, но свершались они не из жажды славы, а потому, что родную землю топтали враги; на этой настоящей войне приходилось брать штурмом не крепости, а родные русские города и села, стоявшие на пути Ленинградского и Волховского фронтов, где сражался поэт Чепуров. Новое, ясное сознание своего солдатского долга, беззаветная вера в нашу победу придавали подлинно поэтическую силу строкам его военных стихов.

Там, где смерть, где насилие, красоты нет и быть не может. Поэтому война не предмет поэзии, точнее — не предмет поэтического воспевания. Но поэт, прошедший ее дорогами горький и великий путь, не вправе забыть войну ни на миг. Таков приказ поколения, образ которого встает перед Чепуровым не абстрактной категорией, но лицом конкретным, осязаемым:

— Пиши! — сказал мне тот
солдат безвестный,
Ровесник мой, с которым на
войне
Я в лютый холод поделился
песней,
Затеплившейся искоркой во мне.
С тех самых пор ночами к
изголовью,
Когда меня сомненье посетит,
Приходит он в бинтах, намокших
кровью,
Стоит в дверях и пальцем мне
грозит.

Лирика Анатолия Чепурова знает не одну лишь тему войны. Поэт создал немало стихов о любви, о красоте земли и счастье труда. Но все они освящены памятью о том солдате «в бинтах, намокших кровью»: ведь и радость счастливой любви, и упоение красотой земли, и порыв созидательного труда куплены слишком дорогой ценой.

Забыть это невозможно, забывать об этом нельзя.

...Я еще не вернулся с войны,
Я с войны не вернусь никогда.

М. ХОЛМОГОРОВ

А. Чепуров. Лирика. Л., «Художественная литература», 1973, 240 с.

НИКОМУ, НИКОГДА...

Федор КНОРРЕ

РАССКАЗ

Рисунки П. КАРАЧЕНЦОВА.

Они отошли совсем далеко, к самой калитке, и стали ходить взад и вперед вдоль заборчика — из угла в угол.

После того как их вместе прогнали, Егору разговаривать стало гораздо свободнее.

— Тебя Леля зовут?

— Да, потому что это имя мамы моей мамы.

— Это называется бабушка.

— Сам ты называешься бабушка,— с глубоким презрением сказала девочка.— Никогда она не была бабушкой. Понял? У тебя понятия допотопные.

— Фух-фух! Это только ты так воображаешь!— самоуверенно фыркнул Егор. Как назло он в первый раз в жизни слышал это слово «допотопные», просто понятия не имел, что оно должно обозначать, но не сомневался — что-то обидное. Вроде кто-то так тяжело, неповоротливо идет, топает, «топотопной» походкой. Вроде носорога.

— Бабушка! — куда-то в воздух говорила девочка, задрав голову и оглядывая верхушки сосен.— Бабушка — это в ночных туфлях и ворчит, что в прежнее время все было лучше. Пускай у тебя бабушка, а нас совершенно не волнует, как это у других называется... Пожалуйста, называйте свою бабушку бабушкой! Пожалуйста!.. А если ты желаешь знать, кто такая Леля Гедда,— она была парашютистка! Понял? Радистка! Прыгала в тыл фашистам. Ты это можешь понять?

— Могу,— сказал Егор.— Но ведь это когда было? В войну?

— До чего сообразительный! Конечно, не сейчас... Я тебе просто объясняю, кто она. Она такой и осталась. В прошлом году она заболела, и врачи не сумели ее вылечить. А перед тем как заболеть, она все время играла на рояле любимые вещи. И подсмеивалась над доктором, когда он не умел ей помочь, и вот тогда она попросила маму постараться найти или узнать про одного человека и... к нему маленькое поручение, ну, просто фотографию передать, это нисколько не секрет, вот почему я тебе объясняю, хотя это совсем не твое дело.

Она разом оборвала, спохватившись. Последние слова она сказала самой себе в оправдание.

Они все ходили взад и вперед вдоль забора. Каждый раз, когда, дойдя до конца участка, они поворачивали обратно, девочка приостанавливалась, чтоб посмотреть туда, где мама сидела со Стариком около баньки, и они разговаривали. Кажется, говорила только мама, Старик слушал, быстро взглядывал ей в лицо и опять опускал голову. Через несколько шагов сиреневый куст все заслонял, и баньки им не было видно, девочка начинала волноваться и ускоряла шаги, чтоб поскорей вернуться на открытое место.

— Хочешь, я тебе принесу молока? — додумался Егор.— Холодное!

— Ай!..— Девочка отмахнулась с раздражением, как от мухи.— Чего они там так долго? Слушай, мы можем подойти как-нибудь поближе, ну, туда, где твой Старик?

— Пойдем!

— До чего сообразительный!.. Ну, подойти, чтоб им не мешать. Мы узнаем... Может быть, уже они кончили разговор.

— Чтоб они нас не видели?

— Сообразил все-таки. Подумайте!

— Тогда надо вокруг дома, только там крапива.

— Я не боюсь.

— Я вперед пойду, буду приминать.

— Как хочешь,— сказала девочка равнодушным голосом и нетерпеливо подтолкнула его вперед.

По узкому коридору между боковой стеной дома и соседским забором они пробрались сквозь пышные, пахучие на припеке заросли. Осторожно ступая, прошли за смородиновыми кустами и очутились позади баньки, на самом ее углу.

Девочка отщипнула ягодку смородины, видно, очень кислую, насильно ее разжевала, еле проглотила, но сделала вид, что придирчиво, внимательно выбирает себе еще одну, по вкусу.

Отсюда хорошо было слышно, как говорит Старик. Монотонно, с запинкой.

— ...Это, конечно, известно, как было,— неудачно сброс или парашютисток в лес. Летчик ночью сильно промахнулся, и одна девушка погибла, а другая, именно эта Леля Гедда, очень расшиблась, долгое время двигаться не могла. Лежала, осталась одна в лесу. И рация при ней. А третья пошла разыскивать своих и не дошла, тоже погибла, но в штабе партизанском через связных узнали, послали искать и нашли...

— Все верно, так и было,— быстро проговорила женщина.

— Очень тяжелое положение было в том районе, потери крупные, так что при ней остался только один человек, поскольку он к строевой службе был не пригоден, раненый...

— Да, именно Духанин.

— Правильно, видите, как мы с вами одинаково знаем.

— Раненый, да. У него четыре пальца на руке взрывом гранаты были оторваны, знаю... И он родной ваш брат был?.. Вы сказали единственный, родной?.. А вы его любили, правда? Ведь, бывает, и брат, а так, почти чужой. Когда он погиб, для вас это действительно было горе? Я вижу, что да, раз вы молчите, я вижу... А вы знаете, что вот такой, раненный, он ее на руках по болоту нес, не один день, она не могла вспомнить потом, сколько — у нее все тогда мешалось от боли... И потом они вдвоем жили в землянке, на брошенной старой партизанской базе. Она лежала на боку, она сама даже повернуться долгое время не могла. Четыре месяца лежала и лежа работала на рации, выходила в назначенный час в эфир, а ваш брат был все время с ней. Лес вокруг них два раза прочесывали. Связные к ним с трудом пробирались, редко взрослые, чаще всего мальчишки из деревни — те все норки, все кочки на болоте знали и ничего не боялись. Вы все это знаете?

— Конечно... так я себе все и представлял.

— Не знаю, как вы себе представляете, только подумайте, если вы действительно любили своего брата... Ну, не так, как я, всем сердцем, мою Лелю-маму, а хоть краешком сердца. Нет, другой человек всего представить не может: ведь все эти месяцы они жили на самом краю гибели, работали, иногда голодали, и она, моя Леля Гедда, была почти парализована — кроме рук, совсем беспомощна, а он ее поворачивал, бинтовал, кормил, обмывал, как сиделка, нянька, свой последний платок, свою рубаху отдал и сам стирал ей... укладывал спать и под руку клал ей гранату, чтоб, если понадобится, сразу нашла в темноте... Вы понимаете, что после такого она помнила его всю жизнь, даже когда сказали, что он погиб...

Она замолчала, борясь со слезами, и Старик невнятно, успокаивая, пробормотал:

— Я понимаю... как же... Такая память в любом человеке сохраняется...

— Не понимаете! — с какой-то горькой досадой проговорила женщина устало.— Вы думаете, благодарность или что-то в этом роде? Ничего не поняли, я ничего не сумела... Да вам очень ли нужно, что я рассказываю? Это мне один раз в жизни хотелось все рассказать не совсем чужому для нее человеку, вы все-таки...— Ее голос потеплел: — Ду-ха-нин. Это заветное слово было у нас.

Женщина вдруг радостно, с проснувшейся милой веселостью сказала совсем другим голосом:

— Я вижу, как вы стараетесь показать, что не волнуетесь, а на самом деле волнуетесь — вот я вам и верю, что вы хотите все знать... А что еще?.. Леля Гедда была пианистка. До того, как стала радисткой... Этого вы не знали? Знаете, те месяцы их в землянке, когда оттаивало подмерзшее болото,— в землянке, куда он ее отнес после того, как она расшиблась о деревья,— да вы знаете, но я не об этом... Она совсем не могла спать по ночам от боли, долгими темными ночами, и он не спал ради нее тоже, он ведь ничего не мог сделать, только крепко держал ее за руку, чтоб чувствовала, что она не одна на свете в темноте, со своей болью... Нет, он пробовал ее утешить, и так неумело, от жалости к ней такие вещи говорил нелепые, что она иногда среди боли начинала смеяться над ним, и он тогда радовался. Лучше него человека на свете не видела — это она мне говорила, ведь мы с ней были как сестры... А потом, когда уже немножко поправилась... она стала... Вы представьте: кругом болото, которое одно их и спасает, а дальше гудит громадный черный лес в темноте, а Леля лежит и своим чистым, тоненьким голоском тихонько тянет, поет ему все песни, какие вспомнит, а потом просто фортепианные концерты, сонаты... какой-ни-

---

Окончание. См. «Огонек» № 38.

будь «Карнавал» Шумана, «Шахразаду», «Песню без слов»... поглаживает гранату ладошкой и поет, отдохнет и опять... и каждая ночь для них может быть последней... Вы что?

Старик не отвечал минуту, потом с натугой выдавил:

— Трудно слушать... когда хорошее...

— А мне все легче на сердце становится, я все в себе держала, после того как ее не стало. Мне нужен был кто-то «оттуда», кто что-то знает... И вот вас расстроила.

— Это все истинная правда, что вы говорите. Нет, что вы? Разве я все это знал? Я многого, многого не знал. Вы мне открыли... Я не расстроен, а это я так...

— Да, вот еще, знаете что? Когда из деревни прибежали мальчишки с криком и воплями, она легла грудью на рацию, прижав гранату к груди, чтобы взорваться вместе, вцепилась в предохранитель, а он стоял в дверях, для автомата у него была приспособлена такая рогуля, чтоб он мог одной рукой стрелять. Что вы? Забыли, у него пальцев-то на руке не было?..

— Нет, не удивляюсь нисколько, а такие подробности... вот рогуля...

— ...и оказалось, что наши уже взяли город, и можно выходить... и он нес ее на руках, а мальчишки тащили за ними рацию до деревни... Ну, в город их уж отвезли,— это вы, наверное, тоже знаете? Да, ее взяли в полевой госпиталь, она уже поправлялась, могла сидеть. К ней тепло отнеслись... А Духанина куда-то дальше отправили, и все. Вот и все, как в жизни бывает, без красивого эпилога. И он где-то погиб, такие были сведения. Это вы все знаете?

— Все правильно... Обыкновенная история. Все...

— И не все! Вот в том-то и дело, что не все, а вы не знаете!

— Что же могло быть еще?— Недоверчивый и печальный голос Старика был совсем слабо слышен.

— Чем дальше ее жизнь длилась, тем чаще она стала думать. Ей много приходилось лежать, она думала, неотступно думала, и вдруг перестала верить. Она стала писать, наводить справки... последние недели перед концом она только об одном этом и думала, и, знаете, она радостно вспоминала, только со мной, мы же точно сестры были с ней, она как сумасшедшая думала, думала об одном этом... Я вхожу утром к ней в комнату, а она по ночам уже почти не спала, как тогда... как там, и она мне говорит: «Нет, он жив!.. Когда ты освободишься, ты поищи его и, если найдешь, фотографию ему отдай, вот и все, больше ничего не надо, он все поймет...» У меня теперь как камень свалился, я нашла, хоть родного его брата, все узнала, рассказала вам...

— Спасибо,— бесцветным голосом сказал Старик.— Вы все выполнили, спасибо, я ведь понимаю.

— И еще, знаете — этого уж никто не может знать... Там в городе все в развалинах, а кино почти уцелело, и вот пустили картину, и Духанин выпросил, вымолил, а скорее всего прямо украл на два часа ее из палаты и на руках отнес в это кино. Ее все любили, и кое-кто, наверное, знал: радистка какая-то, Леля Гедда,— потеснились, очистили место в первом ряду, чтоб ей прилечь боком, совсем прямо она еще не могла сидеть.

Они так устроились и смотрели вместе картину, и вот, когда она увидела, как там кружатся девушки в длинных платьях, легко, безмятежно улыбаясь, откидываясь назад, а музыка играет вальс, и какие-то цветы, и все такое, понимаете, после черного болота и грязного ватника, болезни, землянки и гранаты на взводе — тут, понимаете, она первый и единственный раз расплакалась у него на плече... А после ему сказала: «А ведь ты меня ни разу в человеческом облике, женском, не видел, уж на меня в таком виде насмотрелся — наверное, я тебе опротивела». Что с вами?..

— Все слова... даже слова рассказывала,— невнятно бормотнул Старик.

— Я же сказала: сестры... А на прощание их сняли на фотографию, там много народу — в штатском с автоматами, и солдаты, и она там в платье, у кого-то выпросила надеть, и улыбается, нет, не губами, но видно... Вот эта фотография. Хотите посмотреть?.. Мелкая очень.

Они молчали долго, видно, вместе рассматривали фотографию.

— Может быть, вам хотелось бы? Я могу ее вам оставить.

— Вы очень добрая, благодарю вас. Только пусть лучше у вас... Вот вы рассказали, я посмотрел... Это вам память.

— Как хотите... Правда, главное, что мы поговорили, и я вижу, что вам не все равно. Я все выполнила,— с печальной усмешкой в голосе повторила она и коротко, с силой выдохнула воздух: — Ф-ф! Больше, наверное, никогда ни с кем так не буду говорить... Вам, может быть, странно, что вдруг вот через столько лет, когда, собственно, ведь все уже прошло и кончено, какая-то, вам только через брата известная, какая-то Леля Гедда, позабывая остальную жизнь, вдруг бросилась вспоминать давнишнее, возвращаться к тем годам? Странно?

— Вот что мне ни капельки не странно, так именно это. Это, может статься, покажется странным тем, у кого двадцать — тридцать за плечами. Им — да! Им непонятно, как это в человеке происходит.

— У меня за плечами и тридцати-то нет,— сказала женщина.— А мне так понятно. Наверное оттого, что я будто ее сестра. От сестры Лели... Ой, нам к поезду пора... Все, кажется, переговорили, а остановиться не могу. Ведь я уже не надеялась даже и следа найти...

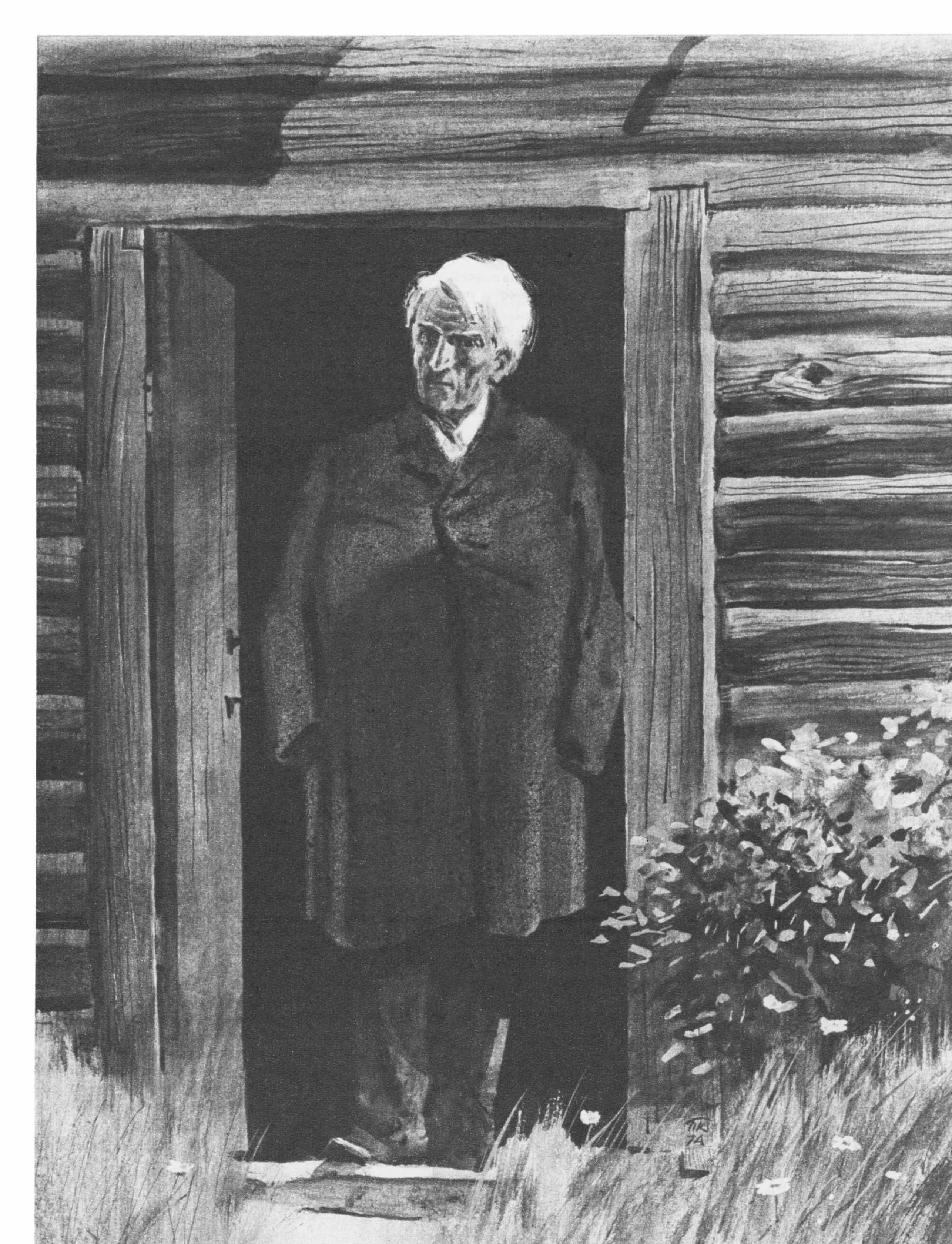
Вы не представляете себе значения всего этого в моей жизни... вот почему, когда я читаю в каком-нибудь романе, что «у них еще не было», а потом наконец случилось, или «наступила полная близость», «последняя близость», честное слово, мне смешно или немножко противно делается от этих слов. Я ведь не девочка... Да ведь я знаю людей, которые тридцать лет живут: муж с женой, и пятерых детей народили, а что такое человеческая, последняя близость — понятия не имеют и близко не видали.

А у них ничего такого и быть не могло, и не было, и жизнь их развела по разным сторонам, а бо́льшей близости двух людей, чем у них,— я уверена, не бывает... Ну, здравствуйте, вот, наконец, я и расчувствовалась, хотя не собиралась, да это и к делу не идет...

— Вы из-за меня... не стесняйте себя,— мягко уговаривал слабым голосом Старик.— Видите, я не лучше вас... Старик... Мне-то совсем не к лицу.

Слышно было, как женщина глухо всхлипнула в платок, прижатый ко рту, нетерпеливо откашлялась, удерживаясь от слез.

Стараясь ей помочь, Старик вразброд, подыскивая слова, бормотал невпопад:

— Из прошлых лет... Это не дается... Это трудно дается понимать... Это очень, очень мне понятно...

Женщина вдруг свободно, ясным голосом, справившись с волнением, твердо, холодно проговорила:

— Ну, пора прощаться... Если вам понятно, что десять лет нужно человеку, чтоб понять совсем все... Ах, неважно, я ничего вам как следует не сумела рассказать, дело не в том, что как там было, кто что сказал. Просто она потом всю жизнь его любила. Всегда. Когда не совсем понимала. И когда поняла совсем. И когда жизнь у нее уже совсем ускользала из рук... Всегда.

Тут Егор почувствовал, что девочка, оказывается, давно уже, все нетерпеливее, молча дергает его за рукав. Сдвинув наконец с места, она потянула его за собой вдоль кустов смородины, затащила за угол дома и тут первой отчаянно бросилась, высоко поднимая ноги, шагать сквозь крапивные заросли.

Когда крапива кончилась, она, похныкивая, обеими руками стала чесать и тереть голые икры.

— Стоит! — сердито заговорила она, удерживая на минуту хныканье.— Слушает, рот разинул. Зачем это тебе слушать!

— А сама? — без всякой обиды, вполне машинально ответил Егор.

— Мало ли, что я. А тебе рано такие вещи слушать, ты все равно ничего понять не можешь.

— А тебе?

— А мне поздно. Я сама все давно знаю.

— Тебе мама все рассказывала? — почему-то шепотом спросил Егор.

— Если б я дожидалась всякий раз, пока мне что-нибудь скажут, я бы никогда ничего не узнала.

Они опять оказались на протоптанной тропке у лицевого забора и, как прежде, стали прохаживаться взад и вперед, только теперь им казалось, что прошло очень много времени с тех пор, как они тут были в первый раз, как будто это было давным-давно. Может быть, даже не сегодня.

— Тебе стыдно должно быть,— невзначай сказала девочка.— Подслушивать стыдно и позорно.

— Мы же не хотели. Случайно так получилось.

— Ты думаешь? — с неуверенной надеждой спросила девочка.— Пожалуй, это верно — случайно... Надо было только уйти вовремя.

— А как мы могли узнать, когда вовремя?

— Ты довольно хитрый...

В это время Старик позвал Егора, настойчиво и требовательно, как никогда к нему не обращался.

Он стоял, по-прежнему крепко стиснув правой рукой на груди свой выгоревший, грубый плащ. Женщина открыла сумочку и, мельком заглянув в зеркальце, торопливо провела платком по щеке, мельком притронувшись, смахнула со лба прядку волос. Потом затолкала платок в сумку и протянула на прощание руку Старику.

Тот, отступая, низко поклонился, не подавая руки.

— Мы вас проводим... Егорушка, беги вперед, отворяй калитку.

Егор от удивления попятился, но пошел впереди всех к воротам.

Старик шел позади всех, все отставая. Егор нажал тугую щеколду и распахнул калитку.

Тут повторилось то же самое: женщина со вздохом улыбнулась и опять протянула руку, а Старик все дичился и очень низко, но опять издали, ей поклонился, что-то бормоча на прощание, кажется, благодарил.

— Пошли,— сказала девочка Леля.

— Прощайте...

— Егорушка (он в жизни ни разу его Егорушкой не называл) вас переулками к станции проводит, так ближе будет, правда, Егорушка?..

Переулками было, может быть, чуть ближе, а, может быть, ничуть не ближе, но Егор повел, как просили.

— Ты все закончила, мама? — спросила Леля.— Совсем все?

— Совсем все.

— Вот я рада... Теперь мы поедем... А ты тоже рада?

— Конечно. Теперь на душе легко. Подумать только, все-таки я нашла. Поговорила с его родным братом. Он, кажется, многое понял, а если даже и не все... все равно.

— Посмотри-ка на ресницы! Смыла! Вот как легко.

— Сейчас легко.

— Ага,— девочка кивнула понимающе.— А вот и платформа!

Егор и на платформе от них не отстал, дождался прихода электрички и смотрел, как они, совсем позабыв о нем, подбежали к распахнувшейся автоматической двери, обе одинаково легко впрыгнули и ушли в глубь вагона.

Он еще походил по берегу речки, поддавая носком камушки, раздумывая и хмурясь, прежде чем вернуться.

— Проводил?— быстро спросил Старик. Он все еще стоял в ожидании у калитки, хотя, наверное, уже больше часа прошло.— Уехали?.. Ну вот, хорошо.

— Они больше не приедут? — не то спросил, не то вслух высказал мысль Егор.

— Зачем им?..

— Хотя верно, они ведь вашего брата искали?

Старик молчал, не понял или не слышал.

Он не поинтересовался даже спросить, откуда Егору это известно. Он молча повернулся и поплелся к своей баньке. Сел на вечное свое место и, откинув плечи, сбросил на скамейку свой плащ.

— Может быть, все-таки нужно было их пригласить войти? — в раздумье спросил Егор.

— Что? —рассеянно переспросил Старик.

— В дом, я говорю. Пригласить. Как вы считаете?

Безучастно Старик поднял глаза, глянул на дом, как на пустырь.

— В дом? В чей?

Видно было, что он очень устал, сидел, откинувшись назад, опираясь о кривое бревно рубленой стенки, руки лежали на щербатой доске скамьи.

— Вы с вашим братом, наверное, близнецы такие были, а? — не вытерпел Егор.— А?

— Что?..

— Близнецы, говорю!.. Вот!

Старик медленно повернул голову, бегло глянул, куда показывал Егор: на свою искалеченную правую руку с одним-единственным оставшимся на ней большим пальцем. Она спокойно лежала, отдыхая, на белой доске скамейки.

— Вы все время ее под плащом прятали!

— Это счастье, что ты один был дома,— задумчиво, с облегчением сказал Старик и вдруг, слегка вздрогнув от испуга, от какой-то мысли, заговорил живее.— Представь: тут бы Людмила!.. Она бы враз разнюхала... Ей только кончик ниточки найти, она уж потянет! Они и так за меня подписывают заявления... Шифер под мои партизанские медали выхватили вне очереди. Пока не привезли, я и не знал ничего...— Его передернуло.— Прямо позором охватывает... Ну, ты только посмотри, является!.. Слава богу, опоздала!

Действительно, Людмила прибежала раньше времени — она никогда не ходила, а все почти бегом. Точно собака, почуяв неясный след, оглядываясь, она шла почему-то к бане. Немного не доходя, остановилась, еще оглядела все вокруг и ласково-подозрительно спросила:

— А чем это вы тут занимаетесь? Это вы о чем? — обращалась она к Егору.

Егор мрачно сказал:

— Я тут кота чуть не пронзил!

Людмила сказала «а-а» и побежала к себе в дом, к заднему крыльцу. У нее всегда были дела, всегда спешка.

На другое утро Егор едва дождался, пока все не разойдутся, не разъедутся, и он опять останется один в доме.

Все время перед сном, засыпая и даже минутами во сне, он думал. С разных сторон подбирался, старался все разобрать и понять. Кажется, за всю жизнь он никогда столько не думал молча и об одном и том же.

Старик, видно, тоже его поджидал, сидел на своем месте. Как всегда, сидел, слегка согнувшись, будто слушал, а не смотрел перед собой на траву, на землю, по которой бегали скворцы. Он был чисто выбрит сегодня.

Он смотрел, как подходит Егор, смотрел с беспокойством, сомнением, что ли. Смотрел, волновался и ждал.

Они поздоровались, и Егор сел по-турецки на траву, прямо против Старика.

Старик внимательно всматривался, всматривался и вдруг лицо у него прояснилось. Тихонько головой качнул отрицательно.

— Нет?

— Нет,— с достоинством сказал Егор, и тут сразу обоим стало легко: сидят два дружелюбных, достойных старичка, беседуют на равных.

Старик провел ладонью по выбритой щеке.

— Я вот побрился.

— Почему только вы фото у нее не взяли, вот чего я не понимаю. Она сама предлагала.

— Зачем, пускай ей останется. У меня у самого есть... Да я почти никогда его не вынимаю. Что там на карточке? Пятнышко...

— Вы ей сказали, будто не все знаете? Нарочно?

— Это же правда... Понимаешь?.. Ты сейчас сидел там на терраске, чай пил. Ну, ты кого видел?

— Всех, кто на террасе сидел, и видел, кого же еще?

— Подумай-ка... Ты видел маму, папу. Так? А что мама? Тебя и папу. А папа видел маму и тебя. Выходит, все разное видят: всех, кроме самого себя, верно?

— Здорово! — искренне согласился Егор.— Я бы не догадался, как получается.

— Я-то ее видел, знаю... А как она видела меня? Я думал, а все-таки не видал! Вот эта девочка ее, милая, мне тут и рассказывала, что ее... понимаешь, ее глаза видели...

— Все, все понимаю... честное слово. Вы ей не признались из-за этой Людмилы. А все-таки жалко, а?

— Чего же жалко? Мне-то самому да про меня рассказывать?.. Нет!.. У нее в душе свое такое заветное хранится — Леля Гедда, какой-то там еще Духанин... хранится... Зачем же я стану туда влезать, мешаться?.. А руки у нее какие... Пальцы. Может, она тоже пианистка?.. А Леля, знаешь, когда пела концерт, я ей фанерочку подкладывал и она по ней пальцами бегала, играла... а я смотрел... И у этой — ее руки... как родные, я оторваться не мог, пока мы говорили... Вот, брат, какой у нас теперь секрет с тобой...

— Да,— хмурясь, кивнул Егор.— Только не секрет. Тайна! Тайна: никому, никогда!.. А вам тут не бывает тоска?.. Например, ночью, дождь идет, осень, а вы один?

— Это у меня все прошло... Хотя бывает. Один такой страшный сон бывает. Он разный бывает, неважно, что там, но главное вдруг снится, что будто ничего этого не было на самом деле. Будто это во сне, я знаю, что не было ни землянки, ни болота, ни Лели не было, и вот я тогда уже в холодном поту просыпаюсь, не сразу прихожу в сознание от страха и... и счастье какое — когда опоминаюсь: да нет же! Все было, все правда!

Лето шло к концу и скоро родители увезли Егора с дачи, а в начале следующей весны им звонила по телефону оживленная и вежливая Людмила, спрашивала, как здоровье у всех и как учится Егорушка, и будут ли они в этом году снимать у нее дачу, что все оклеено заново, и потолки побелены, и маленькая комната отремонтирована, как куколка, потому что этот год Старика в доме нет, его похоронили в первые заморозки, еще осенью.

На дачу они не поехали.

Много лет с тех пор прошло, так что Егор совсем позабыл и Людмилу, и название поселка, забыл, какой был дом, и Старика почти совсем забыл, а если что вспоминалось от того лета, то очень бледно, как сильно недодержанная при съемке фотография.

Но, странное дело, когда в книге попадалось ему какое-нибудь особое слово, например, «допотопный», он вдруг отрывал глаза от строчки, задумывался, и, как по цепочке, сама бежала его мысль: девочка неясно возникала, горячие пятна солнца на крашеном полу и дальше: что-то прекрасное, чему название «землянка», «Леля Гедда» и «никому, никогда!». Может быть, потому, что это было первое в жизни сдержанное им слово.

СТИХИ ОСЕТИНСКИХ ПОЭТОВ

Гиго ЦАГАРАЕВ

* * *

Раскрываю свежую газету:
Отмечает вновь моя страна
Трудовую мирную победу,
А в других краях опять — война.
Там и небо обернулось адом,
Садом здесь цветут мои края.
Почему же смерть со счастьем рядом
И с цветком соседствует змея?

Перевел К. Ковальджи.

Камал ХОДОВ

ИДУ К ПЕРЕВАЛУ...

Приходят раздумья
и с ними невольная грусть:
Я не был в походах,
что стали легендой сегодня,
И к звездам руками,
как многие, я не тянусь,
А что до стихов —
главный вес мой пока что не поднят...
И все ж началось
испытанье для сердца и ног —
Подъем к перевалу.
Когда я его одолею,
Смогу наверху я увидеть
нетленный цветок —
Он будет вспоен
всей горячею жизнью моею!

Перевел В. Юршов.

Георгий КАЙТУКОВ

УГОЩЕНИЕ ГОР

Горы мне дверь отворили широко,
Словно позвали меня к себе в дом.
Слышу приветливый говор потока,
Птица, здороваясь, машет крылом.

Их приглашения чистосердечны,
Я им охотно откликнусь с земли.
Вымыли тучи для гостя местечко,
Ветры дорогу ему подмели.

Прибраны впадины и седловины,
Как у хорошей хозяйки в дому.
Гостю прохладу прислали вершины,
Путь по горам облегчая ему.

Нет, я не зря прилагаю усилья,
Чтобы у гор хоть денек погостить:
Ягод, цветов и плодов изобилье
Всюду успели они разместить.

Есть ежевика, брусника, черника,
Трав исцеляющих полный набор...
Стол побогаче поди поищи-ка!
Я потрясен этой щедростью гор.

Синий цветок над ручьем, а на скалах
Желтый кустарник, как шкура лисы.
На лепестках, как в хрустальных бокалах,
Чистая влага прозрачной росы...

Гляну налево ли я иль направо —
Ломится стол от еды и питья...
Горы меня угощают на славу!
Чем им воздам за радушие я?

Перевел Л. Шерешевский.

Борис ЧЕТВЕРИКОВ

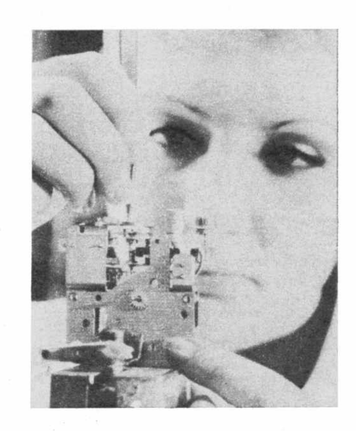
НЕБА ПРОСИНЬ

* * *

Белолозником, забóкой
На брусвяной на заре
Приходил я — одинокий —
К изумрудной Ангаре.
У нехоженой дороги
Я над заглыбью стоял.
Целомудренный и строгий
Полумесяц крутрогий
В темном омуте сиял.
Час рассветный дрему будит.
Подойди, вглядись в века.
Все, что было, все, что будет,
Знает вещая река.
Не колдуй, Шаманский Камень.
Не пугай меня, Падун.
Я и сам перед веками
Не избуду горьких дум.
Мне понять бы... Что — не знаю.
Разобраться б... Только в чем?
Не молюсь. Не проклинаю.
Что кричать? Стою молчком.
Вот безмолвье небосклона.
Вот мерцанье Ориона.
Вот соцветие Тельца.
Мчатся воды. Плещут воды.
Годы... годы... годы... годы...
Ни начала, ни конца.
Ангара моя — Тунгуска!
Мне до слез, Тунгуска, грустно
Созерцать, как в никуда
Мчится шалая вода.
Средь угорий тесно, узко...
Скукота среди долин...
Отмель... Заводь... Трясогузка...
Кедр — безмолвный исполин...
Ветка жимолости свисла,
Словно прядь седых волос...
Сто столетий, двести, триста —
Для Тунгуски не вопрос.
Чутко. Жутко. Глухо. Дико.
Нет, Тунгуска, погоди-ка,
Погоди, вот мы придем
И порядок наведем.
Мчишься ты, отроги роя,
Мимо скал и пустырей...
Человек — он, может, втрое,
Может, вчетвер быстрей!
Он в неистовстве и раже
Все взъерошит, взбудоражит,
Там дороги расчертит,
Там пороги укротит...
Он такой! Он сможет, смеет,
Вникнет в тайны пустоты,
В недоступность высоты...
Одного он не умеет,
Хоть чертовски вожделеет:
Стать бессмертным, как и ты.

ЧЕТЫРЕ ВРЕМЕНИ ГОДА

Октябрь. Линяет неба просинь.
Ветрище. Лужи у ворот.
Скажите, что такое осень?
Она — весна наоборот.
Любуюсь скромностью рассвета,
Когда отлетовало лето
И модный плащ накинул клен...
И в стужу тоже я влюблен.
Нет долго снега — я тоскую...
Но я о том-то и толкую,
Что нет времен, царит одна
Нерукотворная весна.
Зима — трамплин. Она пока —
Разгон для нового прыжка.
Весна — начало детства лета.
А лето — взрослая весна
И песнь, еще что не допета.
Прикосновенье в мир — до дна.
Мне так милы весны приметы,
Когда под тонкой кромкой льда
Бушует вешняя вода
И, вся сгорая от стыда,
Травинка вдруг проглянет где-то...

ОРЛОВСКИЙ ЯНТАРЬ

Б. СОПЕЛЬНЯК

Фото М. САВИНА.

— Прежде всего запомните: часы, издающие звук «тик-так», никуда не годятся! — говорит начальник контрольно-испытательной станции Орловского часового завода имени 50-летия СССР А. А. Борзенков.— Вы только вникните в это «тик-так» — слышите? Ударение либо на первом, либо на последнем слоге. А раз есть ударение, значит, часы хромые. Хороший механизм должен работать мягко, без акцентов, как, например, вот эти настенные часы с боем. Слышите? Тик-тин, тик-тин... В этих залах пятьдесят тысяч часов. Представляете, какая какофония? Но любой наш контролер, как дирижер оркестра, сразу услышит, если так можно выразиться, врущие часы... Испытание длится двадцать дней. Первые четыре дня мы их регулируем, заводим, а потом никто из нас и близко не подходит к ним.

...Мы ходим по просторным залам, любуемся часами самых разнообразных форм и размеров и никак не можем отделаться от очень странного ощущения: кажется, что все помещение наполнено каким-то баюкающим шорохом. Когда сказали об этом Алексею Александровичу, он удовлетворенно кивнул.

— Значит, на стеллажах нет «хромых» часов.

А в соседнем цехе не слышно и шороха — электронно-механические часы идут бесшумно. Представляете, двадцать тысяч стрелок, отсчитывающих секунды,— и ни звука! Зато у столика бригадира комсомольско-молодежной бригады Нины Морозовой почти непрерывное стрекотание. Операция, которую она выполняет, называется пуск механизма. Нина дает жизнь будущим часам. Семь сборщиц монтируют колесную систему, устанавливают электронный блок, правят волосок, но механизм еще мертв. А вот в руках Нины все валики и шестеренки оживают: теперь часам идти, пока их не разобьет нерадивый хозяин. Но чтобы они показывали точное время, Нина испытывает каждый механизм на специальном приборе. Не будет особым преувеличением, если скажу, что она снимает своеобразную электрокардиограмму: на ленте вычерчивается этакая четкая «линия жизни» часов, тут сразу увидишь все скрытые пороки.

Потом мы попали в самый шумный и самый веселый цех — здесь собирают будильники: пластмассовые, металлические, круглые, квадратные, с одним, а для лежебок с двумя звонками. Есть будильники, которые верой и правдой служат полярникам, а есть и другие — им не страшны зной Сахары и влажность джунглей. Недаром их охотно приобретают в сорока странах мира.

Любопытный разговор состоялся у нас с начальником художественно-конструкторского бюро А. А. Соловьевым.

— Что такое часы? — требовательно спросил он и, не дождавшись ответа, сказал:— Дитя эпохи! Да-да. Было время солнечных, водяных и песочных часов. Потом появились механические. На Руси, кстати, такие часы впервые были установлены в 1404 году. В наш рациональный век часы — настенные, настольные — превратились в обыкновенную коробку, а то и просто в доску. Я убежден, что часы должны выполнять две функции: быстро и точно информировать о времени и если не быть произведением искусства, то, уж во всяком случае, украшать квартиру. В этом году наш завод выпустит шесть миллионов четыреста тысяч часов. Мы, художники, делаем все возможное, чтобы это тикающее царство не было серым и однообразным. Новые модели наших часов украшены фирменным знаком «Янтарь».

ДОН ТИХИЙ...

А. СОФРОНОВ

...«Степь родимая! Горький ветер, оседающий на гривах косячных маток и жеребцов. На сухом конском храпе от ветра солоно, и конь, вдыхая горько-соленый запах, жует шелковистыми губами и ржет, чувствуя на них привкус ветра и солнца. Родимая степь под низким донским небом! Вилюжины балок суходолов, красноглинистых яров, ковыльный простор с затравевшим гнездоватым следом конского копыта, курганы в мудром молчании, берегущие зарытую казачью славу... Низко кланяюсь и по-сыновьи целую твою пресную землю, донская, казачьей, не ржавеющей кровью политая степь!»

Трудно более страстно и нежно, до крика в горле, выразить любовь к отчему краю, к родной земле, с которой ты связан и повенчан на веки вечные от первого крика до последнего вздоха. С вишневыми зорями и закатами, на терпком полынном ветру надо было впитать в себя все, что лежало вокруг, уходило далеко в трагические и мужественные страницы истории донского, казачьего края, чтобы потом со всей силой невиданного таланта ответить своей земле, воздать сторицей за любовь и ласку, а главное — за неповторимость самой земли и тех, кто, живя на ней, прошел огненные купели, сохранив в нелегких и непростых своих характерах святую, неистребимую преданность Родине.

...Бывая в станице Вешенской, откровенно говоря, я удивлялся художникам, еще не добравшимся в эти поразительные по красоте, поэтичности, непохожести на другие, пусть так же прекрасные места.

Земля наша богата разнообразными художническими талантами. Огромен диапазон изобразительных средств. Выбирай по душе любой. Думая об этом, я поделился своими мыслями с Борисом Валентиновичем Щербаковым, чье творчество давно привлекает внимание любителей реалистического современного пейзажа. Глубокое проникновение в душу природы, ее философию, тонкость ее оттенков, выраженных столь самозабвенно, что порой удивляешься: как можно это все увидеть, почувствовать и воспроизвести кистью?!

В этом месте, вероятно, кто-либо из знатоков живописи усмехнется. Можно ли быть таким наивным и забывать о Левитане, Айвазовском, Шишкине и других корифеях русского пейзажа? Нет, именно не забывая, а исходя от них. Природа столь совершенна и первична, что когда видишь ее обогащенной соразмерным талантом художника, то можешь оказаться в роли наивного простака, удивляющегося, казалось бы, обычным вещам.

Но обычным ли?

Восприятие творчества, как и само творчество, глубоко индивидуально. Всегда любопытно слушать из чьих-либо уст, что должно быть **так**, а не **эдак.** Любопытно и даже порой весело. Кто из нас не испытал таких приступов веселости?

Нелегок путь художника к широкому признанию. Да если еще, как у нас принято писать, художник этот не **эпатирует** общественное искусствоведческое мнение.

Борис Щербаков никогда **не эпатировал.** Он шел своей дорогой, любя русскую реалистическую живопись и русскую классическую литературу. Так появились прекрасные циклы его пейзажей: пушкинский, толстовский, тургеневский.

В этой статье нет нужды как-то их оценивать, они сами по себе, как бы снова и снова подтверждают пушкинскую мысль о том, что равнодушная природа всегда будет красою вечною сиять...

Багряно-золотые осенние дубы-великаны в пушкинских местах Молдавии, впервые увиденные в студии художника, вызвали у меня какое-то жжение в сердце и — не скрою — даже ревность.

— Борис Валентинович, а почему бы вам не отправиться на Дон? Я уверен, вы найдете там совершенно своеобычные пейзажи.

— А как же,— ответил спокойно Щербаков,— мы с женой уже читаем — и в который раз! — «Тихий Дон».

Разговор этот происходил весной 1973 года. В ту пору художник еще приходил в себя после перенесенной им тяжелой болезни, но как только сошел летний зной, он выехал в Ростов. Я в это время был в Ереване, на симпозиуме поэтов Азии и Африки. Узнав, что Щербаков в Ростове, прилетел туда.

Был золотой сентябрьский день, когда вместе с ним мы отправились на левый, пологий берег Дона. Проехали густо поросшие деревьями места, где расположились дома отдыха и пионерские лагеря. Я почувствовал на себе взгляд Щербакова.

— Что, Борис Валентинович?

— Наблюдаю, как на вас действует встреча с родной землей.

— А как на вас действует Дон?

— Весьма благотворно. Я даже попрошу остановить машину. Хочу немного поработать.

Есть золотое правило: художнику не мешай. Машина остановилась. Щербаков с большим блокнотом направился к песчаному берегу, а мы с женой художника Зоей Анатольевной занялись наблюдением, как молодые ростовчане развлекаются на берегу Дона. Вода уже была холодная, но юноши и девушки с визгом бросались в реку...

На другой день я позвонил секретарю Вешенского райкома партии Николаю Александровичу Булавину. Он сказал: «Все сделаем. Только самого Михаила Александровича сейчас в Вешках нет. Он в Москве».

Вечером, сидя в номере гостиницы, я спросил Щербакова:

— И все же, с каким чувством вы отправляетесь в Вешенскую?

— Знаете,— ответил он,— я даже рад, что Шолохова нет дома. Хорошо бы с ним познакомиться, когда уже что-то сделаю. Я ведь отлично понимаю, что мне предстоит не развлекательная поездка, не экскурсия с целью увидеть места, где живет и работает всему миру известный писатель. Предстоит нелегкий труд: попытаться языком живописи сказать свое слово о донском крае. Найти краски неповторимые, найти характерное и во множестве отдельных мотивов, состояний природы попытаться создать цельную, полнокровную картину.

Земля донская! — продолжал Щербаков.— Это понятие включает в себя так много! И главное — на ней уж около семидесяти лет живет художник с необычайно сильным и острым поэтическим чувством. В своем трагическом четырехкнижии он рисует картины огромной силы. Мельчайшие детали, написанные выпукло и зримо, сочетаются с панорамами, от широты которых захватывает дух. И, представляете, я — «иногородний» новичок — вдруг дерзнул коснуться всего этого богатства своей кистью?! Но все решено, мы отправляемся в Вешенскую. Смогу ли увидеть, почувствовать и полюбить этот особый, своеобычный мир? Я далек от понимания пейзажа как просто изображения дерева, леса, реки, неба. Не сами предметы, а те ощущения, которые они вызывают, хочется мне выразить. Мельчайшую деталь не ради ее самой, а ради выражения общего чувства, состояния природы, размышлений, которые они вызывают.

— Ну, что же, ни пуха ни пера.

Прошло много месяцев, пока мы снова в Москве обстоятельно увиделись с Щербаковым.

— Надо еще поработать,— говорил он при случайных встречах.

Но однажды раздался телефонный звонок, и художник требовательно сказал:

— Готов. Хочу показать вам работу и снова отправиться в Вешенскую. Пока там нет большой жары.

В мастерской художника мы смотрели осеннюю сюиту.

— Это только часть задуманного,— словно извиняясь, говорил Щербаков.— Хочу застать Вешенскую, когда там все зелено, все цветет...

— Какие воспоминания остались об осеннем Доне?

Подумав, Борис Валентинович произнес:

— Вот сейчас увидите с этой горы все Вешки! Картина! — так торжественно провозгласил шофер, когда мы оказались на взгорье. Действительно, перед нами открылась широкая панорама Дона и мелкий бисер вешенских домиков на том берегу, а на первом плане огромный цементно-серый куб базковского элеватора — гордость всего района. Признаюсь, тогда ни одна струна не дрогнула в моем сердце. Я просто не понял восторгов нашего водителя. Да поначалу и Дон принял нас несколько сурово. Не переставая, дули ветры, неся мелкую песчаную пыль. Я много ездил, высматривал, и постепенно меня все больше захватывали и степь, и холмы с меловыми осыпями, дали, сливающиеся с небом у горизонта, и, конечно, Дон с его неповторимым, ему одному присущим колоритом. Я работал увлеченно, подставляя лицо всем ветрам на вершинах «обдонских гор» и крутых яров, так как меня все больше и неудержимо влекла к себе донская ширь.

Б. Щербаков. У ХУТОРА ЛЕБЯЖЬЕГО.

БЫВАЛЫЕ ТОПОЛЯ НА МИГУЛЯНКЕ.

Б. Щербаков. ДОМ, ГДЕ РОДИЛСЯ ШОЛОХОВ (ХУТОР КРУЖИЛИНСКИЙ).

ВЕЧЕРНЯЯ ТИШИНА. НОВОЛУНИЕ.

Б. Щербаков. ЗАРЯ ДОГОРАЕТ.

АЛЕШКИНА БАЛКА.

НА ЗАКАТЕ. ВДАЛИ ВЁШЕНСКАЯ.

Б. Щербаков. ДОН ТИХИЙ.

Б. Щербаков. РАЗНОЦВЕТЬЕ ДОНСКОЕ.

ВЁШЕНСКИЕ ВЁТЛЫ.

Б. Щербаков. СОЛНЦЕ САДИТСЯ. МИГУЛЯНКА.

ОСТРОВНОЕ.

Б. Щербаков. ПОД ХУТОРОМ КАЛИНИНСКИМ.

У БЕЛОЙ ГОРЫ.

Шолохов в ту пору был в Москве, и нам не удалось с ним познакомиться. Мы уехали около середины октября с двенадцатью пейзажами и с надеждой вернуться в Вешенскую в более благоприятное для работы время года. Это время наступило...

И вот на этот раз уже в номере Щербаковых в гостинице Вешенской мы смотрим весенне-летнюю сюиту. Просмотр предварительный. Самый строгий и ответственный впереди — у Михаила Александровича Шолохова.

— Машина стоит у подъезда,— сказал Булавин.— Картины — в машину, чтоб не ходить с ними по станице, а мы пойдем.— Он посмотрел на часы.— Уже без пяти семь. Михаил Александрович будет недоволен, если опоздаем к завтраку.

Михаил Александрович стоял на веранде дома.

— Сначала позавтракаем, а потом посмотрим...

И во время завтрака, за которым из края в край стола перекатывалась оживленная беседа, видно было, что Щербакова не оставляла одна мысль — как отнесется Шолохов к его труду.

— А смотреть пойдем в соседнюю комнату,— сказал наконец Михаил Александрович.

— Можно начинать? — спросил Щербаков, держа в руках первый пейзаж.

Шолохов внимательно посмотрел на художника.

— Конечно, Борис Валентинович. Ждем.

Щербаков поставил картину на стул. На переднем плане виднелось поле щедро созревающей пшеницы.

— Хочу назвать «Добрые всходы. Хутор Тонкинский»,— проговорил художник.

Шолохов лукаво посмотрел на Булавина.

— А нельзя ли этот пейзаж пометить 73-м годом? — обратился он к Щербакову.

— Я его написал в этом году, Михаил Александрович.

— По таким всходам Булавина на круг заставят по тридцать центнеров хлеба сдавать. Как, Николай? — обернулся он к секретарю райкома.

— Все может быть,— вполне серьезно согласился Булавин.

Щербаков заменил пейзаж другим. Два огромных тополя оказались на переднем плане. Причудливое сочетание веселой жизни и уходящей в небытие старости виделось в этих тополях. Сочная зелень и отпадающая местами, отжившая, заскорузлая кора. «Бывалые тополя на Мигулянке».

— Да, бывалые,— задумчиво произнес Шолохов.— Старики.

— У вас в «Тихом Доне» в первой книге не о них сказано? — спросил Щербаков.

— И о них...

— За ними ваш дом,— проговорил художник.

— Даже церковь виднеется,— заметила Мария Петровна.

...Помните, в «Тихом Доне»:

«Там, где Дон, выгибаясь, уходит от станицы к Базкам, рукавом в заросли тополей отходит озеро, шириной с Дон в мелководье. В конце озера кончается и станица».

Щербаков показал еще один холст.

— Островное,— сказал он.

Как-то особенно поразил всех этот пейзаж, на котором виднелось озеро и посреди него небольшой, поросший леском остров. Расположено оно километрах в семи к востоку от Вешенской, у подножия песчаных дюн, где высятся молодые сосенки и тонкие кусты краснотала.

Молчание прервал Анатолий Калинин:

— Михаил Александрович, не тут скрывался Мелехов?

— Немного ниже,— ответил Шолохов.

— Хорошо,— глубоко вздохнув, сказала Мария Петровна.— Сколько раз по этим местам мы с Мишей на лодке катались! — На глазах у нее заблестели слезы.

— Все это исстари знакомо,— тихо промолвил Шолохов.

— Живу здесь, работаю и все больше впитываю в себя ощущение невиданного простора и шири,— горячо заговорил ободренный добрым отношением художник.— Я много поездил по России. Но такой шири, такой широты еще нигде не ощущал. Теперь я понимаю, как могли родиться такие люди...— Щербаков поставил на стул новый пейзаж.— Лебяжий яр,— проговорил он уже спокойней.

— Здесь, кому ни покажи, все скажут, какие это места,— после молчания сказала Мария Петровна.

— Понимаете, и краски, и цвета в природе здесь какие-то особые.

— Вы нашли эти краски. Придонье несколько отличается от природы Средней России. Там, пожалуй, более влажная природа.— Шолохов не торопясь рассматривал пейзаж.— Это очень хорошо,— сказал он после молчания.— Здесь все завершено. И все самостоятельно.

Сменилось еще несколько пейзажей.

— Вот пока и все, Михаил Александрович,— заключил Щербаков.

— Впервые в жизни вижу глазами художника свои места... Так может писать только человек, глубоко почувствовавший особенности донской земли,— сказал молчавший почти все время Анатолий Калинин.

— Все места нам знакомы, и вместе с тем словно бы заново их видишь,— взволнованно проговорила Мария Петровна.

Щербаков с Булавиным, захватив холсты, вышли из комнаты.

— Может быть, я более сдержан, чем другие,— сказал Шолохов,— но это действительно все хорошо. Даже великолепно.

— Михаил Александрович, а что вам виделось, когда Мелехов переходил Дон? — снова вернулся Калинин к своему вопросу.

— Это, Толя, возле Семеновского, сейчас Калининского хутора.

— А лебеди тоже в тех местах были?

— Да... Лебяжий отсюда и пошел.

Уже провожая нас на крыльце дома, Шолохов крепко пожал руку Щербакову:

— Спасибо вам, Борис Валентинович. Когда снова к нам?

— А я еще не уезжаю. Завтра снова на природу.

Затем мы встретились с художником в его студии, на этот раз вскоре после возвращения в Москву. Щербаков теперь показывал нам все, что было написано за оба приезда в Вешенскую.

Если в шолоховском доме не хотелось задавать художнику вопросов типа: как, почему, откуда пошло, что навеяло? — то в студии мы воспользовались такой возможностью, полагая, что это представит интерес и для читателя, которому придется смотреть шолоховскую сюиту не в оригиналах, а в репродукциях.

— Как вы писали пейзаж «У хутора Лебяжьего»?

Щербаков взял со стола «Тихий Дон».

— Хочу напомнить вам строки,— сказал он, раскрыв книгу:

«А над хутором шли дни, сплетаясь с ночами, текли недели, ползли месяцы, дул ветер, на погоду гудела гора, и, застекленный осенней прозрачно-зеленой лазурью, равнодушно шел к морю Дон».

— Но вы же писали не по книге?

— Нет, конечно, но я очень хорошо помнил это место. И когда увидел в натуре, понял, как мне показалось, что видел и Шолохов. Вдали у горизонта в сиреневатой дымке обдонские холмы. Справа между двумя из них в широком логу хутор Татарский (так, по Шолохову, местные жители именуют сейчас Калининский). В этом месте лебединой шеей изгибается русло Дона, видно, поэтому и хутор, что под Красным яром, у нижнего колена, и называется Лебяжьим. Дул ветер с востока, на небе ни облачка, жестко шелестели травы. Дон, вдали подернутый мелкой рябью, отливал серебром, а под яром зеленел изумрудом. Снизу слышался мерный плеск прибрежной волны... Около недели сидел я над Красным яром у хутора Лебяжьего с кистью в руках и бился над тем, чтобы передать ощущение необъятности донских просторов, опьяняющей чистоты воздуха и той сдержанной, даже несколько суровой нежности, столь характерной для могучей и привольной донской земли. Как получилось, судить не мне.

— Как получилось, вы слышали в Вешенской. Я думаю, хороший подарок вы сделали всем любителям литературы, воспроизведя дом, в котором родился Михаил Александрович.

— Это очень не просто — писать такие дома. Они обычно уже всем известны по фотографиям... Что можно прибавить?

— А что вы прибавили?

— Опять судить не мне.

— И все же?

— Если ехать из Вешенской на Миллерово и на семнадцатом километре свернуть влево, то, проехав совсем немного, попадешь в хутор Кружилинский. Ничем особенным эта местность не привлекает. Если б не протекала через хутор сквозь заросли камышей извилистая Черная речка под склоненными над водой ветками, то и вообще не за что было бы зацепиться глазу. Но разве в данном случае дело в красоте пейзажа?

Инструктор райкома партии Петр Прокопьевич Крамсков, сопровождавший меня, еще не въезжая в хутор, остановил машину и указал налево:

— Вот дом, в котором родился Шолохов!

Я увидел небольшую, под камышовой крышей хату, за палисадником несколько фруктовых деревьев, тополей и акаций, а за ними — степь. Машина ушла, я остался один со своими мыслями и этюдником. Из калитки вышел мальчик лет шести и медленно пошел на меня. Этого мальчика я и набросал, как он был — в синей курточке, все время перенося воображением к началу века.

— А ветряк? Откуда у вас появился ветряк? Я что-то в районе Вешенской не припомню такого. Правда, до войны встречал их здесь...

— Я тоже думаю, что встречали. В районе Вешенской не видел, это правда. По-моему, как этнографическую редкость встретил где-то возле Белой Калитвы. Но, собственно, какая разница, где я его встретил.— И Щербаков снова потянулся к «Тихому Дону».— Это из третьей книги:

«Выше хутора, на взгорье, доступный всем ветрам, стоял старый ветряк. На фоне надвигавшейся из-за бугра белой тучи мертво причаленные крылья его чернели косо накренившимся крестом».

Художник отложил книгу.

— Однажды на старом «газике» мы ехали по обдонской дороге вверх от Базков. Начинало смеркаться, небо у горизонта пересекалось стрельчатыми облаками, за которыми все ярче разгорался заревой костер. Обычно такое длится лишь несколько минут. Начинают гаснуть краски, менее звучными, глухими становятся силуэты деревьев, и дорога уже едва отличается от седых, полынных троп, только четким силуэтом на фоне неба рисуется старый ветряк да крыши казачьих куреней. Может, в данном случае это было в моем воображении, но это было... Вам не нравится мой ветряк?

— Как же мне может не нравиться донская история?

— А как вы относитесь к «Алешкиной балке»?

— Но почему «Алешкина»?

— На Дону все имеет свою историю. Как-то в разговоре с Михаилом Александровичем я спросил, не имеет ли названия балка, что начинается у Белой горы, на краю Базков. «Как же не имеет? Это Алешкина балка. В молодости я исходил ее вдоль и поперек. Куропаток там было! Ниже Базков Панова балка, а эта Алешкина!» — ответил мне Шолохов. Когда я вспоминаю историю донского края, она перекликается в моем воображении с этими крутыми обрывами. Будто раскололась земля от страшного удара в грудь... Мне самому эта работа очень нравится. Зеленеют местами склоны, ухватились за землю кустарники крепкими корнями, укрепился на осыпи дубок, а выше шелестит под ветерком разнотравье, седая низкорослая полынь, и степной страж — татарник покачивает мохнатыми малиновыми головками.

Жена во время работы читала мне главы из «Тихого Дона», и как-то до иллюзии ощутимы были звуки человеческих шагов и топот копыт по сухой, затвердевшей земле.

— А если вернуться к вашей золотой прошлогодней осени? К прекрасному пейзажу, где на закате виднеется Вешенская?

— Это примерно в пяти километрах от Базков вверх по течению Дона, на одном из обдонских холмов. Стоял конец сентября, солнце катилось за горизонт, последними, уже не греющими лучами освещая

задонские дали и станицу Вешенскую. Помните строки из первой части «Тихого Дона»:

«Предосенняя, тоскливая, синяя дрема, сливаясь с сумерками, обволакивала хутор, Дон, меловые отроги, задонские, в лиловой дымке тающие леса, степь».

Что я видел с этого холма? Легкий ветер поворачивает изнанкой листья, чуть серебря пожелтевшую листву молодого тополя, по склону вниз спускаются красноватые кусты терна и боярышника. Я приезжал на это место неделю подряд в предзакатный час, чтоб по крупицам собрать красноватое золото последних минут сентябрьского дня. Что ж еще прибавить к сказанному?

— Что можно прибавить к этому щедрому на краски и чувства пейзажу? По-моему, осень — ваша стихия, Борис Валентинович.

— Люблю и весну и лето. Вот в это «Разноцветье донское» я много сердца вложил. Ехал мимо и неожиданно увидел поляну, полыхающую сиреневым огнем. Лимонно-желтые головки коровяка усиливали яркость голубой кипени. Над всем разноцветьем важно покачивались на тонких колючих стеблях малиновые головки татарника. Такого буйного цветения, такого праздника красок мне еще не приходилось встречать в течение моих сорокалетних странствий по просторам нашей страны.

Было жарко. Гудели пчелы. Работа оказалась неимоверно трудной. Сочетание открытых красок необычайной яркости создавало ощущение светлой радости жизни. Вот это чувство я и хотел выразить. С неделю бился, переписывал и уничтожал написанное, добиваясь, чтобы не пятнами сырой краски, а воздухом и светом насытить небольшой кусок картона... Надо было уезжать. Так и бросил пейзаж, не удовлетворенный своей работой. Но дома в Москве поставил его на мольберт и вновь услышал гудение пчел и пьянящие ароматы разнотравья. Мне показалось, они заполнили душную мастерскую. И вот что получилось...

Щербаков был весь во власти недавних воспоминаний:

— А этот пейзаж «У Белой горы». Не знаю, может, и ничего особенного. Для меня же было целое откровение. Послушайте:

«С юга дул теплый, ласковый ветер, на западе кучились густые, по-весеннему белые облака. Сахарно-голубые вершины их, клубясь, меняли очертания, наплывали и громоздились над краем зазеленевшей обдонской горы. Погромыхивал первый гром...»

Так все открылось и мне, когда в начале июня я с этюдником расположился на полузаросшей полевой дороге, неподалеку от Белой горы на западной окраине Базков. Светлые, светлей облаков, меловые осыпи на склоне в сочетании с пепельно-голубоватой полынной сединой, темные аккорды кустов боярышника, светлая зелень акаций и многоцветье донских трав составили неповторимо звучащую гамму. Стоял нестерпимый зной. Но вот из-за горы стали появляться белые облачка, и через час надо мной уже громоздились горы, ежеминутно меняя свои причудливые формы. Вдали загремело, потом ближе... Солнце скрылось за облаками. Я лихорадочно работал, стремясь уловить характер силуэтов и движение предгрозовых клубящихся облаков. В течение нескольких дней продолжалась работа над этим мотивом.

Мы уже просмотрели все щербаковские работы. Оставалась последняя — «Дон тихий». Мы долго думали над тем, какой пейзаж определить в центр вешенской сюиты, и наши точки зрения совпали — именно этот, бесконечно широкий, безбрежный, вобравший в себя, казалось, всю трудную историю донского казачества, истоки его мужества и понимания своей роли в общей жизни нашего народа.

— Мне очень хотелось выйти за пределы чистого пейзажа. Помните, у Шолохова?

«Вдоль Дона до самого моря степью тянется Гетманский шлях. С левой стороны пологое песчаное Обдонье, зеленое чахлое марево заливных лугов, изредка белесые блестки безымянных озер; с правой — лобастые насупленные горы, а за ними, за дымчатой каемкой Гетманского шляха, за цепью низкорослых сторожевых курганов — речки, степные большие и малые казачьи хутора и станицы и седое вихрастое море ковыля».

Тут вся поэтическая и, пожалуй, историческая география края, думал я, проезжая на машине по ухабам утратившего свое былое значение Гетманского шляха. За хутором Калининским гряда меловых «обдонских гор» тянется на несколько километров до Рубежного. Перечитывая уже там, на месте, «Тихий Дон», я, потрясенный, иногда думал: где же мера шолоховского таланта? Вы только послушайте:

«...изморозно-белый покров известняковой пыли на придонской дороге, голубым видением вставшие вдали отроги меловых гор, а над ними, над текучим стременем гребнистого Дона, в неохватной величавой синеве небес, в недоступнейшей вышине — облачко. Окрыленное ветром, с искрящимся, белым, как парус, надвершием, оно стремительно плыло на север, и в далекой излучине Дона отражалась его опаловая тень».

Эти строки и, конечно, сама природа приводили меня в такие места, напоенные ароматами земли, окрашенные неповторимым донским колоритом. Что я видел на этих холмах? На западе у горизонта — Вешенскую, на востоке — Елань и высокую колокольню в сухую солнечную погоду. Прямо перед собой излучину Дона, Красный Яр, хутор Лебяжий и широкую пойму, поросшую лесом, кустарником, перемежающимся свежей зеленью нескошенных заливных лугов. Тают дали в сиреневой дымке у горизонта, сливаясь с небом. И все думалось: здесь, на этих безмятежных ныне просторах, более полувека назад обильно лилась кровь человеческая, бушевали страсти, любили и ненавидели герои Шолохова, а Дон в погожие летние дни все так же мерно нес свои воды к Азовскому морю.

— Очень радостно, Борис Валентинович, что вас так глубоко тронула донская земля.

— Для меня это было серьезное испытание. Но я сделал еще так мало! Сейчас, чем дальше отхожу от тех мест, они становятся мне все ближе. С каждым днем открываются новые, волнующие сердце мотивы. Вдруг вспоминаю лес у Пигаревки. Такой красоты мне не приходилось встречать за долгие десятилетия поисков. Как компонуются группы могучих тополей над лесным полузаросшим озерцом! Какая поляна, покрытая сиреневым ковром лесных колокольчиков! Здесь художник может работать месяцами и не исчерпает возможностей для создания все новых и новых картин. А сколько мест, которых я еще не видел?! Я не был на Хопре, в лесном заповеднике, что тянется на двадцать, а то и больше километров вверх по течению левым берегом Дона. Я только сейчас начинаю понимать, что нужны годы, чтобы показать людям всю необычную, особую прелесть донских пейзажей, краски и запахи, с такой остротой и точностью запечатленные словом писателя. Находясь там, я все чаще думал о большой правде искусства, будь то литература, живопись или музыка. Общение с Михаилом Александровичем заставило меня взглянуть серьезнее и на мою задачу. Большая любовь к донской земле живет сейчас в моем сердце.

Возможно, я пристрастен к отчим краям. Да иначе и быть не может. Человек, не любящий свой родной край, не помнящий его, вряд ли может беззаветно любить **вообще** землю, уважать и ценить иные места и иных людей, живущих в тех землях. Можно только поблагодарить Бориса Щербакова за то, что он так проникновенно и по-художнически глубоко написал места, дорогие сердцу каждого человека, любящего творчество Михаила Александровича Шолохова — славу и гордость русской литературы двадцатого века.

Кроме маленького шестилетнего мальчика в синей рубахе возле хаты, в которой родился писатель, на картинах Щербакова нет людей. Кажется, каким-то волшебным мановением оказалась без них на короткое мгновение донская земля, чтобы все вдруг увидели, какая она сама по себе — без людей, их страстей, страданий и радостей — красивая и мужественная. Что же, художник добился этого таинственного эффекта — она и без людей выглядит, словно бы с ними, со всем, что на ней было, есть и будет еще тысячи, тысячи лет.

Накануне 70-летия писателя художник сделал подарок не только бесчисленным почитателям шолоховского таланта, но и самому Михаилу Александровичу, заслужив талантливой работой его сердечную похвалу и одобрение.

И хочется еще раз повторить ставшие как песня, как клятва вещие слова из «Тихого Дона»:

«Низко кланяюсь и по-сыновьи целую твою пресную землю, донская, казачьей, не ржавеющей кровью политая степь!»

РАДИОПРЕМЬЕРА

«СУДЬБА» ПРОЗВУЧАЛА В ЭФИРЕ

Спектакль по радио... Спросим себя, насколько он нам интересен в наши дни, когда телевидение может показать — и действительно показывает зрителям — многих и многих героев полюбившихся всем книг в оживших образах, в реально представленной обстановке действия... Но, видимо, ответ — любой — тут будет впрямую зависеть лишь от самого спектакля. От того, оказалось ли интересным, содержательным творческое переложение книги, удалось ли средствами радио преобразовать художественную ее природу, не нарушив при этом авторского замысла, а, напротив, даже и обогатив его новыми красками, обострив звучание главной темы...

Думается, приходишь к положительному вполне решению этих проблем, прослушав недавно в течение четырех вечеров радиопремьеру «Судьба», поставленную по широко известному роману Петра Проскурина режиссером Э. Верниным в полном художественном, образном соответствии с высоким смыслом народной эпопеи, которая раскрыла много нового в исторических судьбах родной земли, в повороте русского крестьянина-хлебороба на социалистический путь развития страны.

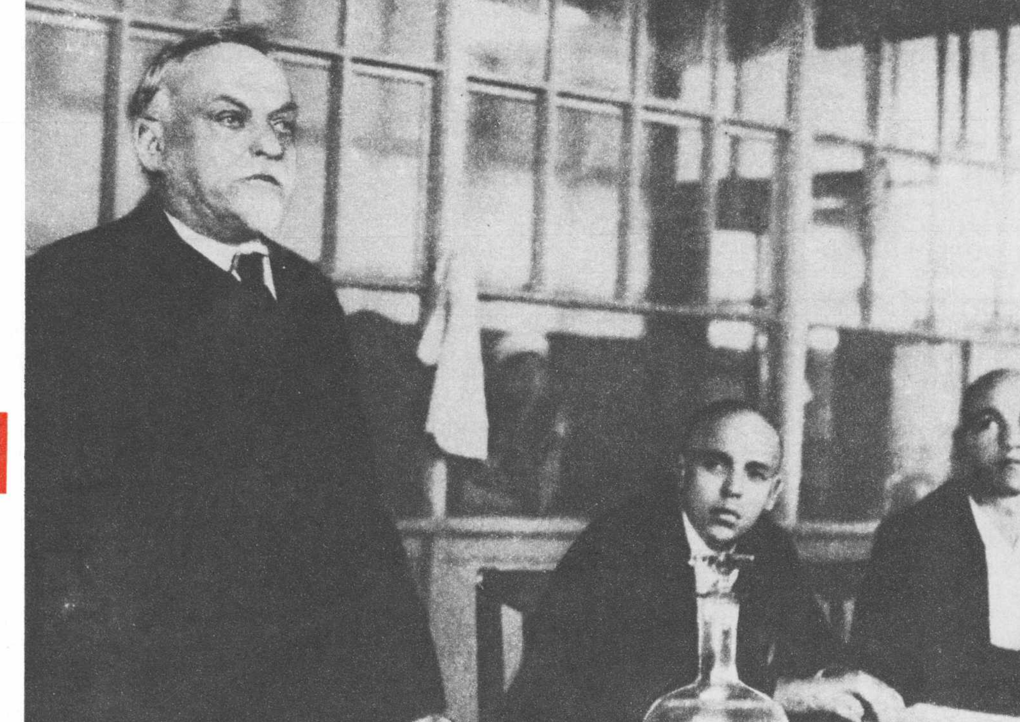
Не снимая особенностей, сложностей, подчас острого трагизма личного бытия героев, сохраняя их индивидуальность, их живые голоса, радиопостановка «Судьбы» позволяет слушателям как-то сызнова воспринять остроту классовой борьбы, порождавшей в деревне непримиримую, смертельную вражду. И здесь Захар Дерюгин (артист Ю. Горобец) — на одной стороне баррикады, Анисимов (А. Джигарханян) — на другой; и сколько еще людей — а значит, и судеб — между этими двумя, жестоко столкнувшимися судьбами...

Алексей Баталов читает текст от автора, придавая раздумчивую, лирическую интонацию, сообщая особый, волнующий оттенок всему, что происходит в Густищах, в том колхозе, где живет и трудится Захар... Началом войны, однако ж, произведение не заканчивается. Инсценировщики (П. Проскурин и Н. Репухова) справедливо разбили содержание романа на несколько серий, а пока что мы прослушали первые четыре: «Захар Дерюгин», «Испытание», «На перепутье», «Возвращение»... Впереди — рассказ о том, каким был русский солдат Захар Дерюгин на войне, о новых его встречах с недругами, о гибели героя, остающегося навечно жить в своих детях, в народе...

Композитор Ю. Чичков, чьи песни и музыка обрамляют постановку, подчеркивает героический характер радиоспектакля, хотя есть тут и мелодии задушевные; тревога, грусть, радость человеческая звучат, как и в романе, то мягко, то во весь голос, волнуя слушателя, рождая его ответные чувства...

Н. ТОЛЧЕНОВА

ГЛАВНЫЙ ДОКТОР РЕСПУБЛИКИ

Н. А. Семашко выступает на заводе «Изолит».
Фото автора.

Так В. И. Ленин назвал Николая Александровича Семашко, чье столетие со дня рождения мы отмечаем в эти дни.

«Здоровье народа — высший закон!» Эти слова я услышал из уст Н. А. Семашко во время его выступления в 1934 году на нашем заводе «Изолит». Ждали его с нетерпением все, от мала до велика, знали первого наркома здравоохранения, ветерана ленинской гвардии, соратника великого вождя пролетариата. А в то время он был членом Президиума ВЦИК, председателем Деткомиссии, заведовал кафедрой организации здравоохранения I Московского медицинского института.

У старых рабочих на памяти был прежний завод — грязный, без вентиляции, и это при крайне вредных условиях производства. А работали здесь тогда по 12 часов в сутки!.. Надо ли говорить, как разительно отличался от того, прежнего, нынешний облик нашего завода! Мощная приточно-вытяжная вентиляция максимально очищала воздух. Рабочие во вредных цехах получали бесплатно молоко, а работали не более восьми часов в сутки. Любя свой завод, мы внимательно следили за чистотой в цехах, на территории. Все это сразу отметил Николай Александрович.

Хочу напомнить, что в те годы страны Запада потряс экономический кризис, во многих лихорадочно готовились к войне, особенно в Германии, где к власти пришел фашизм. Поэтому Семашко начал свое выступление с рассказа о международной обстановке и втором пятилетнем плане, принятом на XVII съезде ВКП(б), напомнил, что выполнено в первую пятилетку, что предстоит сделать. А затем он перешел к главной своей теме — к проблемам, стоящим перед молодым советским здравоохранением. Он говорил о преимуществах нового типа медицинского обслуживания рабочих — диспансерном методе обследования здоровья, о профилактических мероприятиях, направленных на ликвидацию вредных воздействий.

Конечно, многого я не помню — сорок лет прошло. Тогда мы на заводе «Изолит» отмечали 60-летие Н. А. Семашко. Но то, что сохранилось в памяти, говорит о внимании Николая Александровича к людям.

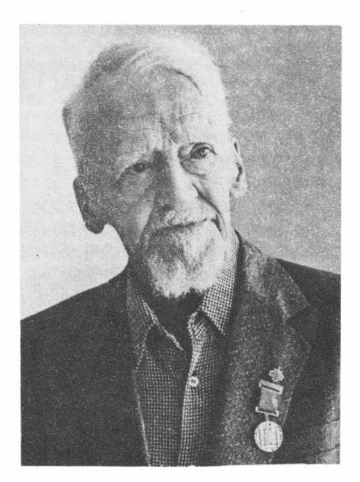
Обращаясь к сидящему рядом с ним председателю завкома, Семашко спросил: «А о физкультуре вы не забыли?» «Стараемся», — ответил наш председатель. Николай Александрович говорил о пользе ежедневной физкультуры и «физкультуры выходного дня», особенно для тех, кто много времени проводит на производстве.

Потом на трибуну стали выходить старые, кадровые рабочие. Они рассказывали о переменах в жизни завода, происходивших на их глазах, и эти яркие примеры дополнили высказывания Н. А. Семашко. Ему много задавали вопросов — о постоянном медицинском контроле на медпункте, об организации детских садов и яслей, о заводской столовой. Провожали Николая Александровича дружно, всем коллективом.

В тот раз я и сделал снимок, который теперь вы видите. Рядом с Н. А. Семашко сидят председатель завкома П. Коновалов, ныне пенсионер, член парткома завода А. Андреев, затем ушедший от нас в Советскую Армию (ныне подполковник в отставке, он живет на Урале).

«И особенно я счастлив на склоне своих лет тем, что... принял активное участие в борьбе за счастье человечества», — писал Н. А. Семашко в своей книге воспоминаний «Прожитое и пережитое».

Б. РАВИКОВИЧ,
действительный член Географического общества Академии наук СССР

Джо Уоллес в гостях у «Огонька».

ГОСТЬ «ОГОНЬКА»

ЖИТЬ МОЖЕМ ТОЛЬКО ВМЕСТЕ

Высокий седой Джо Уоллес, несмотря на свои 83 года, бодр и полон энергии. Канадский рабочий-поэт скупо говорит о своей жизни. Трудная и удивительная судьба этого человека. Джо Уоллес родился в зажиточной семье. Талантливый, энергичный, работоспособный, он основал рекламную фирму. Ему уже прочили карьеру бизнесмена. Однако Уоллеса интересует революционная борьба. Он сближается с рабочим движением Канады и порывает с прежней, обеспеченной жизнью. Теперь он организатор рабочих забастовок, активный сотрудник коммунистической прессы. Как коммунист, Уоллес был арестован и брошен в тюрьму. Но ни лишения, ни тюрьмы не сломили поэта. Хотя буржуазная пресса старалась игнорировать существование рабочей поэзии в Канаде, у Джо Уоллеса были свои читатели. Маленькие, тоненькие книжки его стихов мгновенно раскупались.

— Я вступил в Компартию Канады пятьдесят лет назад,— говорит поэт,— и с тех пор являюсь ее активным членом. Сначала я был либералом. Коммунистом меня сделали рабочие. Часто, выступая перед ними, я видел, что наши взгляды по многим вопросам сходятся. Рабочие дали мне и книги Маркса, Энгельса, Ленина. Я их тщательно штудировал. Так постепенно я стал убежденным коммунистом.

Джо Уоллес поднимается и подходит к карте мира.

— Сопоставляя современную западную литературу с советской, можно сравнить их с загрязненным озером Эри и чистыми водами ваших озер. Но не вся наша литература заполнена сексом, убийствами, насилием. Есть правдивые, интересные произведения, такие, как, например, книга Фарли Моуэта о Сибири.

— Как вам понравилось в Советском Союзе?— спрашиваю я.

— О, это прекрасная страна! Я уже не первый раз в СССР. У меня здесь много друзей, вот почему я каждый раз с удовольствием приезжаю сюда вновь. Сотрудничество между нашими странами расширяется, что меня очень радует. Разрядка — это дорога, дающая большие надежды, хотя на этой дороге много препятствий. Но я убежден, что мы преодолеем их, должны преодолеть,— твердо говорит Уоллес и читает строки из своего стихотворения, посвященного дружбе с нашей страной.

Выбор для многих сложен,
Но результат известен:
Врозь мы погибнуть можем,
Жить можем только вместе!

В. ДУНАЕВ

СЛУЖУ НА

Ванда БЕЛЕЦКАЯ,
фото Н. АНАНЬЕВА.

В эти дни исполняется 125 лет со дня рождения Ивана Петровича Павлова. Среди естествоиспытателей немало найдется имен, овеянных чистотой подвижничества и благородства. Но даже здесь нечасто встретишь человека, который бы так страстно любил науку, Родину, как Иван Петрович Павлов. «Что ни делаю, постоянно думаю, что служу этим, сколько позволяют мне мои силы, прежде всего моему Отечеству, нашей русской науке». За много лет до того, как ученым были сказаны эти слова, он уже получил всемирную известность, Нобелевскую премию, стал действительным членом 132 академий и научных обществ. Сделанное им принадлежит всему человечеству, но с особой остротой именно в первые годы Советской власти думал ученый «о прекрасном и возвышающем чувстве Родины».

Институт физиологии Академии наук СССР носит имя основателя. И знаменитые Колтуши, что под Ленинградом, называются сейчас научным городком Павлово. Над какими же проблемами работают здесь исследователи!

КОЛТУШИ — 1974

Репортаж из Колтушей мне хочется начать с неизвестных, еще нигде не опубликованных строк Ивана Петровича Павлова. Они взяты из его незаконченной рукописной статьи «Об одном важном долге современного врача».

«...Среди предупредительных мер в глазах врача должна в настоящее время привлекать к себе особенно пристальное внимание наследственность. Кто и когда не знал, что от каждого определенного организма, растительного или животного, родится такой же организм. И, однако, эти повседневные очевидные истины, к удивлению и сожалению, никогда еще не были руководящим источником самой человеческой жизни. Но важен долг современного врача — попытаться сделать по возможности ее наконец жизненной, жизнеопределяющей.

...Важный вопрос: как? Во-первых, он должен хорошо знать генетику, ее основные законы. Современному врачу мало даже только знать это, а он должен быть практически убежденным в силе основных законов наследственности и, во 2-ых, быть постоянным и строгим их проповедником при всех соответствующих случаях своей работы...»

Не правда ли, только этих кратких строк уже достаточно, чтобы снять «хрестоматийный глянец» с имени ученого, вошедшего во все школьные учебники мира, и сделать его живым и современным? Кажется почти невероятным, что написана эта статья не сегодня и принадлежит не специалисту в молекулярной биологии, а русскому физиологу, начавшему свой жизненный путь еще в середине прошлого века.

Сейчас Архив Академии наук СССР и Комиссия по документальному наследию ученого готовят к изданию «Неопубликованные и малоиз-

Эти молодые исследователи трудятся сегодня в лабораториях Колтушей.

МОЕМУ ОТЕЧЕСТВУ, ШЕЙ РУССКОЙ НАУКЕ

вестные материалы И. П. Павлова». Там можно будет прочитать и статью о значении генетики.

«Генетика высшей нервной деятельности». Эти слова Павлова читаю и сегодня на старейшем в Колтушах здании, с волнением перешагивая порог.

Идет опыт. В камере для исследований собака. Укрепляются всевозможные датчики, фистулы. Очень похожую на эту собаку, только игрушечную, я видела в ленинградской квартире-музее Павлова на Васильевском острове. Иван Петрович привез ее из Англии в 1912 году. Во время церемонии присуждения ему звания Почетного доктора Кембриджского университета английские студенты опустили с хоров игрушечную собачку к ногам ученого из далекой России. Подобная студенческая шутка была сыграна в Кембридже дважды: до Павлова также с хоров опустили игрушечного зверька к ногам другого известного во всем мире ученого. Игрушка была обезьянкой, а ученым — Чарльз Дарвин.

— Мы ведем исследования с представителями поколений тех собак-невротиков, с которыми начал работать еще Иван Петрович, — рассказывает кандидат медицинских наук Ирина Васильевна Сергеева.

Лабораторией руководит доктор медицинских наук Иван Терентьевич Курцин. Цель исследований — изучение проблемы регуляции вегетативных функций и участие психических компонентов в этой регуляции. Иными словами, как влияют на работу сердца, кровоснабжения, пищеварения различные неврозы.

Я слушаю Ирину Васильевну и думаю: изучение этих вопросов — самый передний край физиологии и медицины. Во всем мире изучают влияние на деятельность организма перегрузок, обрушившихся на человека в связи с развитием техники, ростом больших городов, усилением темпа жизни. Есть у этих работ и другая сторона, еще более современная. Говорят: «Сердцу не прикажешь», — но в прямом смысле сердцу можно кое-что и приказать. Резервы человеческого организма, особенно мозга, огромны. И ведь именно Павлов одним из первых заговорил об организме не только как о саморегулирующей, но и самосовершенствующейся системе. Научиться регулировать свои функции — трудно переоценить то мощное оружие излечения, которое смогут тогда получить врачи.

Рядом с лабораторией небольшой музей. Застекленная веранда, где стоит письменный стол, за которым работал ученый, его вещи. Видавший виды велосипед, тормозов нет и не было. Павлов считал, что человек должен управлять своим телом. Так и ездил без тормозов, даже когда на всех велосипедах они уже появились. Сделанный Павловым стеклянный улей для изучения пчелиной семьи. Плетеная качалка. Он любил сидеть у раскрытых окон веранды. У него была привычка во время разговора с собеседником, особенно если разговор его волновал, протягивать вперед и класть перед собой руки, сжатые в кулаки, жест энергичный, утверждающий. Так и написал его Нестеров. Наверное, многие помнят этот великолепный портрет. Павлов был тогда для всего человечества уже классиком, гением мировой физиологии, зачинателем, творцом. А для себя самого, для своих родных он был уже не молодым мужчиной (нет, не стариком, он и в свой последний восемьдесят шестой год стариком так и не стал!), но уже с нависающим на плечах грузом всего им созданного. Он много передумал и пережил. Неприязнь и язвительный холод царских чиновников от науки, долго не желавших давать всемирно известному ученому звание профессора, славу, наслаждение напряженной работой мысли, революцию, всколыхнувшую в нем острое чувство Родины, тяжелую болезнь, а потом и смерть сына, любовь учеников, признание молодой Страны Советов, которой так нужны были его опыт, его ум.

Сейчас из окон веранды уже не видно коттеджей, как на картине Нестерова. Деревья разрослись. Но сад словно расступается перед памятником тому, чьи идеи развиваются сегодня в Колтушах, памятником Ивану Петровичу Павлову. Рядом на постаменте стоит собака, его верный помощник...

В пятидесятых годах в Колтушах появилась новая лаборатория. Ею руководил Михаил Ефимович Лобашов, великолепный генетик. Лобашов перенес павловский принцип временного условного рефлекса, разработанный на собаках, на... пчел. Это казалось почти невероятным, но исследования новой лаборатории доказали: все задачи, которые решали в этой области на собаках, можно решать и на беспозвоночных: птицах, рыбах, пчелах. У пчел, например, быстро образуются условные рефлексы, пчелы прекрасно обучаются.

Руководит лабораторией генетики поведения ученица Лобашова кандидат биологических наук Валентина Васильевна Пономаренко.

— Весь принцип нашей работы, — рассказывает она, — базируется на том, что основные звенья биохимических процессов животных разных уровней являются одинаковыми. А если так, значит, у разных животных должны существовать одинаковые гены, обусловливающие образование одинаковых нейроактивных веществ. Мы ищем общность, прежде чем найти различия, изучаем, как влияют одинаковые гены на поведение различных видов животных. Это очень сложная задача — проследить путь от гена до поведенческого признака. Опыт с пчелами, который вы видите, показывает, как обучаются пчелы различных генетических типов. А до этого мы исследовали, как эти же линии передают информацию.

Кроме научного интереса, работы могут иметь и большое практическое значение, — продолжает Валентина Васильевна, — например, как будут передавать информацию новые гибриды пчел, смогут ли они понять друг друга? Еще пример: как привлечь пчел с одного медоноса на другой? В пчелиной семье вырабатывается условный рефлекс: при подкормке на запах клевера (который уже отцвел) пчелам дают что-то горькое, на запах гречихи — сладкое. Пчелы четко летят на гречиху. Или, скажем, некоторое время кормят пчел у щита синего цвета. Потом ставят его на бахчевую культуру, нуждающуюся в опылении. Так как у пчел уже выработался условный рефлекс на синий цвет, они летят на щит, как на ориентир.

...Нет, не случайно стоял у Павлова маленький стеклянный улей...

ИЗЛЕЧЕНИЕ — ВЫСШАЯ ЦЕЛЬ ИССЛЕДОВАНИЙ

На дверях лаборатории «страшная» картинка — Бармалей потрясает саблей. Надпись: «Опыт — не входить!»

Я в лаборатории физиологии кровообращения. Много лет ее возглавлял ученик Павлова — профессор Г. П. Конради. Теперь лабораторией руководит доктор медицинских наук Владимир Владимирович Орлов. Диапазон работы лаборатории — от изучения местного кровообращения до регуляции его в коре больших полушарий головного мозга.

— Здесь работает одна из моделей искусственного сердца, — рассказывает Владимир Владимирович. — Модель дает возможность расчленить, какие процессы в организме зависят от деятельности сердца, а какие от деятельности сосудов. Это тема будущей докторской диссертации нашего сотрудника Л. И. Осадчего.

Исследования лаборатории чрезвычайно широки и разнообразны. Прямо восходит к традициям И. П. Павлова работа В. В. Орлова о связи кровообращения с эмоциональным состоянием, о том, **что, когда** и **как** влияет на эту важнейшую функцию организма. Долгое время большее внимание ученые уделяли исследованию в основном артериального кровообращения, а регуляция вен в общей системе была незаслуженно забыта. Работы сотрудников лаборатории ликвидируют этот пробел. Кандидат биологических наук Л. И. Васильева изучает механизм интересного явления — увеличение кровообращения в мышцах снимает утомляемость. По существу, это смыкается с идеями И. М. Сеченова об активном отдыхе. Познание тонких процессов сложного механизма эффекта позволит дать весьма практичные рекомендации, например, как повысить работоспособность человека в сложных условиях, на тяжелом производстве, в аварийных ситуациях, спортсменов, космонавтов.

Чтобы вести все эти исследования, необходима сложнейшая техника. Приборы ученых отличаются космической сложностью, эксперименты поставлены с филигранной точностью. Законы движения крови изучаются с применением метода математического моделирования. «Придет время — пусть отдаленное, — когда математический анализ, опираясь на естественнонаучный, охватит величественными формулами уравнения все эти уравновешивания, включая в них наконец и самого себя», — писал И. П. Павлов. Сейчас в Колтушах есть великолепная мастерская радиоэлектроники, свой Вычислительный центр.

Еще одна работа лаборатории, непосредственно связанная с медицинской практикой, — работа лауреата Государственной премии 1972 года В. П. Лебедева. Он первым в мире предложил ультразвуковой нож для уменьшения травм при операциях на мозге.

Исследования института тесно связаны с клиникой, с практической медициной. И в этом тоже одна из традиций школы Павлова, блестяще развитая его учениками и последователями.

Ленинградская больница имени В. И. Ленина. Уже много лет на ее базе работает институтская лаборатория клинической и экспериментальной кардиологии. Ею руководит доктор медицинских наук профессор И. Е. Генелина.

Ирина Ефимовна — молодая, элегантная женщина, с внешностью, счастливой для врача, — сразу веришь. Она ученица Георгия Федоровича Ланга, первым приложившего учение Павлова к сердечно-сосудистым заболеваниям.

Врачебный обход. Генелина с ординатором больницы А. Б. Хавизоном и сотрудником института А. Н. Могилевским осматривают больных инфарктом в палате интенсивного наблюдения и терапии. Сестра, находящаяся на посту, видит параметры сердечной деятельности сразу всех шести больных, лежащих в палате. Если состояние больного ухудшается, автоматически дается сигнал тревоги, а экран телевизора сразу показывает, что нарушилось в организме человека.

— Исследования, начатые Павловым и развитые Лангом, сейчас чрезвычайно важны, — рассказывает Генелина. — Все больше мы связываем сердечно-сосудистые заболевания с психическими особенностями человека, перенапряжениями, внешними условиями. Мы изучаем сердце больного, но это помогает найти закономерности работы сердца здорового человека.

С врачами больницы у нас сложился единый коллектив, полный взаимопонимания. Ведь больные инфарктом для нас не модель, мы их лечим, и лечим успешно.

...Ну как тут не вспомнить павловское: «Возврат к норме, излечение, то есть истинное научное овладение предметом». Именно во имя этого конечного результата идут в лабораториях Института физиологии бесконечные эксперименты.

В результате развития нейрофизиологии стала доступна изучению даже работа нервных клеток мозга. Глаз, кожа, ухо (в институте

есть специальные лаборатории, изучающие их) анализируют внешние воздействия и посылают сигналы. На определенный сигнал следует определенная реакция организма. Но можно установить, и что происходит в мозге, когда нет выраженного действия, то есть во время торможения. Оказывается, сложные виды торможения связаны с очень большим напряжением. Чем сложнее торможение, тем выше напряженность возбудительного процесса. Сдержанность очень дорого обходится и человеку и животным. И все-таки, чем выше развит у организма процесс торможения, тем выше стоит он на эволюционной лестнице. Человек возвысился в значительной степени благодаря этому сигналу. Руководит лабораторией нейрофизиологии доктор биологических наук Юрий Геннадиевич Кратин.

В камере условных рефлексов для электрофизиологического исследования — рыжий кот. Я видела, как он резво бежал на опыт. Твердо знает: получит мясо.

От определенных точек его мозга сделаны специальные отводы. На пульте управления идет непрерывная запись работы мозга в этих точках. Как должны быть сложны приборы, снимающие информацию с отдельных нейронов, с какой микронной точностью выполнены!

Коту предлагают мясо и включают различные сигналы: положительный и отрицательный. Запись деятельности его мозга постоянно меняется, но особенно напряженная работа идет, когда кот решает задачу — брать или не брать мясо, то есть когда идет процесс торможения.

Институт, созданный Павловым, возглавляет сегодня академик В. Н. Черниговский.

Старшая лаборантка Н. И. Селитская.

Словно неведомую страну, изучают естествоиспытатели загадочный материк мозга, создают его карты, систематизируют их в атласы. Уже доказано, что от функционального состояния мозга зависит уровень его действия. Уровни можно регулировать электрическим путем. Но для этого надо точно знать, на какие структуры и как воздействовать. Уже созданы методы и сами приборы для временной стимуляции работы мозга; воздействием на различные нервные клетки лечат эпилепсию, навязчивые идеи, различные нарушения движений.

Мозг, конечно, благородный орган, но так уж устроены животные и человек, что, для того чтобы жить, они обязаны есть. В институте несколько лабораторий изучают пищеварение и питание, пищевое поведение животных. Не надо говорить, что работы эти восходят к традициям Павлова,— исследования его по пищеварению наиболее известны.

В одной из лабораторий института сделано крупное открытие, пожалуй, наиболее крупное после работ И. П. Павлова. Раньше думали, что пищеварение происходит в полости желудка и кишечника. Член-корреспондент Академии наук СССР Александр Михайлович Уголев доказал, что существует еще одна форма пищеварения — контактная, или пристеночная. На стенках кишечника есть микроворсинки. Количество их не поддается измерению. Они увеличивают поверхность кишечника во многие тысячи раз. К микроворсинкам приклеен фермент, при помощи которого идет пристеночный процесс пищеварения. Причем фермент, сделав свое доброе дело, не пропадает, а по-прежнему остается на микроворсинке. За работы, связанные с открытием пристеночного пищеварения, А. М. Уголев удостоен премии имени Павлова.

ОБЕЗЬЯНИЙ ОСТРОВ

Обезьяны стоят у самой кромки воды и взволнованно смотрят, как лодки отплывают все дальше. Потом, словно по команде, они лезут на деревья, подымаются все выше и выше, пока лодки не скрываются окончательно.

Обезьяны остаются одни на маленьком северном островке. Они не знают, что исследователи продолжают внимательно следить за ними и в случае опасности мгновенно придут на помощь. На острове укрыты фотокамеры, которые снимут на пленку жизнь животных.

Так начался эксперимент Института физиологии по изучению поведения обезьян в свободных условиях. Ученых волновали многие проблемы, как акклиматизируются их питомцы — ведь это не джунгли, а всего лишь островок на озере в Псковской области, и хотя лето довольно теплое, но ночами бывает прохладно. Как будут вести себя обезьяны, найдут ли пищу? Кроме естественной подкормки, на остров привозили фрукты. И самое главное — не забредет ли сюда турист-одиночка или охотник? Что подумает он, увидев обезьян? По радио и через газеты все местное население знало об этом опыте, но ученых не покидала тревога, и они неустанно охраняли остров, следили за его новыми обитателями.

Изучение поведения обезьян, их мышления — традиция института, тоже идущая от Павлова. В последние годы жизни он много сил отдавал этим исследованиям. Обезьяны Роза и Рафаэль тосковали после смерти Ивана Петровича. Рафаэль погиб в войну, он очень боялся фашистских бомбежек.

Сейчас обезьяний вожак — Бой, самый старый и сильный. Он никогда не знал джунглей, а вот Тарас — представитель наиболее интеллектуального племени горных шимпанзе — попал к ленинградским ученым сразу из джунглей.

Все животные обладают высшей нервной деятельностью, по-своему совершенной, но, как утверждают ученые, только человеку присуще абстрактное мышление. Обезьяны же обладают зачатками абстрактного мышления, что особенно интересно физиологам.

Руководит опытами доктор медицинских наук Л. А. Фирсов. Он работает в институте уже много лет, и, пожалуй, трудно найти исследователя более мужественного и более преданного своему делу, своим питомцам. Он не оставил обезьян, даже когда одна из них откусила ему на руках три пальца. При работе с обезьянами есть свои трудности. У собаки, например, всегда поймешь по глазам, в каком она настроении, у обезьяны — никогда. Их глаза далеко не зеркало души. Эти животные обладают незаурядной хитростью. В Колтушах, например, был такой случай, когда незаметно от сторожа и лаборантов они раскачали железный прут в вольере и отправились гулять по Колтушам, пока их не нашел Леонид Александрович Фирсов и не увел за руки, как нашкодивших детей.

Как же устроились обезьяны на острове? Какие стороны их жизни открылись ученым?

Начнем с того, что обезьяны прекрасно акклиматизировались. Если им бывало холодновато, они согревались, хлопая себя по плечам, потирая их, как делают люди. Они освоили остров, проложили тропинки, на деревьях построили гнезда. Раньше думали, что они строят себе гнездо, как убежище. На самом деле это часто лишь место временного отдыха. Обезьяны любят комфорт и, отдохнув, легко бросают гнездо.

Исследователи обратили внимание, что одно место на острове обезьяны обходят: протоптанная тропинка прерывается, а через несколько шагов возобновляется. Оказывается, здесь один раз кто-то из новых обитателей острова заметил змею, с тех пор это место — табу.

Питаются обезьяны листьями, а те, кто помнит свой прежний опыт,— муравьями. Берут палочку, обдирают кору, втыкают в муравейник и с удовольствием облизывают, другие смотрят — пытаются подражать. Интересно, что, питаясь корнями, листьями, ягодами, ни одна обезьяна не тронула того, что ядовито. У всех животных в природе удивительно развито это чувство — есть только полезную пищу. У человека, увы... эта особенность убита цивилизацией.

Самый сообразительный — Тарас, тот, что из джунглей. Это талантливая натура, обладающая великолепной памятью и началами ярко выраженного абстрактного мышления, которое сближает человека и обезьяну. Например, Тарас, увидев предмет (шарик, треугольник или прямоугольник), достает точно такой же из ящика, не глядя, только на ощупь.

На острове Тарас палкой притягивал лодку (обезьяны боятся воды) и доставал из нее банку с компотом или фрукты, подкинутые исследователями. Причем сам не смел съесть, а передавал банку Бою, а тот хотел — делился с ним, хотел — не делился. Вожак ест пищу первым.

И все-таки абстрактное мышление развито у обезьян очень слабо. Например, если положить банку с компотом под тяжелый камень, то, хотя все обезьяны соберутся около камня, переворачивать его будет один. Догадаться, что надо действовать коллективно, они не могут. И в то же время, когда им угрожает опасность, обезьяны объединяются. Если к острову в порядке научного эксперимента подплывал аквалангист (неведомое обезьянам чудовище), они все вместе кричали, бросали камни, пока не прогоняли его. Причем даже их водобоязнь отступала на второй план, обезьяны входили в воду, чтобы докинуть камни до аквалангиста.

Но зачем ученые изучают поведение обезьян? Все за тем же, чтобы узнать, как устроен мир и в конечном счете — как устроен человек.

ЭСТАФЕТА ПОКОЛЕНИЙ

— Вы побывали в лабораториях института и видели, что исследования ведутся на современном уровне и в то же время глубоко связаны с идеями Павлова, с его школой,— говорит директор Института физиологии академик В. Н. Черниговский.

Мы беседуем с Владимиром Николаевичем в его просторном кабинете на набережной Макарова. В этом ленинградском здании работал Павлов, прежде чем перебрался в Колтуши. Здесь ученый проводил свои знаменитые «среды». И сейчас в коридоре у небольшого столика стоит кресло, где обычно сидел Иван Петрович. Вокруг собирались ученики — их было человек десять. А сейчас в Институте физиологии только лабораторий много больше. Появились новые стороны исследований, новые ответвления, проходящие по самым передовым линиям мировой науки. «Внуки» Павлова приняли эстафету от его учеников, тех, кому посчастливилось работать с Иваном Петровичем.

Академик Черниговский возглавляет сегодня институт, носящий имя Павлова. В физиологию Владимир Николаевич пришел из медицины. Для его работ характерно сложное сочетание глубокой биологической подготовки с тонкими исследованиями в области медицины и физиологии. И учителями его были физиолог и медик: академик К. М. Быков (ученик Павлова, до Черниговского возглавлявший институт) и академик В. В. Парин. Широкой известностью пользуются исследования ученого по кровообращению, космической физиологии и медицине. Но особенно интересны его работы по изучению физиологии головного мозга, вопроса, где в центральной нервной системе проектируются наши ощущения, где этот внутренний материальный субстант. За свои работы академик Черниговский удостоен премии имени Павлова и Золотой медали имени Павлова.

— Эксперименты, тонкие и точные приборы исследования... Все это, конечно, необходимо. Но главным для физиолога в частности, и для ученого вообще, должно остаться творческое осмысление вопроса,— говорит Владимир Николаевич.— В наш деятельный век мы слишком много экспериментируем, слишком много делаем, но, увы, не всегда имеем время достаточно глубоко осмыслить проблему, думаем мало. Исследователям, особенно молодежи, надо и тут учиться у Павлова. Вспомните его работы по кровообращению, которые выстраиваются в стройную систему. Они были сделаны в конце прошлого века чрезвычайно скромными средствами, но и сегодня блестят, как лучший драгоценный камень в короне науки. Работы Павлова прочно вошли в историю мировой физиологии, и уже нельзя, уже невозможно вычленить их из ее живой ткани.

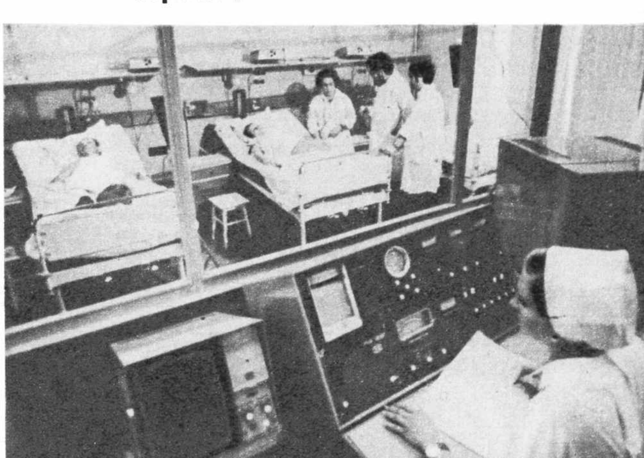
...В институт часто приходят письма из-за рубежа. Ученики и последователи Павлова есть не только в Ленинграде, не только в Советском Союзе, но и во всем мире. Я читаю эти письма, и вспоминаются слова Ивана Петровича Павлова: «Волнующее чувство испытываю я, когда доводится выступать перед иностранцами. Невероятно остро понимаешь тогда, что русский ты человек и каждая капля твоего дела приносит родине пользу или вред. Это чувство всегда было остро во мне, но сейчас я все более вдумываюсь в него...»

В камере по изучению условных рефлексов. «Тимон» прекрасно понимает команды исследующих его сотрудников Л. К. Даниловой и В. В. Баранова.

Подготовка к эксперименту в лаборатории физиологии кровообращения.

Врачебный обход в палате интенсивного наблюдения и терапии.

Б. ПРОТОПОПОВ

Раннее утро. Но солнце уже бьет в ветровое стекло «газика», и шофер, молодой сержант милиции, опустил защитный козырек. Ночью прошел дождь. Влажная земля тихо курится паром. Легкий туман висит по низинам, зацепившись за густую траву. Высокая пшеница стоит по обочинам дороги. Колхозный голова Дмитрий Лаврентьевич Шкуренко не может отвести от нее влюбленных глаз.

— И в прошлом году урожай был хорош, а нынче по сорок — сорок два центнера должны взять! — рассуждает он вслух, и довольная улыбка не сходит с его лица.

— Овсы-то богатырские! — восклицает Анатолий Федорович Краснокутский, следователь районной прокуратуры.

Всю дорогу от центральной усадьбы они увлеченно, со знанием дела говорят о земле, семенах, сельхозтехнике, видах на урожай, подготовке к уборке... И ни слова о трагическом случае, из-за которого я приехал и который вот уже три месяца толкуют, как кому вздумается, жители окрестных деревень.

У меня в кармане письмо.

«От Жовтенко Матрены Аврамовны. д. Степановка, к-з Ильича, Лозовского района, Харьковской области.

В редакцию журнала «Огонек».

Прошу редакцию рассмотреть мою жалобу по поводу гибели Павла Жовтенко, сына. 3.IV.1974 года он утром ушел из дому на работу в поле, где заполнял зерном сеялки. С ним работали трактористы Бахмут Александр, Кулиш Леонид... После этого моего сына Павла не было дома два дня. Я, мать, вместе с женой сына Екатериной начали его искать. Спросили о нем трактористов, но ответ получили безрезультатный, говорят, что не знают, где он. Но через два дня по дороге ехали два парня на мотоцикле и увидели его в посадках шелковицы, обгоревшего... Следователь и милиция восстановили, что он был облит горючим, вследствие чего и оказался обгоревшим (95 процентов поверхности тела).

После похорон сына мы ждали, что найдутся виновники этого случая. Но результатов никаких не было. Обращались три раза до следователя Лозовского района. Он за третьим разом выгнал нас из своего кабинета и сказал: «Чтобы я ноги вашей здесь не видел»...

Письмо это хорошо известно и председателю колхоза и следователю. Однако ничуть их не волнует. Жалоба есть жалоба. Тем более что прокуратура района отреагировала на нее вполне своевременно:

«Г-ке Жовтенко М. А.

На вашу жалобу... сообщаю, что по факту смерти вашего мужа Жовтенко П. Г. прокуратурой Лозовского района проведена проверка... в результате которой установлено следующее. 3 апреля 1974 года ваш муж, будучи в нетрезвом состоянии, придя на работу к севальному агрегату, принес с собой бутылку самогона, которую вместе с Кулиш Л. В. и Бахмут А. И. распили. После обеденного перерыва Жовтенко вместе с Кулиш и Бахмут распили еще две бутылки вина в посадке шелковицы. После выпивки Кулиш, а затем и Бахмут ушли к агрегату, а Жовтенко еще оставался в посадке и по их объяснению собирался пойти в пос. Краснопавловку.

Через некоторое время загорелась сухая трава в посадке шелковицы. Не придавая этому значения и надеясь, что Жовтенко ушел в Краснопавловку, Кулиш и Бахмут, закончив работу, уехали домой.

5 апреля 1974 года в посадке шелковицы был обнаружен обгоревший труп Жовтенко. По заключению судебно-медицинской экспертизы смерть Жовтенко наступила от полученных ожогов 2-й, 3-й и 4-й степеней.

Никаких признаков телесных повреждений не обнаружено. Жовтенко находился в тяжелом алкогольном опьянении, с наличием в крови 4,8 процента и в моче 5,6 процента алкоголя, что также могло привести к смертельному исходу.

Находясь в тяжелом алкогольном опьянении, Жовтенко курил и при небрежном обращении с огнем мог допустить загорание вокруг себя травы, а затем промасленной одежды, о чем свидетельствует протокол осмотра места происшествия и обнаружение обгоревших сигарет, а также обгоревшей одежды и головного убора потерпевшего.

Никаких признаков наличия бензина на месте происшествия не установлено.

По факту смерти Жовтенко П. Г. прокуратурой района отказано в возбуждении уголовного дела по ст. 6. П. 2 УПК УССР, о чем и было разъяснено вам следователем.

В связи с клеветой в адрес следователя вам действительно следователь прокуратуры т. Краснокутский А. Ф. в присутствии прокурора Лозовского района предложил выйти из кабинета.

Прокурор Лозовского района
Советник юстиции Н. Костяной».

Подробно, ясно, убедительно. Так по крайней мере считает прокурор Н. Костяной. Поэтому, когда я сказал ему, что колхозники и сейчас, спустя три с лишним месяца, по-своему толкуют причины смерти П. Жовтенко, он с досадой махнул рукой:

— Обычное явление. Чуть ли не после каждого дела идут кляузы во все инстанции!

— Но мать погибшего пишет, что следователь обошелся с ней... невежливо, и вы в своем письме не отрицаете этого факта. Значит, не клевета?

— Действительно, Краснокутский предложил родственникам П. Жовтенко покинуть кабинет. А как же иначе? В своих необоснованных претензиях они дошли до прямых оскорблений!

Передо мной возникает скорбное лицо Матрены Аврамовны. Это третья ее потеря; муж и старший сын погибли на фронте. Я вижу понурые плечи Екатерины Жовтенко — жены Павла, оставшейся без кормильца с двумя детьми, сестры его Федоры Гавриловны, брата Евгения Гавриловича... «Необоснованные» претензии? Они, кстати, не так уж необоснованны, даже несмотря на несправедливые обвинения, сказанные отчаявшимися людьми, несомненно, в запальчивости.

А вот советнику юстиции Н. Костяному, как представителю закона, не к лицу в официальной бумаге допускать описки. Называть, например, мать погибшего его женой. Это не мелочь. Подобная невнимательность больно резанула по сердцу всех родственников Павла Жовтенко и, может быть, даже утвердила во мнении, что в Лозовской прокуратуре сидят люди, равнодушные к их горю.

— И Матрена Аврамовна, и родные покойного, и многие жители Степановки сетуют, что никто из проводивших следствие не приехал к ним, не рассказал подробнее, как именно все произошло, не ответил на недоуменные вопросы, — говорю я. — Нельзя ли организовать такую беседу?

— Хотя дело абсолютно ясное, не возражаю, — ответил прокурор. — Пусть Краснокутский поговорит с народом, чтобы прекратились ненужные пересуды...

И вот мы едем в Степановку.

Неподалеку от деревни Дмитрий Лаврентьевич останавливает машину:

— Вот здесь это случилось...

Разросшиеся деревца шелковицы, густая трава уже скрыли все следы трагедии.

— Ну что ж, поехали, народ ждет, — заторопился председатель.

— Как, разве мы не зайдем к родным Павла? — спросил я.

— Откровенно говоря, мне бы этого не хотелось, — сказал Краснокутский. — Беседу проведем в тракторной бригаде, а содержание ее родственникам передадут...

— Поехали, народ ждет, — повторил председатель.

В огромном помещении тракторной мастерской никакой народ нас не ждал. Похоже, что трактористов и не предупреждали о нашем приезде! Через полчаса собралось человек десять—пятнадцать. Председатель сказал: «Товарищи, все знают о происшествии с Павлом Жовтенко. Следователь из Лозовой приехал рассказать нам, как велось следствие».

Краснокутский, поминутно заглядывая в бумажку, коротко передал содержание известного уже читателю письма прокурора, которое, в свою очередь, повторяло постановление о прекращении уголовного дела.

— Отчего загорелось в посадках шелковицы? — спросил кто-то.

Краснокутский пожал плечами:

— Точно установить не удалось, предполагаем, что Жовтенко прикуривал, бросил спичку, и сухая трава воспламенилась.

— Установлено, что огонь возник в центре посадки, почему же труп нашли на окраине?

— Предполагаем, что, спасаясь от огня, он отполз к краю.

— А как насчет ватной фуфайки Жовтенко, которую ребятишки нашли в речке? — задал вопрос пожилой тракторист.

— Об этом ничего сказать не могу, я по этому факту на место не выезжал, — отвечает Краснокутский, — в общем, товарищи, по тем сведениям, которыми мы располагаем, какого-либо насилия над Жовтенко не было. Так что привлекать кого-то к ответственности не имеется оснований. Есть еще вопросы?

— Может, Сашка Бахмут расскажет, как все было? — предложил один из присутствующих. — Вместе же они пили!

Огромный детина, безучастно сидевший где-то позади всех, не поднимая глаз, буркнул в ответ:

— Что говорить-то... — И замолчал.

— Тогда все, товарищи. Давайте за работу! — подытожил председатель.

Признаться, я был обескуражен. Задано всего три вопроса, а потом все как воды в рот набрали. Не сказалась ли здесь какая-то неуверенность в ответах тов. Краснокутского: «Точно установить не удалось...», «Предполагаем, что...», «Сказать не могу...»? По-видимому, так оно и есть.

Но почему тов. Краснокутский абсолютно уверен, что ни Бахмут, ни Кулиш никакой ответственности за гибель Жовтенко не несут? Так ли уж безупречна позиция Лозовской прокуратуры, основывающаяся на показаниях собутыльников погибшего? Прочитаем эти показания.

Заведующий колхозным током Кулиш утверждает, что в посадках шелковицы, где они были втроем, он выпил две рюмки портвейна и сразу же побежал заправлять сеялки: «Когда я сидел на прицепе, то загорелась шелковица, я это видел. Бахмут в это время уходил из посадки. Жовтенко не выходил из посадки, я не видел. Когда Бахмут подходил ко мне, я ему сказал: «Вы что, подожгли посадку или что вы делаете?.. Смотри, сейчас огонь дойдет до скирды». Он ответил: «И правда», — отцепил трактор и поехал к скирде».

СЛЕДОВАТЕЛЬ. Как же вы могли подумать, что Жовтенко уехал, если вы не видели, чтобы он выходил из посадки?

КУЛИШ. Я знал, что Жовтенко может уйти в любое время с работы (ничего себе порядки! — Б. П.), а потому не обратил на его отсутствие внимания.

Больше следователь не возвращается к этой теме, видимо, удовлетворившись этим странным ответом.

После того как из посадки ушел

Кулиш, Бахмут, по его словам, также выпивший 50—75 граммов, тоже пошел к трактору.

— Жовтенко остался в посадке,— показывает он.— Я сел возле Кулиша, и мы разговаривали. Я говорю: а где же Павло? Он ответил, наверное, ушел в село, он любитель спиртного...

Не показалось ли следователю странным, что Бахмут, только что оставивший Жовтенко в посадке, спрашивает у Кулиша, где он? Нет, не показалось.

Далее Бахмут показывает: «Потом я увидел, что загорелась шелковица в том месте, где мы сидели». А ведь Кулиш говорил, что шелковица загорелась, когда Бахмут УХОДИЛ из посадки! И потом еще одна странность: если они не видели, как выходил из посадки Жовтенко, то почему им могло прийти в голову, что его там нет?

Вот показания жены Павла Жовтенко: «Вечером (3 апреля.— Б. П.)... я увидела напарника мужа по работе Кулиша Л. В. Я спросила его, где мой муж. В ответ на это он сказал: «Дура ты, Катя... Павлика очень жаль». Я начала добиваться: где же он все-таки? Но Леонид сказал, что не знает».

Этот момент дальнейшего развития в следствии также не получил...

Важное сообщение сделал при допросе и тракторист Микитенко:

«Когда мы были на Клинках (часть поля.— Б. П.), то мой прицепщик Купин Виктор спросил, где Павло. Они ответили, что он то ли спит, то ли уехал в Краснопавловку. Мы сказали, что он в посадке может угореть. Тогда Кулиш предложил Бахмуту: «Пошли посмотрим, где он»,— а тот ответил: «Ты его поил, сам и иди!» Так никто туда и не пошел. Мы поехали на другое поле, и они поехали за нами».

Этот факт также не насторожил следователя.

Мария Федотовна Собко, тетка Павла, рассказывала мне:

— Третьего апреля я дежурила на птицеферме, которая находится неподалеку от поля, где произошло несчастье. Перед вечером я подошла к Бахмуту и Кулишу и спросила: «Где же Павло?» Бахмут мне ответил: «Отдыхает в шелковице». Я сказала: «Что ж вы его там бросили, ведь холодно, он простудится!» Бахмут ответил: «Ничего, не простудится»...

Правильно или нет говорит Собко, не знаю. Следователь ее даже не вызывал. Свидетели показывают, что Жовтенко был одет в брюки, сапоги и ватную телогрейку. Однако телогрейку обнаружили спустя четыре дня после происшествия в реке. Мать и жена ее опознали и известили об этом прокуратуру и милицию. Однако до сих пор никто из работников следственных органов не выезжал в Степановку и этого факта не проверял.

Чем дальше читаешь «Дело № 24», тем больше возникает вопросов. Например, в постановлении об отказе в возбуждении уголовного дела говорится: «На работу Жовтенко пришел в нетрезвом состоянии». А бригадир колхоза Н. Пинчук утверждает, что, когда он им утром давал наряд на работу, все трое были абсолютно трезвые. Бахмут тоже показывает: «Жовтенко пришел на работу трезвый». Но раз так, почему же, выпив утром бутылку самогона, а потом, после плотного обеда, две бутылки портвейна, двое из троих здоровенных мужчин пошли как ни в чем не бывало работать, а третий свалился в беспамятстве? Ведь Бахмут утверждает, что Жовтенко в посадке выпил лишь три рюмки, а остальное допил Кулиш.

В этой связи непонятна реплика прокурора Н. Костяного: «Почему они не вспомнили о Жовтенко? Да пьяные были, как свиньи!»

Будь так, многое бы прояснилось. Но и Кулиш и Бахмут после выпивки не только работали в поле, но, вернувшись домой, занимались хозяйственными делами, а Бахмут, как показала его жена, пришел с работы трезвым.

Так откуда же такая уверенность у товарища Краснокутского, что Кулиш и Бахмут абсолютно ни в чем не виновны?

Итак, преступление или несчастный случай? Думается, что есть смысл еще раз вернуться к этому вопросу и положить конец жалобам и пересудам. И сделать это следовало бы Лозовской прокуратуре.

И еще один момент, на котором бы мне хотелось заострить внимание.

Перед упоминавшейся выше «беседой» я спросил у главного инженера колхоза Г. Шаповалова: есть ли, по его мнению, виновные в этом деле?

— Есть,— твердо ответил он,— водка! Пьют здесь безбожно. Самогон рекой льется... Да вот только сейчас выезжал в поле — нескольких трактористов нет на работе. Спрашиваю, где? Отвечают: «Пиво пить уехали!»

Разговор этот был, так сказать, в кулуарах, а на самой «беседе» Шаповалов, однако, не выступил, промолчал, как и все остальные. А ведь от водки здесь страдают не только колхозные дела — за последнее время пьянство оплачено несколькими человеческими жизнями: хмельной мотоциклист сбил прохожего, задавлен автомашиной упившийся до положения риз колхозник Добрановский. Теперь вот Жовтенко. Пил он сам, пили его так называемые друзья. Пили до работы, после работы и во время работы.

Бригадир Пинчук застал их троих в поле уже подвыпившими, «раскрасневшимися», как он выразился. При нем Жовтенко принес еще две бутылки вина. Вместо того, чтобы пресечь попойку, а потом сурово наказать пьянчуг, бригадир удовлетворился обещанием, что выпьют они после работы! В колхозе к этому привыкли, смирились. С добродушной усмешкой говорит о пьянстве председатель колхоза, как о чем-то само собой разумеющемся толкует прокурор, происшествие в Степановке прошло незамеченным и для районной газеты. Областной журнал «Радянська жiнка» не заинтересовался письмом М. Жовтенко и равнодушно переадресовал его Лозовской прокуратуре.

Что же это за «фигура умолчания»?

В связи с этим вызывает удивление и позиция Лозовского райкома партии.

Как могло случиться, что обстоятельства гибели Жовтенко прошли мимо внимания партийных органов? Ведь чуть ли не на каждом перекрестке в Лозовой висят витрины, обличающие в юмористических стишках граждан, попавших в вытрезвитель. А трагическая история в Степановке, которая должна была стать предметом серьезнейшего обсуждения, острым оружием в борьбе против пьянства, осталась незамеченной общественностью.

К 70-ЛЕТИЮ
СО ДНЯ РОЖДЕНИЯ Д. И. ЕРЕМИНА

СТРАНИЦЫ ЖИЗНИ

Дмитрий Иванович Еремин вошел в большую литературу еще в 20-х годах, когда его рассказы и повести публикуются на страницах журналов «Красная новь», «Молодая гвардия», «Новый мир». Один из рассказов, «Рапорт Алту», был одобрен и отредактирован М. Горьким.

Широкое признание читателей получили романы Дмитрия Еремина. Это и политический роман-хроника «Гроза над Римом» — о классовой борьбе итальянского народа в революционную ситуацию первых послевоенных лет. И исторический роман «Кремлевский холм», рассказывающий об основании Москвы князем Юрием Долгоруким. В историко-революционном романе «Золотой пояс» дана многоплановая картина ожесточенной борьбы двух миров — голодной, истощенной, но духовно необоримой молодой Советской республики, ведомой великим Лениным, и миром капитала, стремившимся задушить революцию, а Россию превратить в свою колонию.

Увлекательно написанная тетралогия таежных повестей — «Евстратова скрытня», «Великая салма», «Тигровый круг» и «Глыбухинский леший» — посвящена животрепещущей проблеме: человек и природа. Всем своим художественным содержанием она направлена на защиту природы от расхищения, а человека — от нравственного падения.

Можно назвать и другие книги Дмитрия Еремина — «Сквозь годы», «Добрые люди», «В те двадцатые годы», поэтические сборники «День гнева» (1943) и «Дары мира» (1968), большинство из которых тоже хорошо известно читателю. Все они проникнуты верой писателя в победу разума и добра, его партийностью, страстной убежденностью в торжестве правды в жизни.

Дмитрий Еремин никогда не замыкался в своем писательском кабинете — не тот характер. С 1929 года он преподает: его студентами были выпускники Краснодарского педагогического института и Воронежского университета, Московского педагогического и Литературного института имени М. Горького. В пятидесятые — шестидесятые годы мы видим его активным членом редколлегии журнала «Октябрь», секретарем парткома Союза писателей СССР, главным редактором журнала «Советская литература» (на иностранных языках), на посту одного из секретарей правления Московской писательской организации.

Деятельный, общественно активный человек с беспокойным характером, добрым сердцем, влюбленный в жизнь, в людей — таким остается Дмитрий Иванович Еремин и в дни своего юбилея.

Юрий ПУХОВ

ТЕЛЕВИДЕНИЕ

ВОЗМЕЗДИЕ

Военнопленные Кудрявцев, Пурвит и Волощук бежали из фашистского концлагеря, помог им в этом предатель Федор Дросов. Помог с тем условием, чтобы бежавшие взяли его с собой. У беглецов не было выхода: не ушли бы из лагеря, погибли бы и они и другие узники. А теперь им удалось спасти своих товарищей, предупредить советское командование о готовящейся расправе над заключенными... При переходе фронта пуля настигла Дросова на их глазах. «Подох!» — с облегчением решили беглецы и поэтому скрыли свой сговор с предателем. Попав в действующую армию, эти трое храбро сражались с фашистами, заслужили высокие награды, с боями дошли до самого Берлина.

Многое на первый взгляд их оправдывает. «Да и кто поверил бы нам?» — не раз пытались они уговорить, утешить себя. Но укоры совести заглушить невозможно! Тяжело, беспокойно жили они: не было у них счастья, удачи, покоя...

Спустя много лет судьба вновь свела Кудрявцева и Дросова. Зритель понимает: Дросов убьет Кудрявцева. Он действует продуманно, четко, наверняка. Так начинается многосерийный телевизионный фильм «Совесть». Авторы острой, захватывающей картины Василий Ардаматский и Юрий Кавтарадзе (режиссер-постановщик Юрий Кавтарадзе) говорят со зрителями о долге, чести и совести человека.

Авторы картины хорошо знают материал: они создали живые, запоминающиеся образы героев. Интересно и увлекательно представлена в фильме работа милиции и органов госбезопасности. Следователи Ковецкий, Якушин, Ребров — люди разных характеров, разные у них и методы работы. Своеобразно, не по штампам изображена жизнь преступного мира, его законы и обычаи.

В этом фильме много действующих лиц. В эпизодах заняты известные актеры: В. Леонов (Циркач), К. Мукасян (Графиня), Н. Тер-Осипян (дворничиха Фатима), Н. Подгорный (Лыз). Большая удача — исполнение роли Федора Дросова артистом В. Сафоновым. Внешне его Дросов даже обаятелен по-своему, с лицом интересным, значительным; недаром любят его в гостинице, где он останавливается, не вызывает преступник недоверия у задержавшего его милиционера, да и у самого следователя Реброва. А он ведь ищет Дросова!.. Но один только взгляд — и перед нами другой человек: жестокий, холодный, готовый на все. Таким он и остается в памяти: глубоко запали глаза, тяжело опустились складки рта; Дросов разоблачен, раздавлен, но не раскаялся... Опасный, сильный враг!

Режиссер-постановщик нашел нужные краски и тактично, убедительно донес основную тему произведения — этот фильм учит честности и бескомпромиссности.

Т. ТРОИЦКАЯ

Федор Дросов — артист В. Сафонов.

Фото Н. Агеева.

Эрнест ЛЕМАН

ПОВЕСТЬ

Рисунки П. ПИНКИСЕВИЧА.

СЛАДКИЙ ЗАПАХ УСПЕХА

5

Я полез в карман за мелочью. Мне вдруг захотелось с кем-нибудь поговорить. Не знаю почему. Просто я почувствовал такую необходимость. Я залпом осушил виски и направился к телефонной кабине. Опустив десять центов, набрал ее номер... Ну и что, если я ее разбужу? Она всегда меня будила, не так ли? Разве она не приходила в комнату и не зажигала свет, чтоб просто посмотреть, все ли в порядке с ее маленьким Майклом? Ну и что, если я просыпался? Ведь с ее малышом все было в порядке.

Сняли трубку.

— Да? — не сразу услышал я ее голос.

— Привет, ма. Это Сидней.

— Что? Что случилось?

— Ничего. Я просто хотел...

«А что я хотел?»

— Что?

— Я разбудил тебя, да? Прости, ма.

— Конечно, ты меня разбудил. Приличные люди все давно в постели. Я никогда не слыхала, чтоб...

— Майк был прав, ма.

— Майк? Что с Майком? Господи, что-то случилось с Майком?! Сидней, прошу тебя!..

— Нет, нет, ничего. Я только сказал...

— О господи, минуточку...

— Майк был прав. Он был прав.

— Ты напился, Сидней, да?

— Я никогда не напиваюсь.

— Ты снова пьешь и поднимаешь меня с постели из прихоти. У тебя абсолютно отсутствует уважение...

— Ма, послушай...

— Мне казалось, ты должен стесняться и скрываться от меня, а ты звонишь мне в такой поздний час, чтобы...

Я бросил трубку. И что это мне взбрело в голову?

Я нашел еще десятицентовик. Она ответила сразу.

— Мэри, голубка.

— Кто это? Сидней! Господи!

— Я не разбудил тебя, детка? Нет?

Она рассмеялась.

— О нет, не глупи, дорогой. Я привожу в порядок ногти. Ну, а если бы и разбудил? Я никому так не рада...

— Я у Сканлона. Приходи. Буду тебя ждать.

— Сейчас? Дорогой, да ты спятил!

— Прошу тебя, Мэри. Прошу.

— Но ведь я абсолютно раздета. Вся голова в бигуди. Нет, никак не могу.

— Детка, я хочу тебя видеть. Хочу с тобой поговорить. Должен поговорить. Это...

— Что произошло? Что-нибудь не так?

— Нет, все так. Но... но...

— Что, дорогой, что?

— Не могла бы ты одеться и подъехать? Я хочу посидеть и поговорить. Это все погода. Просто мне не хочется быть одному...

— Дорогой, почему ты не позвонил раньше? Мы могли бы вместе пообедать. Могли весь вечер провести вместе. Почему, Сидней? Почему ты звонишь теперь, когда уже слишком поздно?

— Что, теперь... теперь на самом деле слишком поздно?

— Конечно, дорогой.

Она неохотно вздохнула.

— Так оно, вероятно, и есть,— с сожалением произнес я.

День был окончен. Окончен вечер. И этот день и этот вечер — их больше не воротишь. Теперь и в самом деле путь к отступлению отрезан. И ничего тут не изменишь.

— Сидней,— послышалось в трубке.

— Да?

— Я так довольна, что ты позвонил. Мне стало так хорошо и радостно. Теперь буду спать и видеть приятные сны. Я так переживала о сегодняшнем. О том, что между нами произошло...

— Прости меня, Мэри.

— Нет, это все я виновата. Мне не надо было говорить...

— Очень жаль. Спокойной ночи, Мэри. Прости меня за все.

— Не говори так, милый. Мы все переделаем. Начнем прямо с завтрашнего дня.

— Да,— буркнул я,— с завтрашнего.

— Спокойной ночи, милый.

Я медленно повесил трубку. Завтра. Все завтра...

В дверь кабины постучал посыльный. Пусть себе стучит. Я сидел, не обращая на него внимания. Наконец он сам открыл дверь.

— Мистер Уоллес, вам звонили.

Вместе с ним я подошел к столу заказов и взял записку с номером. Звонила телефонистка из «Панаманиана».

Я набрал номер.

— О, мистер Уоллес! Я ищу вас по всему городу.

— В чем дело?

— Недавно звонил мистер Хансекер. Он хочет, чтобы вы встретились с ним в два часа.

— Мне подъехать в «Двадцать одно»?

— Нет, он будет ждать вас дома.

Внутри что-то оборвалось от дурного предчувствия.

— Зачем я ему нужен?

— Он не сказал, мистер Уоллес.

Мог бы и подождать. Сейчас не время принимать поклоны и закреплять свои права. Мог бы подождать до завтра.

— Мистер Робард тоже чем-то сильно обеспокоен. Он сказал, что хочет с вами поговорить, если я вас найду.

— Завтра,— отрезал я.

— Но он говорит, что это чрезвычайно...

— Я поговорю с ним завтра.

— Несколько раз звонил некий мистер Спэн. Как-то странно разговаривал. Будто он был...

— Обо всем доложите мне завтра!

Я повесил трубку и пошел искать такси.

К Хансекеру я ехал через парк и видел из окна машины неясные фигуры людей, которые в поисках свежего воздуха устроились спать на траве. На скамейках у дороги, нежно обнявшись, сидели парочки.

Я закрыл от усталости глаза. Но передо мной маячили парочки на скамейках, и это все были Стив Даллас и Сьюзен Хансекер.

— Поехали по Пятой,— велел я водителю.— Не хочу через парк.

— Тут ведь куда лучше.

— Я сказал, не хочу через парк.

— Разумеется, мистер, если вы так спешите. Я не знал...

Но я-то никуда не спешил. Теперь некуда спешить. Дни спешки позади. Сегодня я уже выпускник. Мне только осталось получить диплом. Я буду получать его снова и снова, все семь дней в неделю, во всех изданиях. Только сначала нужно просматривать в гранках. И быть бы мне теперь на седьмом небе от счастья. Но я не чувствовал себя счастливым.

Да, и ощущение счастья, наверное, тоже придет завтра.

Когда я поднимался в лифте на девятнадцатый этаж, вновь всплыли былые страхи, подстегнутые горькими воспоминаниями.

Дверь открыл Никко. Он щурил слипавшиеся глаза.

— Где он? — войдя в дверь, спросил я.

— Мистера Уоллеса ожидают?

— Конечно, меня ожидают.

Заметьте, что на сей раз я пришел к Хансекеру с пустыми руками.

— Еще нет дома. Мистер Уоллес будет ждать? Прошу вас в гостиную.

Это прозвучало скорее как команда.

Я вошел в огромный, застланный коврами выставочный зал, который Хансекер называл гостиной; прошел мимо статуэток и спортивных трофеев на столе — этой молчаливой дани хозяйскому самолюбию — и бессильно плюхнулся в круглое зеленое кресло. Здесь царил полумрак. Тихо играл приемник в углу. И я, глядя на портрет Хансекера на стене, медленно закрыл глаза, позволив убаюкать мои чувства этой ласкающей музыке, едва слышному городскому шуму и сладкому запаху успеха, которым был пропитан весь воздух в комнате. Я сделал глубокий вдох, стараясь запомнить этот аромат, и вдруг услышал иные звуки, почувствовал другие запахи. В испуге я обернулся.

— Ты так рано, Сидней? — услышал я спокойный голос.

— Сьюзен!

Я вскочил с кресла. Идиот! Почему он не захотел встретиться со мной в «Двадцать одном»?!

— Да, это я, Сидней...

Она забралась с ногами на диван и не спускала с меня взгляда. На ней была розовая пижама. Выглядела она значительно старше той Сьюзен, которую я видел днем у себя в конторе.

— Ты... ты теперь поздно ложишься спать.— Я растерянно огляделся по сторонам. И какого черта он вызвал меня не в клуб, а к себе домой?

— Харви сказал, что ты придешь.— Она не сводила с меня глаз.— Просил, чтоб я его дождалась.

Я молчал.

— Он сказал, что хочет со мной побеседовать. О чем, не сказал.— Она на минуту замолчала.— Сидней, ты не знаешь, о чем бы это?

Итак, никакого совета победителей не ожидается. Все обстоит значительно хуже...

— Мне-то откуда знать? — прошептал я, снова плюхаясь в кресло, чтобы не видеть ее глаз.

— Просто я подумала, что ты знаешь.

Я ослабил галстук и расстегнул воротничок.

Окончание. См. «Огонек» №№ 35—38.

В полумраке казалось, что ее лицо покрыто слишком толстым слоем пудры, странно блестели глаза, будто она плакала или выпила. Я вдруг почувствовал на себе ее слишком пристальный взгляд.

Я снял пиджак и перекинул его через ручку кресла.

— Не мог бы Никко приготовить мне выпить?

— Никко уже спит. Ты что хочешь?

— Ничего. Это не обязательно.

— Что ты хочешь?

— «Бурбон» с содовой.

Она спустила с дивана ноги и прошла мимо меня в кухню.

— Не очень много содовой! — крикнул я ей вдогонку.

Мои часы показывали четверть второго. Еще слишком рано, а я чересчур нетерпелив. Уже начал невольно торопить события. Вот и приехал сюда слишком рано. Теперь каждая минута кажется пыткой. Я вгляделся в портрет на стене. Художник уловил в его физиономии одну только силу и ни капли слабости. Передо мной был человек, который владел и богатством и властью, а не тот, кто вызвал меня к себе сегодня ночью. Чтоб только не оставаться наедине со своей сестрой.

Она бесшумно вошла в гостиную.

— Пожалуйста.

Я вздрогнул и трясущейся рукой взял у нее стакан.

— В чем дело, Сидней?

— О чем ты?

— Ты как будто нервничаешь, а?

— А что мне нервничать?

— Не знаю. А ты знаешь?

Она села на диван, и я заметил в ее руке стакан.

— С каких это пор ты...— Я указал на стакан.

— А почему бы и нет? Я уже взрослая девушка, выхожу замуж. Ты разве забыл? Завтра.—У нее сорвался голос.—Твое здоровье.— Она подняла стакан.

— Твое здоровье,— сказал я и с жадностью глотнул виски.

— Почему ты, Сидней, избегаешь смотреть мне в глаза?

Я повернулся к ней.

— Пожалуйста. Смотрю.— Я продержался не больше секунды и отвел свои глаза.— Ты сегодня такая невозмутимая.

— А ты такой нервный.

Я допил свое виски.

— Что ты так нервничаешь? Ведь не ты выходишь завтра замуж, а я. Посмотри на меня, Сидней,— громко потребовала она.— Скажи мне: я нервничаю? Я похожа на девушку, которая завтра выходит замуж? Что, разве у меня блестят от слез глаза или я вся горю от возбуждения? Посмотри на меня!

Я взглянул на свои часы. Где только его черти носят?!

— Знаю, почему ты не хочешь смотреть мне в глаза. Ты злишься, что я еще тебя не отблагодарила.

Я уставился на нее.

— Не отблагодарила?

— Да. За то, что ты так хорошо обошелся со Стивом и устроил ему это чудесное место в «Панаманиане». Он ведь получил его, да?

— Я...

Слова застревали у меня в горле.

— В последний раз он звонил мне несколько часов тому назад. Больше не звонил, хоть и обещал. Наверно, так обрадовался, что забыл обо всем на свете. Ну, разве не ужасно? Спящая красавица не может уснуть из-за жары, а прекрасный принц даже по телефону не поинтересуется, как спасти ее от бессонницы. Он получил это место, да, Сидней?

— Я не знаю.

— Ты не знаешь? Весьма странно. Разве не ты его туда устроил? Если ты не знаешь, то кто же тогда знает? Разумеется, Стив. Но он, судя по всему, молчит, так ведь?

— Он... он оставался в клубе.— Я ерзал на стуле.— Мне... мне пришлось уйти.

— Ага, так тебе пришлось уйти? Тогда ты не присутствовал при его разговоре с мистером Робардом?

— Нет.

Я вытер платком лоб.

— И тебя там не было, когда он уходил?

Я отрицательно покачал головой.

— Это совсем никуда не годится.

— Что никуда не годится?

— Если бы ты задержался, ты бы знал, дали Стиву работу или нет. Ты бы знал все, что надо знать, и нам бы теперь не пришлось играть в отгадки. Сидней, вот тебе еще одна загадка. Может, ты их не любишь? Но все же попытайся отгадать: где теперь Стив?

— Послушай,— взмолился я,— давай посидим просто так и подождем Харви. Я устал и изжарился.

— Ты, Сидней, небось, переутомился.— Она встала и подошла к моему креслу.— А изнутри тебя сжигает самолюбие.

Я отвернулся и простонал:

— Дай мне еще выпить.

— Наверное, ты слишком одержимый и не можешь успокоиться, пока не завершишь начатое.

— Прошу тебя, помолчи. Я устал.

Вскочив с кресла, я отошел к окну, чтобы не слышать ее.

— Как ты думаешь, Бермуды подходят для медового месяца? Или ты в этих делах ничего не смыслишь?

На том берегу реки мерцали огни Лонг-Айлэнда.

— Стив любит плавать и кататься на яхте. Он любит жаркое солнце и голубое небо. Как это чудесно, когда два любящих друг друга человека обожают одни и те же вещи! — Ее голос неотвязно преследовал меня.— Даже выяснилось, что мы оба против пышной свадьбы. Мы всегда хотели... О господи, чего мы только не хотели!

Вдалеке мигнул и погас сигнальный огонь аэропорта.

— Сидней, у тебя когда-нибудь было так, чтобы ты чего-то слишком отчаянно хотел?

Я вцепился в подоконник.

— Самое худшее на свете,— она поперхнулась,— слишком чего-то хотеть, слишком отчаянно...— У нее сорвался голос.

За наступившей тишиной я вдруг почувствовал — что-то изменилось. Кончилась музыка, и заговорил диктор. Он объявил пятиминутные новости.

Новости!

Я отвернулся от окна и направился к приемнику.

— Стой! — остановил меня ее голос.— Что ты делаешь?

— Неужели они тебе нужны?

— Почему бы и нет?

— Я поймаю музыку.

— А что плохого в новостях?

— Ничего!

— Что плохого в новостях, Сидней?

— Просто не хочу их слушать,— пролепетал я.

— А ты не боишься прозевать что-нибудь важное?

— Я прочитаю об этом завтра.

— Сидней!..— с надрывом в голосе воскликнула она.— Неужели ты и в самом деле думаешь, что я не знаю?!

Теперь мне бросилось в глаза, какое у нее помятое лицо.

— Неужели ты не знаешь, что новости пе-

редеют каждый час? — выкрикнула она прямо мне в лицо.— Неужели тебе не известно, что Стив достаточно знаменит, чтоб ему не посвятили всю сводку новостей? Неужели я не говорила тебе, что он самый знаменитый человек на свете? Неужели нет, Сидней?

Я отпрянул от нее. Необходимо хоть что-то сказать! Но я был слишком вымотан: теперь бы лечь поспать... Как мне нужны эти восемь часов забвения!.. Завтра все будет по-другому. И где черти носят Харви?

— Слушай новости! — потребовала она.— Стой здесь, а я буду на тебя смотреть, как ты слушаешь!

— Не надо, Сьюзен,— слабо воспротивился я.

— Слушай новости! Мне нужно видеть твое лицо!

Ее лицо совсем рядом с моим. Голос диктора бубнил прямо мне в уши, которые отказывались слушать эти подробности...

— Слушай!

Ее глаза были воспалены. Она долго плакала. И выглядела совсем старой. Я сам чувствовал себя дряхлым и усталым. Таким усталым, что даже не брал алкоголь. Он не приносил никакого забвения, а только утомлял.

— Это только утомляет,— упавшим голосом сказал я.— Ты не должна пить, Сьюзен. А то начинаешь нести всякую чушь.

Диктор перешел к другим событиям, но ее лицо так и оставалось рядом с моим.

— Спасибо, что ты спас меня! — взвизгнула она.— Не дал выйти замуж за наркомана! Спасибо!

— Прошу тебя, не надо!

— Спасибо тебе, Сидней! — Она отчаянно зарыдала и упала на диван.— Спасибо, спасибо, спасибо, Сидней! Ты так добр ко мне. Ты и Харви всегда были ко мне так добры. Как мне только вас отблагодарить? Стив... Стив!..— выкрикивала она сквозь рыдания.— Они были к нам так добры, Стив...

— Перестань, Сьюзен,— взмолился я, тяжело опускаясь на диван рядом с ней. Она рыдала, зарывшись в подушки и орошая их слезами.

— Все не так уж и плохо,— убеждал я.— Ты поедешь путешествовать и обо всем забудешь.

Она судорожно всхлипывала.

— Ты будешь путешествовать, увидишь новые лица. Через неделю ты обо всем забудешь! Ну, ну, не плачь. Ты поедешь путешествовать с Харви...

Не переставая всхлипывать, она медленно подняла голову.

— ...на «Куин Мэри». На следующей неделе. Он уже купил билеты.

— Нет.— Я видел ее залитое слезами лицо.— Нет, нет,— едва слышно твердила она.

— Ну, конечно же, поедешь. На следующей неделе. В Европу. На «Куин Мэри». Я сам видел билеты.

— О, господи, нет, нет...— тихо повторяла она.

— Перестань плакать. Поедешь только ты и Харви. Там все забудешь. Будь хорошей девочкой. Не плачь.

Она вдруг перестала всхлипывать и теперь не сводила с меня глаз.

— Ну, вот и хорошо.— Я похлопал ее по руке.— Принесу тебе выпить, от этого станет лучше. Принесу нам обоим.

Я встал с дивана, а она, как зачарованная, следила за мной.

— Сам бы с удовольствием путешествовал. Подальше от городской суеты. Вернешься домой здоровой... Ну, не плачь.

Я пошел в кухню и пошарил по стене в поисках выключателя. Черт возьми, надо же держать спиртное в кухне! Странно, почему он не запирает бутылки в сейф? Тогда б ей пришлось пить колу до тех пор, пока не разузнает комбинации. Харви — хороший брат, самый лучший на свете. Не то что я. Дерьмо, а не брат. Майк был прав.

Виски обожгло все внутри. Мало содовой. Совсем не добавил.

Я вернулся в гостиную со стаканом для Сьюзен. Теперь тут стало так уютно и спокойно. Из приемника льется приятная танцевальная музыка, не слышно рыданий, не видно Сьюзен.

— Сьюзен?

Черт возьми, какая громадная комната! Сьюзен исчезла. Остались лишь пятна от слез на подушках.

Я сел в кресло и осушил ее стакан. Если ей так нравится, то мне еще лучше. Пусть себе сидит в своей комнате, оттуда ничего не слышно. Пусть себе ныряет в этот омут со слезами. Пусть себе ныряет.

Подумав об этом, я вдруг выпрямился. Казалось, не связанные между собой пустяки — этот последний взгляд на помятом лице, шепот, тишина в комнате. Этот шум, долетевший из прихожей. Скрип, будто... Будто что?! Будто кто-то открыл...

Да, будто кто-то открыл окно!!!

— Сьюзен!

Вскочив с кресла, я поплыл по безбрежному морю ковра в прихожую.— Сьюзен! Сьюзен!

Я двигался слишком медленно. Как во сне. Мозг окутал туман.

— Сьюзен, подожди!

В ее спальне было темно. И настежь распахнуто окно.

— Сьюзен! Нет!

Я кинулся к подоконнику.

— В чем дело?

Я стремительно обернулся.

— Сьюзен!

На кровати смутно белел ее силуэт.

— Слава богу!

Я закрыл окно и подошел к ней.

— В чем дело, Сидней?

Она уже справилась со своим голосом. Все будет в порядке. Но это распахнутое окно...

— Что там делаешь? — едва переведя дух, спросил я.

— Думаю,— спокойно ответила она.— Лежу и думаю.— Она медленно села в кровати, вглядываясь в меня сквозь темноту.— Значит, ты решил, Сидней, что я покончу с собой? Вы этого ждете? — Она встала, зажгла свет и уставилась на меня.— Так-то ты меня знаешь?

Ее глаза высохли, в голосе больше не было боли, и теперь каждое слово отскакивало ледышкой.

— Я испугался за тебя, Сьюзен. Ты расстроена.

— Испугался, что все твои планы полетят в окно?

— Не говори таких ужасных вещей.

Ее глаза зажглись странным холодным светом.

— Да,— тихо повторила она.— Ужасная вещь.— Ее глаза блеснули.— А разве не ужасно, когда все вдруг летит в окно?

Я похолодел при звуке ее голоса.

— Ты, Харви и та невинная девчонка, с которой он не может совладать.— Она вдруг улыбнулась.— И все это летит в окно.

— О чем ты говоришь?

Она направилась к двери.

— Это было бы ужасно восхитительно!

Я услышал ее смех.

— Сьюзен! — Я подскочил к ней, но было слишком поздно: дверь уже закрылась, и она поворачивала в замке ключ. Я схватил ее за руки, дико крича:

— Что ты задумала?!

Она вырвалась, зажав в руке ключ, и встала посреди комнаты.

— Иди сюда, Сидней.— Она дерзко смотрела мне в глаза.— Ну-ка, возьми его у меня! Ведь ты и так хотел все у меня забрать!

Я бросился к двери и стал крутить ручку. Дверь не поддавалась.

— Послушай! — Подбежав к ней, я схватил ее за руки.— Ты соображаешь, что делаешь?

Я разжал ее кулаки. Ключа там уже не было.

— Обыщи меня, Сидней,— спокойно предложила она.— Раздень меня. Может, найдешь ключ. А может, и нет.

— Ты что, свихнулась? — прохрипел я.

Она разразилась смехом, потом бросилась к выключателю и, погасив свет, приблизилась ко мне, обвила руками мою шею.

— Прижми меня к себе, Сидней,— шептала она.— Я хочу, чтоб ты узнал, чего теперь лишен Стив. Целуй меня и бери то, чего ему теперь недостает! Ну же. Смелей. Целуй меня. Харви еще нет.

— Прекрати! — Я попытался вырваться из ее объятий, но она крепче вцепилась в меня.— Сьюзен! — Она терлась о меня, пачкая помадой мне лицо.— Не будь дурой!

— Ты ведь этого добивался? Для этого лез из кожи вон, а, Сидней? Ты не хотел, чтобы я досталась Стиву. Ты хотел, чтобы я досталась тебе, да? Разве Харви в это не поверит?

— Господи! Нет!

Отшвырнув ее в сторону, я бросился к стене и включил свет.

— Да, да, Сидней,— со спокойной улыбкой кивала она.

— Ты этого не сделаешь!

Я побледнел от ужаса, дико озираясь по сторонам.

— Окно, Сидней,— услышал я ее стальной голос.— Это единственное спасение. Но ты к нему не прибегнешь — тебе не хочется умирать.

— Сьюзен, прошу тебя!

Я в мольбе протянул руку.

— Ты хочешь жить и раздуваться, пока в один прекрасный день тебя так разнесет от твоего могущества, что ты станешь даже больше самого Харви Хансекера. Не правда ли, Сидней? Тебе не хочется умирать. Тебе хочется жить, чтоб умертвлять других.

— Ты не станешь ему врать.

— Стану,— хриплым голосом пообещала она.— Самое ужасное в вас то, что порядочным людям приходится вам подражать, чтоб только вас обуздать и выжить самим.— Теперь ее голос звенел.— И они, Сидней, всегда выживают! Поэтому так чудесен наш мир!

— Отдай мне ключ! — потребовал я.

— Когда-нибудь Стив окажется на свободе. Неважно когда. Его выпустят, и я буду его встречать.

— Отдай мне ключ!

Я направился к ней.

— А твоя, Сидней, песенка спета.— Она стала пятиться назад.— Ты конченый человек — живой мертвец.

Я схватил ее за руку и сильно ударил по лицу.

— Отдай ключ, слышишь?!

— Ты ворвался в мою спальню и навсегда обесчестил сестру Харви Хансекера, запятнал ее светлый образ, все, что так для него свято. Разве не так?! — швырнула она мне в лицо.

— Заткнись! — Я снова ее ударил.

— Пусть он помнит до конца дней, что ты делал со мной в этой комнате! — выкрикнула она.— Уж он тебя за это отблагодарит! — Она вырвалась и сдернула с кровати покрывало.— Иди сюда, Сидней! Раздень меня и возьми ключ!

Она вдруг замолчала и прислушалась. Я тоже кое-что услыхал. Снаружи. Стук входной двери...

— Сьюзен,— простонал я.

— Скорей, Сидней,— шептала она.

— О господи...

Она стянула с себя пижаму и теперь стояла в одном бюстгальтере. Потом стала срывать с себя брюки...

— Перестань!

— Тебе ведь понадобится ключ, Сидней.

— Перестань!

— Вот он, Сидней.— Она отошла в сторону, и я увидел на ковре ключ. Он блестел у меня в глазах, а звуки все приближались: требовательный голос, стремительные шаги.— Теперь можешь идти,— тихо сказала она.— Окончено, окончено навсегда.

Я поднял с пола ключ, бормоча себе под нос:

— Мне очень жаль, мне очень жаль...

— Я тебя предупреждала, Сидней,— доносилось словно из прошлого.

— Мне очень жаль! — воскликнул я, будто меня мог кто-нибудь услышать. Я крикнул, чтоб слышал каждый, кого я когда-то знал: «Мне очень жаль!»

Я поплелся к двери.

Тут, как и следовало ожидать, она начала плакать за моей спиной:

— На помощь! Помоги мне, Харви! Прошу тебя, Харви, помоги мне!

За дверью гремел другой голос и бешено стучали кулаки. Я подошел к двери, бормоча себе под нос: «Мне очень жаль... Мне очень жаль...» — всунул ключ и повернул.

Передо мной была его физиономия.

— Харви, послушай, Харви... минутку... Послушай меня, Харви... Ради бога!.. Харви!.. Иисус!.. Не надо!!!

Перевела с английского Наталья КАЛИНИНА.

Музафер ДЗАСОХОВ

СНОПЫ

ИЗОБИЛИЕ

Мой ум — колчан, а мысли — стрелы.
Звенит, как тетива, душа.
И нива чувств моих созрела —
Да будет жатва хороша!

ТРУС

Пусть каждый пред собою будет честен:
Страх ведом всем. И разница одна:
Страх смелого лишь смелому известен,
А трусость труса — всем вокруг видна.

СЛАВА И КРЕСЛО

Высокий пост ты занял не по праву.
Сам на горе, а твой престиж на дне.
Пусть выше гор твоя взлетает слава,
А сам сидеть ты можешь хоть на пне.

КЛЯТВА

— Что лодырь ты, теперь понятно мне:
Побриться даже поленился.
— Ты лжешь! Я заявляю клятвенно,
Что я давно, давно побрился!

РАДОСТЬ И ГОРЕ

И на свадьбе слышать плач случается,
В трауре — и то мелькнет смешное...
Кто с земною радостью встречается,
Тот и горе чувствует земное.

ОДНА И МНОГИЕ

Бывает, что за девушкой одной
Спешит парней влюбленных целый рой.
Она же — разве сердце приневолишь? —
Глядит на всех, но видит одного лишь.

РОДИНА

Сегодня гордится Отчизна моя,
Детей своих видя прекрасные лица.
А завтра, когда подрастут сыновья,
Прекрасной страной они будут гордиться.

БОЯЗНЬ

— Ах, смерть придет, безжалостна, ужасна,
Придет, нагрянет мой последний час!
— Зачем же ежедневно, ежечасно
Ты ждешь того, что может быть лишь раз?

ЛИШНИЙ

Нет лишних даже средь камней
В мерцанье их недвижном...
Что в жизни может быть страшней,
Чем оказаться лишним?

ВЗАИМНАЯ ОШИБКА

Он приукрашен был моей хвалою,
Я ж — клеветой его был очернен...
Мы с ним виновны общею виною...
Скрывали правду оба — я и он!

БРАТСТВО

Хоть я родился в сакле осетина,
В краю, где Терек плещет в берега,—
Россия с нами в сердце воедино,
И Волга мне, как Терек, дорога!

ДОСТОЯНИЕ

Любовь — богатство наше! И оно
Дает нам все — упорство, силы, счастье...
Два сердца можно превратить в одно,
Одно же — не разрубишь на две части.

Перевел с осетинского Л. Шерешевский.

ПЕСНЯ СТРОИТЕЛЕЙ БАМа

Стихи Л. ВАСИЛЬЕВОЙ.

Музыка В. ОВЧИННИКОВА.

Тихо на БАМе
Веет холодом ветер ночной,
Тают в тумане
Голоса над сонной тайгой,—
До утра умолкает
Шумный день трудовой.

Ливень иль вьюга —
Нам любая беда нипочем:
Чувствуя друга
И плеча касаясь плечом,
С каждым днем все увереннее
И все дальше идем.

Годы промчатся,
И по БАМу пойдут поезда.
Нам вспоминаться,
Вспоминаться будут всегда
Боевые, суровые
Молодые года.

Алое пламя
Озаряет ночной небосвод,
Шумно на БАМе
Трудовое утро встает,
Мы уходим сегодня,
Как обычно, вперед!

В № 40 «Огонек» начинает печатать повесть Руфи Зерновой «Дело о телефонных звонках».

1.

КОРЧНОЙ ИЛИ КАРПОВ ?

1. Первая процедура, первая работа главного арбитра матча А. О'Келли (Бельгия) — жеребьевка. В. Корчной улыбается: он играет в первой партии белыми. Спокоен, как всегда, А. Карпов — ведь во второй встрече будет его «подача».

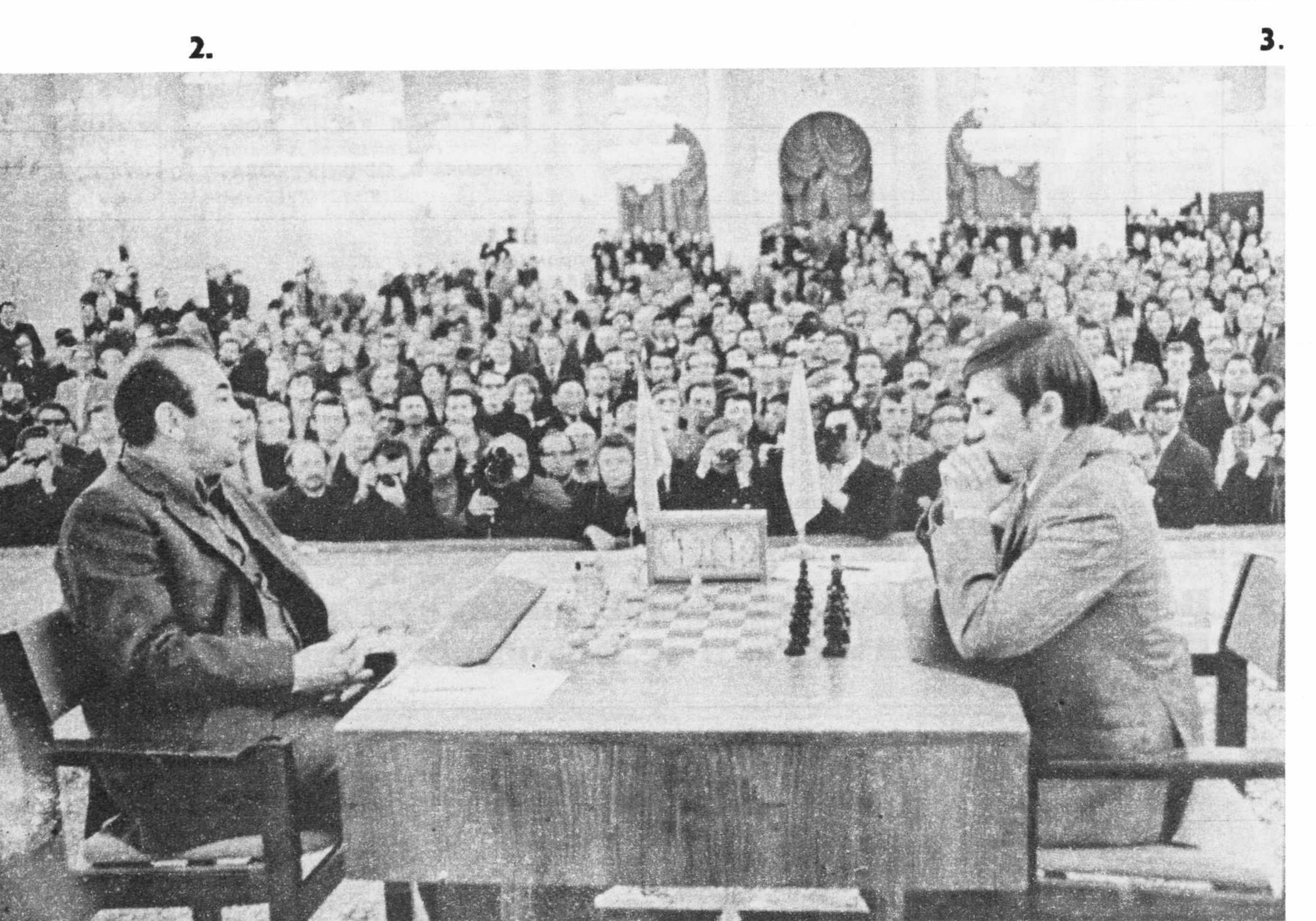
2. Первый ход 1. c2—c4. принес В. Корчному три победы в матче с Т. Петросяном. Как подготовлен А. Карпов к этому «страшному» ходу белых!

3. Шесть ходов претенденты сделали быстро: В. Корчной за 9, А. Карпов за 4 минуты. Эта позиция хорошо известна из практики. Рядом с А. О'Келли — Б. Кажич (Югославия), вице-президент ФИДЕ.

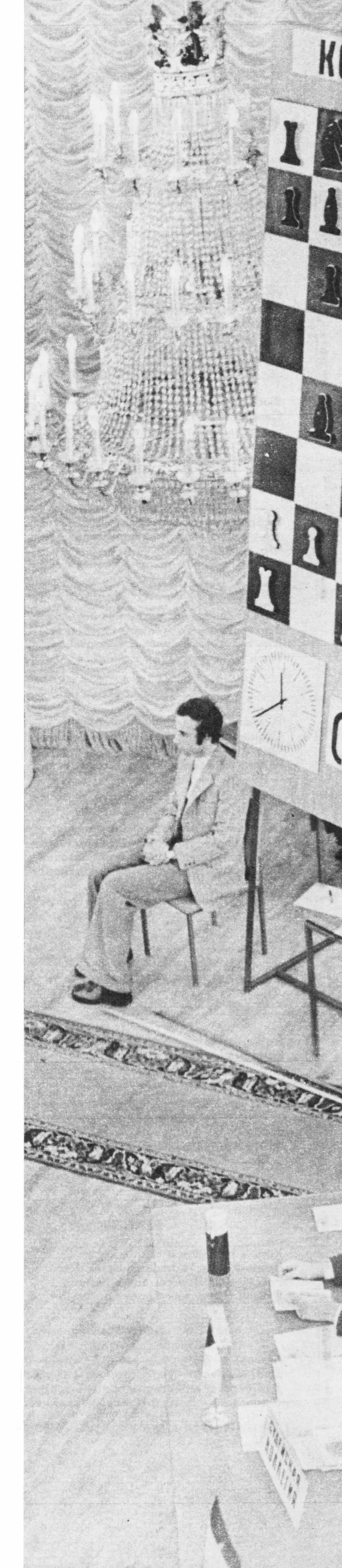
Как известно, первая партия, премьера, закончилась мирно — вничью.

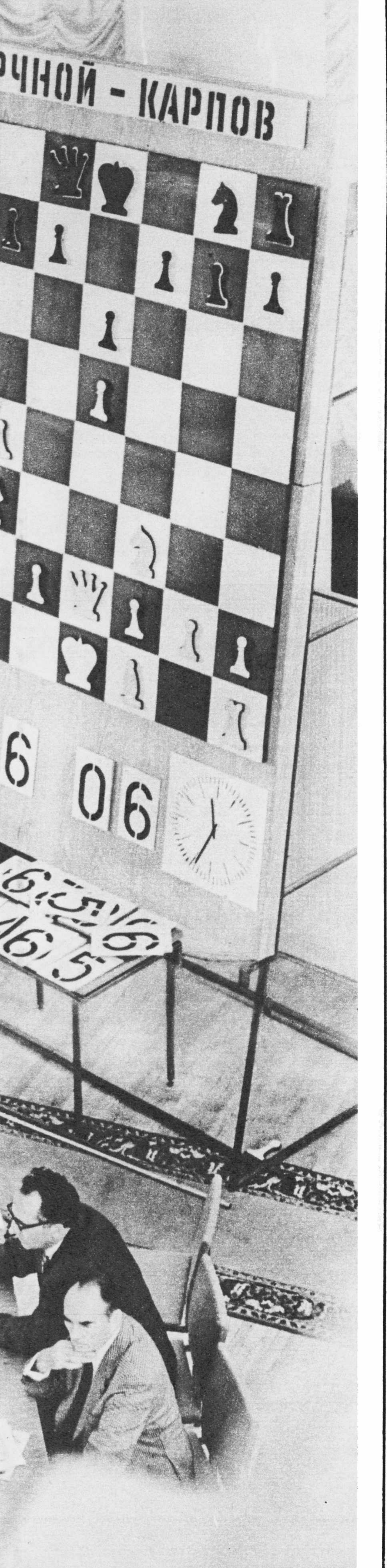
Фото А. Бочинина.

2.

3.

С ДНЕМ РОЖДЕНИЯ, АКАДЕМИЯ!

В Колонном зале Дома союзов состоялось торжественное собрание, посвященное открытию Академии Министерства внутренних дел СССР. В президиуме — заместитель Председателя Президиума Верховного Совета СССР М. А. Яснов, министр внутренних дел СССР Н. А. Щелоков и другие.

М. А. Яснов зачитал постановление Президиума Верховного Совета РСФСР о вручении Академии МВД СССР Красного знамени и вручил это знамя начальнику академии генерал-майору милиции С. М. Крылову.

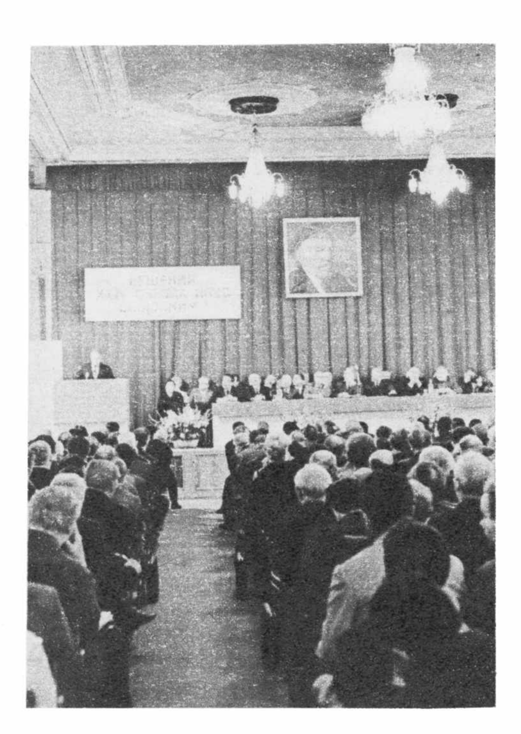
Новая академия станет головным вузом в системе учебных заведений МВД СССР, учебно-методическим центром подготовки научно-педагогических кадров. Все ее слушатели имеют высшее образование и опыт руководящей работы в органах внутренних дел.

Академия располагает высококвалифицированными специалистами. В составе Ученого совета — два академика, шесть членов-корреспондентов Академии наук СССР, тридцать докторов наук.

На снимке: заместитель Председателя Президиума Верховного Совета СССР М. А. Яснов вручает Красное знамя начальнику академии С. М. Крылову.

Фото А. Лушпаева.

ТПП ЗНАЮТ ВСЮДУ

ТПП. Эти три буквы знают, видимо, во всех странах мира. ТПП — Торгово-промышленная палата СССР. Многогранен круг ее забот. В сфере влияния палаты — организация международных выставок, содействие ускорению научно-технического прогресса в нашей стране, контроль за качеством поступающих импортных товаров, сотрудничество с торговыми палатами и подобными им организациями в других странах. И, конечно, всемерное содействие внешней торговле...

Обо всем этом и шел разговор на съезде Торгово-промышленной палаты СССР, в докладах председателя президиума палаты Б. А. Борисова, первого заместителя министра внешней торговли И. Ф. Семичастнова и заместителя председателя Государственного комитета Совета Министров СССР по науке и технике Д. М. Гвишиани.

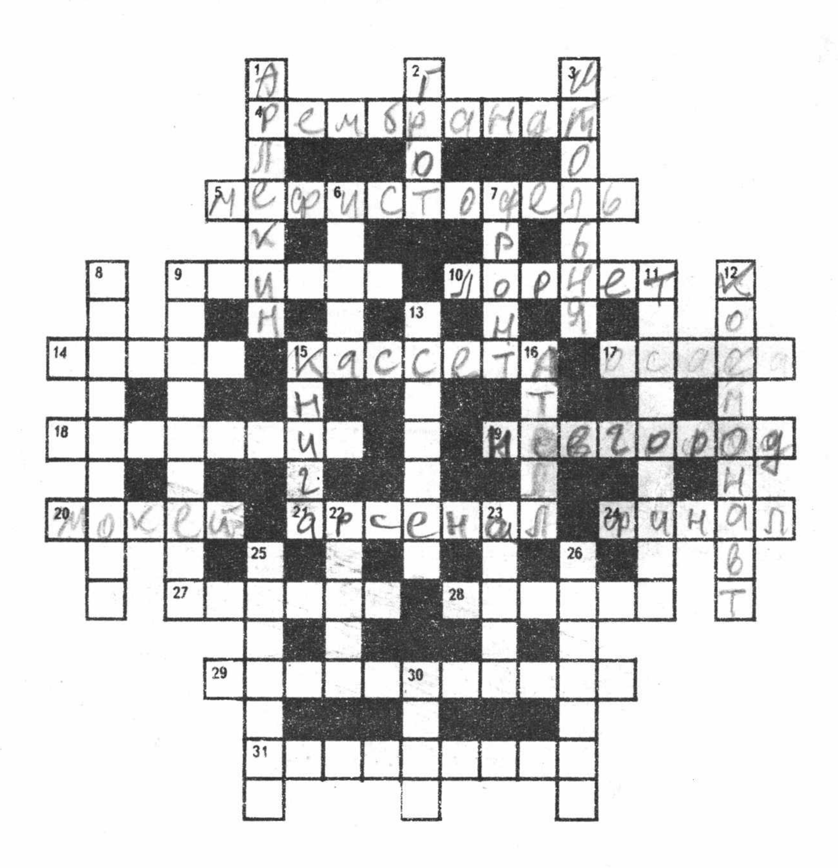
Вот лишь один пример масштаба деятельности ТПП. За один год в различных городах СССР проведено 160 иностранных выставок. В них участвовали 3 тысячи фирм из 30 стран. Только что завершилась выставка «Полимеры-74», а уже идет подготовка к выставкам 1975 года — весной в Сокольниках будут демонстрироваться достижения связи, а осенью — оргтехники.

На берегу Москвы-реки, в районе Красной Пресни, строятся павильоны крупнейшего выставочного комплекса. Его экспозиционная площадь — свыше 100 тысяч квадратных метров. Это в два с половиной раза больше, чем в Сокольниках.

К. БАРЫКИН

В зале заседания съезда.

Фото Б. КУЗЬМИНА.

КРОССВОРД

По горизонтали: 4. Голландский живописец и график XVII века. 5. Действующее лицо оперы Ш. Гуно «Фауст». 9. Советский конструктор авиадвигателей. 10. Старинные очки. 14. Денежная единица некоторых стран. 15. Футляр для фотографической пленки. 17. Порт в Японии. 18. Ивовый кустарник. 19. Областной центр в РСФСР. 20. Наездник на скачках. 21. Склад оружия и военного снаряжения. 24. Заключительная встреча участников соревнования. 27. Месяц года. 28. Сельскохозяйственное орудие. 29. Духовой инструмент. 31. Кормовое растение.

По вертикали: 1. Персонаж комедии масок. 2. Пещера в обрывистых морских берегах. 3. Подземная горная выработка. 6. Приток Невы. 7. Пьеса А. Е. Корнейчука. 8. Керамическое изделие. 9. Певучесть, мелодичность музыки. 11. Отрасль геологии. 12. Пилот космического корабля. 13. Великий русский актер. 15. Печатное издание. 16. Коралловый остров. 22. Кондитерское изделие. 23. Штат в США. 25. Итальянский поэт эпохи Возрождения. 26. Созвездие северного полушария неба. 30. Роман М. О. Ауэзова.

ОТВЕТЫ НА КРОССВОРД, НАПЕЧАТАННЫЙ В № 38

По горизонтали: 6. Фисгармония. 8. Конфетти. 9. Киловатт. 12. Штора. 14. Байрон. 18. Полька. 19. Ортопед. 20. Сказуемое. 21. Писемский. 23. Окинава. 25. Оксана. 26. Латвия. 28. Кокос. 31. Веронезе. 32. «Пуритане». 33. Воскресенье.

По вертикали: 1. Флигель. 2. Ориноко. 3. Ягдташ. 4. Логика. 5. Леопард. 7. Путивль. 10. «Коробейники». 11. Галактика. 13. Экслибрис. 15. Новелла. 16. Монолог. 17. Адмирал. 18. Перепел. 22. Бассейн. 24. Оттенок. 27. Канцона. 28. «Казаки». 29. Скутер. 30. Джильда.

На первой странице обложки: Орловский часовой завод. Бригадир Нина Морозова — одна из тех, кто собирает электронные часы (см. в номере «Орловский янтарь»).

Фото М. Савина.

На последней странице обложки: Участники хора в парке города Южно-Сахалинска (см. в номере репортаж «Сахалинский народный»).

Фото В. Кузнецова.

Главный редактор — А. В. СОФРОНОВ.

Адрес редакции: 101456, Москва, А-15, ГСП, Бумажный проезд, 14.
Рукописи не возвращаются.

Оформление А. А. КОВАЛЕВА.

Телефоны отделов редакции: Секретариата — 253-38-61; Отделы: Репортажа и новостей — 253-37-61; Международный — 253-38-63; Социалистических стран — 250-24-21; Искусств — 250-46-98; Литературы — 253-38-26; Военно-патриотический — 250-15-33; Науки и техники — 253-31-47; Юмора — 253-39-05; Спорта — 253-32-67; Фото — 253-39-04; Оформления — 253-38-36; Писем — 253-36-28; Литературных приложений — 253-38-52, 253-32-45.

Сдано в набор 2/IX — 74 г. А 00632 Подп. к печ. 17/IX — 74 г. Формат 70×108 1/8. Усл. печ. л. 7,0. Уч.-изд. л. 11, 55. Изд. № 2024. Тираж 2 110 000 экз. Заказ № 2705.

Ордена Ленина и ордена Октябрьской Революции типография газеты «Правда» имени В. И. Ленина. 125865, Москва, А-47, ГСП, улица «Правды», 24.

Сахалинский русский народный хор создан семь лет назад по инициативе областных организаций и общественности Сахалина. Срок не так уж велик для становления большого творческого коллектива, но ансамбль завоевал любовь и признание слушателей. Его хорошо знают рабочие Комсомольска-на-Амуре, рыбаки Шикотана, Итурупа, Кунашира, оленеводы Северного Сахалина, нефтяники Охи. За высокое исполнительское мастерство и пропаганду народного творчества хор удостоен звания лауреата смотров и фестивалей искусств Российской Федерации, а художественный руководитель композитор Владимир Наумов награжден орденом «Знак Почета».

Недавно этот коллектив побывал на гастролях в Москве. В репертуаре сахалинцев более ста хоровых произведений и обработок. Среди них — многие произведения советских композиторов: «Сказ о Мамаевом кургане», «Гляжу в озера синие», «Россия, звезда моя вечная». Особенно порадовала слушателей женская группа хора, солисты Татьяна Пискунова и Иван Дубровин.

Зрелищность, праздничность придали выступлениям ансамбля яркие танцевальные номера. Балетмейстер Виктор Косяков интересно поставил хореографическую композицию «На рыбацкой палубе», «Русский перепляс», «Лирический хоровод».

С искусством самодеятельных артистов познакомились, кроме москвичей, зрители Ленинграда, Ялты, Севастополя, Феодосии, Симферополя, Волгограда. Везде коллектив продемонстрировал отличную профессиональную подготовку, художественную зрелость. Гастрольные выступления Сахалинского народного хора заслужили высокую оценку. Это позволяет надеяться, что коллектив может стать первым профессиональным хором на Дальнем Востоке.

В. ВАРЖАПЕТЯН

Фото В. КУЗНЕЦОВА.

«Курильская-рыбацкая».

Руководитель хора Владимир Наумов.

САХАЛИНСКИЙ НАРОДНЫЙ

Ирина Куприянова.

Солистка ансамбля Люба Шуршакова.

Танец...

На гастроли.

Цена номера 30 коп.
Индекс 70663